

9(54)
К 964
ТРУДЫ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ АССОЦИАЦИИ
ПРИ КОММУНИСТИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ТРУДЯЩИХСЯ ВОСТОКА
имени И. В. СТАЛИНА
Выпуск II

П. КУШНЕР (Кнышев).

252 II 418 / 2
252 II 418
252 II 418
34618
ГОРНАЯ КИРГИЗИЯ

44443
(СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ РАЗВЕДКА)

Издание Коммунистического Университета Трудящихся Востока
имени И. В. Сталина
МОСКВА — 1929

9(a)54

Типография Кооператива
„Наука и Просвещение“
Москва Остоженка
Савельевский п. 13.
Мосгублит № 41630
Тираж 1050.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Летом 1925 г. мне пришлось побывать в горной части Киргизской автономной Советской Социалистической Республики (в то время — Кара-Киргизской автономной области) в целях выяснения существующего там социального строя. Научная литература о социальном строе Киргизии вообще бедна, о горной же ее части написано еще меньше: большинство данных относятся к концу прошлого столетия и в настоящее время значительно устарели, да и то немногое, что существует, требует проверки, так как и этнографы и историки путали киргизов (кара-киргизов) с казаками (киргизами-казаками). Действительно, древнейшие сведения о киргизах весьма сбивчивы и допускают такую путаницу, но антропологическое и этнологическое исследование киргизов дает все основания считать их особым от киргизов-казаков народом. Наиболее чистый тип киргизов и наиболее древние социальные отношения сохранились в горных, изолированных от внешних влияний районах; и здесь они подверглись воздействию народов-соседей, но все-таки киргизский быт проявляется в более древних формах, чем возле городов Мерке, Фрунзе (Пишпек), Токмак, Каракол (Пржевальск) и Нарын; там влияние русских колонистов и (в восточной части республики) китайцев было. О северной же части Ферганы, которая также входит в состав территории Киргизской республики, и говорить нечего — киргизы сохранили там только свой язык, но в быту и способах ведения хозяйства они копируют ферганских узбеков. Вот почему я направился в Таласский район — один из самых бедных, слабо населенный и стоящий в стороне от торговых путей.

О современном социальном строе киргизов этого района существует только несколько отрывочных заметок, разбросанных по сборникам и журналам после-революционной эпохи; из этих заметок можно было сделать вывод, что в этом районе Киргизии до сих пор еще имеют громадную силу родовые обычаи, власть стариков, родовые советы и проч. То же рассказывали и товарищи, с которыми приходилось говорить о Таласском районе, и которых все считали знатоками киргизского быта. Неудивительно, что у меня и спутников моих (тов. Б. Салиев и тов. Файзи) создалось впечатление, будто в Таласском районе сохранился чуть ли не целиком *родовой строй* во всей его чистоте.

Когда мы ознакомились на месте (в Таласском и Сусамырском районах) с действительными социальными отношениями, то пришли

к выводу, что *родового строя в этих наиболее отсталых районах Киргизии больше не существует*. Правда, родовые обычаи оказались еще сильны, сохранились довольно крепкие родовые отношения, но нет самой основы родового строя — родовых советов, власти стариков, „примитивной демократии“. Все это заменилось другим социальным строем — тоже древним, — основную черту которого составляет *манапство*. Впоследствии наши наблюдения подтвердились теми материалами, которые удалось достать в центральных партийных организациях (информационные отчеты Киргизского Обкома), а также материалами, доставленными студентом Госуд. Института Журналистики тов. Джансугуловым и студентами Комм. Университета имени Я. М. Свердлова — т.т. Ипатовым и Кирилловым. Между прочим, их наблюдения по отношению к Нарынскому району вполне сошлись с той картиной, которую пришлось найти в Таласском и Сусамырском районах: таким образом, наши выводы о социальном строе можно отнести почти ко всей *горной части* Киргизии. В остальных районах ничего подобного нет, попадаются только какие-то отголоски, да отражения — особенно в северной части Киргизской республики, где преобладает земледелие, существуют города и строятся в настоящее время заводы; или в северной Фергане, с ее хлопковой культурой. Горный район — какой-то анахронизм в советской Киргизии, но именно он дает наибольшее количество того живого материала, который фигурирует в скандальных уголовных процессах последних нескольких лет, (напр., дело Худайкулова и др.).

Что же такое *манапство*, существующее в горных районах? Слово это происходит от „манап“¹⁾ — так называют киргизы своих князьков, владеющих большими территориями летних кочевий; манапы же являются и судьями, и советчиками, и представителями больших или меньших киргизских родовых групп. Они обладают большим общественным влиянием, уважением и признанием со стороны окрестного населения, при чем не отдельные манапы пользуются такими исключительными правами, но все вообще манапы, их потомство и близкие. Таким образом, мы имеем право говорить о манапстве, как широком социальном явлении. Манапство — неродовой строй: это одна из самых ранних фаз феодализма. Это грань, рубеж двух социологических эпох. Выделившиеся из военных групп конца родовой эпохи манапы не успели еще превратиться в настоящих феодалов, но им удалось ликвидировать примитивную демократию во всех ее проявлениях. Дальнейшее развитие феодализма было прекращено русским завоеванием, тем не менее манапство сохранилось и после этого завоевания — сохранилось в силу географической и экономической обособленности горной части Киргизии.

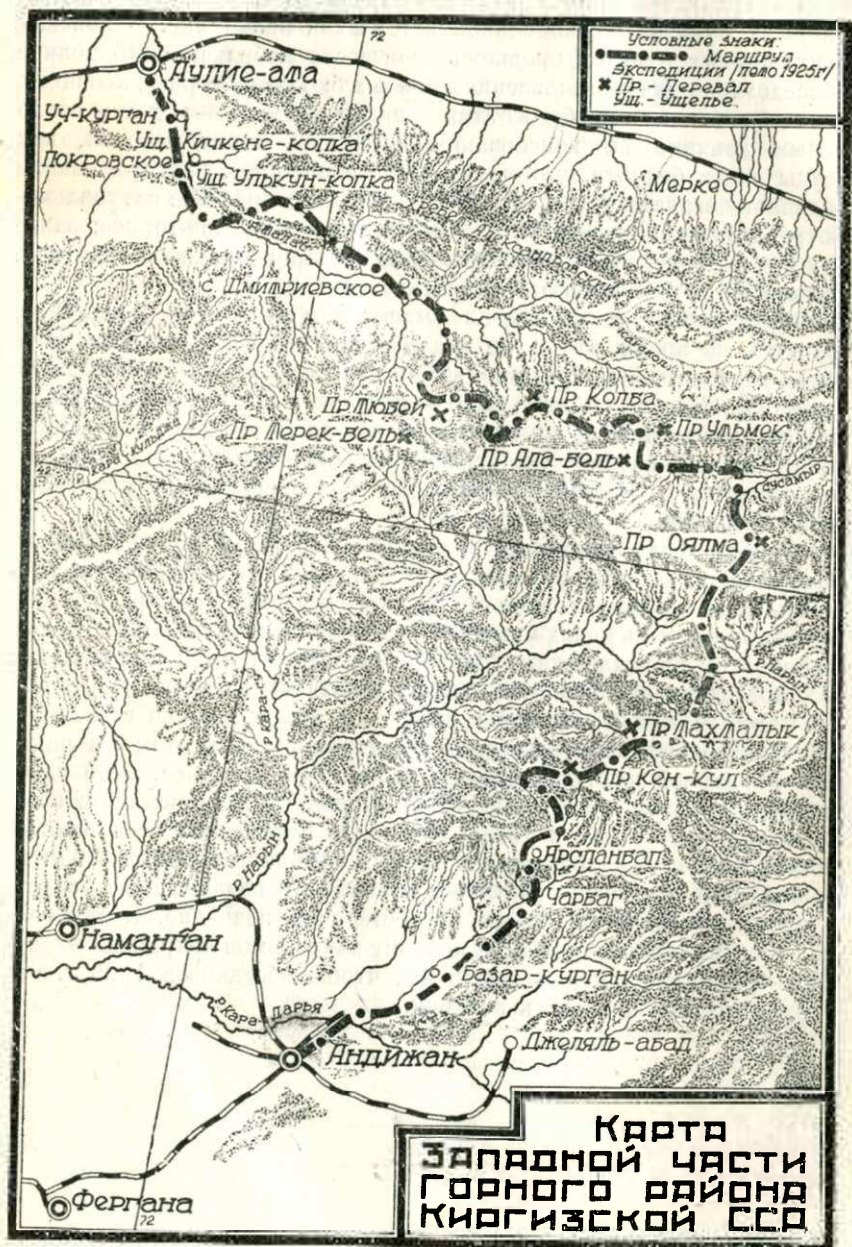
Столкнувшись с манапством, как явлением современным, мы принуждены были искать не только его исторические корни, но

1) Возможно, что от арабского „манаф“ — начальник.

и причину живучести — нельзя было допустить мысли, чтобы манаство сохранялось лишь в силу одних традиций и не имело никаких опорных пунктов в современной киргизской экономике. В поисках этих опорных пунктов пришлось произвести небольшое выборочное обследование для установления типовых бюджетов горных хозяйств, сопоставить с этими бюджетами киргизский быт — и тогда стало ясным влияние на консервацию манаства таких явлений, как ссуды скота бедноте, уртачества (половничество), подкармливания бедняков богачами и, сохранившего в значительной мере натурально-потребительский характер, хозяйствования киргизов-горцев; записанные же предания о происхождении манаров дополнили картину, придав ей историческую перспективу.

Свою работу я не назвал *справкой* о манастве у киргизов, но в то же время это и не исследование социального быта киргизов-горцев: работа представляет, всего на всего, *социологическую разведку*. Целью работы было — поставить вопрос о социальных корнях манаства; если поставленный вопрос имеет научный и практический интерес (для целей местной социальной политики), то найдутся и желающие заняться более серьезным изучением этой проблемы.

Работа была закончена в январе 1926 г., но напечатание ее задержалось. За это время в горной Киргизии обстановка несколько изменилась, произведена была чистка советского аппарата, принято кое-что в целях устранения экономической изоляции горных районов от промышленных центров, проведены были мероприятия по кредитованию бедноты, кооперированию населения: все это скажется может быть и не сразу, но самое важное сделано — привлечено внимание советской общественности к забытым районам и намечен план дальнейших работ. Тем не менее, я не изменяю в основном своих записей: я думаю, что для понимания тех задач, которые стоят и теперь еще перед Киргизской республикой, обстановка, существовавшая в горных районах до начала 1926 г., (когда стал крепнуть советский аппарат и налаживаться советская общественность), имеет существенное значение. Она и сейчас еще не изжита целиком, поэтому записи мои сохраняют злободневность, хотя я очень желал бы, чтобы обстановка 1925 г. поскорее отошла в область истории.

1. Пути сообщения в горном районе.

Наш маршрут. Перевал Колба. Долина Итагара. Сусамыр. Река Нарын. Перевалы Тохталык и Кенкул. Долина реки Гавасай. Общие замечания о путях сообщения в районе. Безлюдье вдоль троп. Как составлена карта района.

Район, который был пройден при настоящей разведке, тянется от поселка Дмитриевского (на р. Таласе) через джейлау (летнее кочевье) Джирге-тал, джейлау Сары-таш, перевал Колба, джейлау Итагар, джейлау Туро-коин, долину р. Усчат, перевал Алабель, джейлау Сусамыр, долину Боортека, джейлау Джеман-ички, перевал Оялма, джейлау Кушкен-джар, Чашкан-булак, перевал Язунгыр, поселок на р. Нарыне — Килил-язе, долину р. Нарын, ущелье Капчагай, низовья р. Конгур-огуз и зимовки на ней, перевал Тохталык, перевал Кен-кул, джейлау Карагай-туры, долину р. Гава-сай в ее верховьях; вслед за этим маршрут отклонился на юго-запад и от предгорья Шуялма, при выходе р. Гавасай из горного ущелья, пошел в направлении поселка Арслан-бац, находящегося в 45 километрах к юго-западу от Шуялмы.

Всего, считая по прямым линиям (по карте) было пройдено свыше 600 километров, в действительности же — около 1000.

Путь шел по направлению наиболее посещаемых летних кочевий западной части горного района Киргизской республики — в местностях, где, сообразно с временем года (июль — август), можно было рассчитывать найти киргизов-кочевников.

Пройденный маршрут не вполне точно определяет район разведки, так как, благодаря присутствию на летних кочевьях киргизов из отдельных мест района, удалось путем опроса осветить и местность, лежащую несколько севернее маршрута, киломеров на 50 в сторону, и местность, оставшуюся северо-западнее тех южных перевалов, через которые мы проехали. В частности, разведкой захвачен район перевала Каргыш (Кетмень - тюбинский район), который мы не проезжали.

Подробное обследование коснулось, главным образом, следующих аулов:

Список обследованных аулов.

1. Аул Беренчай (админ. аул № 1) Джетыгейской вол. Пишпекск. окр.
2. " Арал-кишлак (" " № 2) " "
3. " Агала-таш (" " № 3) " "
4. " Чонгир (" " № 3) Каракольской вол. "
5. " Крк-казык (" " № 1) Кенкольской вол. "
6. " Кара-су (" " № 5) " "
7. " Боортыбе (" " № 2) Кенколь - карагирской вол. Кет-
меньтюбин. р.
8. " Тудзиген (" " № 3) " "
9. " Каргыш (" " № 3) " "

При выполнении маршрута пришлось пересечь почти с севера на юг северо-западную часть центральной группы Тянь-Шаня — хребты: Таласский Алатау (Уртак-тау), Сусамыр-тау и отроги его, наполняющие северную Фергану. В этом районе пришлось встретиться с следующими родами киргизов: колпош, кошчи, саяк, (главным образом из колен тѳнгатар и чѳро) и мундус. Все эти роды, за исключением мундус, принадлежат к левой ветви киргизской генеалогии, т.-е. к родам, образование которых считается более близким к нашему времени, чем образование родов правой ветви (салту, багыш, сарыбагыш и джедигер).

* *

В головной части маршрута (от с. Дмитриевского) Таласский Алатау почти совершенно лишен древесной растительности, только около перевала Биш-Таш есть немного хвойного леса — в остальной части, до перевала Колба, которым открывается долина Итагар, нет ни леса, ни кустарника.

Горы покрыты (маршрут проходил в июле-августе) ярко-зеленою мелкою травой, изобилуют горными речками, несущими свои воды с необычайной быстротой. После широкой долины Таласа, подле Дмитриевского, начинаются предгорья, которые дают множество некрутых подходов к основному хребту гор. Ущелья, покрытые горными потоками, узкие долины горных рек служат основными путями сообщения в этой части района. От впадения р. Тюбей-су в р. Колба-су до перевала Колба тропинка изобилует множеством бродов и постепенно входит в полосу вечных снегов. Километрах в 15 от перевала температура воздуха резко понижается (перевал был пройден около 13—14 часов) и становится ниже нуля.

Во всем окружающем районе расположены летние кочевья киргизов победнее — дальше перевала Колбы бедняки из рода колпош не ходят.

Перевал Колба (высота его свыше 4500 метров) всегда находится под снегом, граница которого в июле месяце была за пределами 3600 метров.

За перевалом Колба начинается долина р. Итагар, длиною в 50 километров. Спуск в долину очень тяжел, крут и каменист.

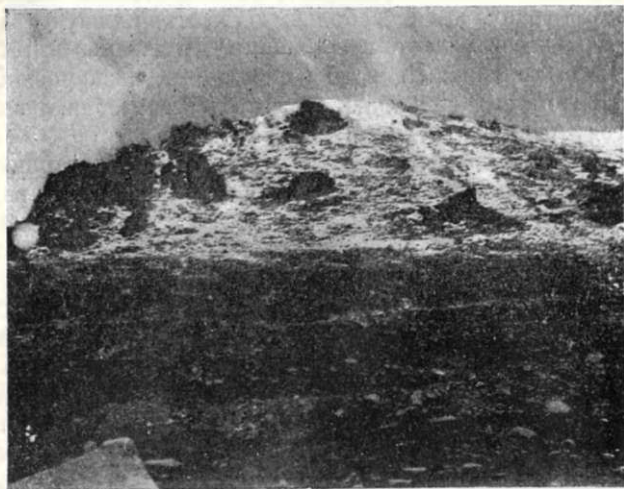

Рис. 1. Вершина горы в трех километрах севернее перевала Колбы.

Рис. 2. Перевал Колба (в конце июля).

Итагар — одно из лучших джейлау в западной части Киргизии. Сюда откочевывают киргизы-богачи из рода колпош. Долина находится на высоте 2200—2300 метров, сохраняет в течение всего лета зеленую траву, имеет небольшую кустарниковую растительность — арча здесь растет небольшими кустиками, вырывааемыми киргизами для топлива. По всей вероятности, низкорослость арчи объясняется тем, что ей не дают отрастать и истребляют на втором-третьем году роста.

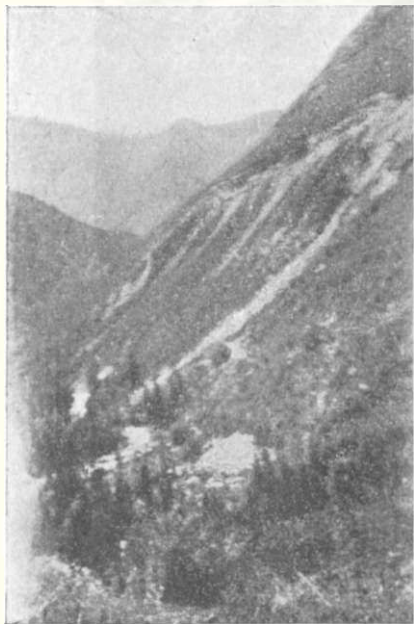

Рис. 3. Усчат.

Кочевье Итагар постепенно переходит в долину реки Усчат — самое красивое место, которое когда-либо приходилось видеть. Ущелье здесь раздается в ширину на 2—3 километра. С правой стороны ущелья (при движении с запада на восток) течет река Усчат; склоны гор, подходящих с юга к самой реке, покрыты густыми хвойными и лиственными лесами, а долина напоминает парк, где среди массы диких яблок и различных пород лиственных деревьев земля покрыта ярко-зелеными газонами, по которым там и сям синими струйками расходятся мелкие ручейки. Изобилие птиц, дичи пернатой и крупных лесных хищников (водятся лисицы, волки и медведи) создает все предпосылки хорошей охоты.

Киргизов в этой долине нет. Долина безлюдна.

В верховьях р. Усчат картина меняется. По мере приближения к пер. Ала-бель (в 25—30 километрах от слияния р. Усчат с р. Итагаром) местность повышается, леса и кустарники исчезают, склоны гор покрываются одной травой.

Вдоль рек Итагар и Усчат дорога настолько удобна, что при небольшой разработке могла бы быть превращена в колесную. При слиянии р.р. Итагара с Усчат сделан мост, через который идет дорога (тропинка), ведущая самым близким направлением в Наманган.

Эта тропинка, по крайней мере в своей головной части, также очень легко может быть превращена в колесную дорогу.

Перевал Ала-бель, пожалуй, единственный *перевал*, имеющий право носить это имя. Дорога очень широка, по ней можно ехать и на колесах. Переход к *Сусамырской* долине совершенно неза-

метен. Эта долина, окаймленная с севера и юга высокими горами, славится по всей Киргизии. В северной своей части долина очень широка (от 20 до 40 километров); длина этой широкой части долины—около 100 километров. Дальше, к востоку, долина суживается, пересекаясь в нескольких местах хребтами, которые разрываются узкими ущельями вдоль реки Сусамыр. На Сусамырской долине в западной части кочуют, обычно, роды саяк, кошчи и мачак. Аулы здесь расположены сравнительно близко друг от друга (на расстоянии 5—10 км.), и в летний период долина является одной из самых населенных во всей Киргизии. Растительность богатая в отношении кормов для скота, но кроме травы ничего нет. Чахлые поросли арчи, кустарникового типа, попадаются очень редко, да и то только на южном склоне Александровского хребта, тянувшегося вдоль северной стороны долины. Других растений—кустарников, не говоря уже о деревьях, нет.

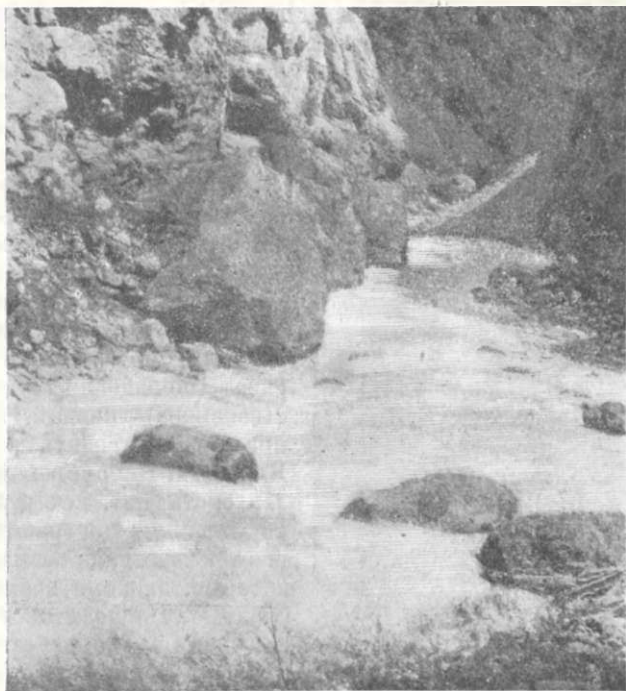

Рис. 4. Река Нарын.

От долины Сусамырской маршрут уклоняется вдоль реки Боортеке на юг, к ее истокам — перевалу Оялма. Перевал каменист, высота его около 3400 метров, в ущельях подле вершины всюду лежал снег (в июле месяце). За перевалом Оялма — бесконечное ущелье, на дне которого течет горный ручей. При выходе из ущелья

в долину — одно уединенное зимовье. Долина идет постепенно расширяясь, начинают попадаться поля ячменя и пшеницы, большие суходольные сенокосы. Затем идет небольшой перевал, вышиной в 2300—2500 метров — Язун-гыр, и тропинка подходит к долине реки Нарын.

По мосту через р. Нарын тропа переходит в ущелье Капчегай, заросшее дикими фруктовыми деревьями. Расширяясь ущелье дает место посевам джугары, пшеницы и проса.

Большая совершенно безводная долина тянется дальше вплоть до перевала Тохталык. На этой долине много зимовок, посевов, сенокосов. Весенние потоки пересохла, трава вокруг них еще сохраняет зеленый цвет, но воды больше нет. И лишь у самого перевала — небольшой горный ручеек с грязноватой водой, Кара-су.

Перевал Тохталык — собственно, не один перевал, а целых три. Два более северных проходятся легко, но третий каменист и южный склон его (спуск в Фергану) необычайно крут: для вьючной лошади (а для вола тем более) этот перевал трудно проходить.

За перевалом идет новый гребень гор, в который врывается несколько узких ущелий. Киргизские кочевья попадают только у перевала Кен-кул, а до того по тропе имеются две зимовки и один рабат (помещение для путешественников) — первый, который пришлось встретить в горной Киргизии. Вокруг рабата корма для скота нет, нет и людских поселений; этот рабат посещается изредка проезжающими, которые, экономя время, предпочитают ночевать поблизо-

Рис. 5. Кен-кул.

сти от большой тропы, ведущей в Фергану, не заезжая на ближайшие кочевья — в 15—20 километрах. К перевалу Кен-кул (3000—3100 метров) идет удобная дорога. Сейчас же за перевалом Кен-кул, в 5 километрах ниже вершины его, начинаются хвойные леса (ель) и небольшие группы диких фруктовых деревьев. Километров 10 продолжается спуск, приводящий на неширокую долину речки Гава-сай, текущей двумя рукавами. Долина похожа на запущенный сад, посередине ее расположен рабат, но поселений никаких нет. Киргизские аулы располагаются от долины в 5—8 километрах по обоим склонам гор, подле самых гребней, (Карагай-

туры и др.), не так богаты кормом, как Итагар и Сусамыр, крутопологи и каменисты, но имеют много топлива поблизости (еловые леса).

Тропа вьется вдоль одного из рукавов речки. Речка впадает в озеро и снова вытекает из него. Растительность в этой местности богатая, масса диких фруктовых деревьев: слив, вишен, яблонь, урюка, калины, джиды и проч. Ущелье делается уже; громады гор, покрытые кустарником, сжимают с двух сторон тропу. Речка превращается в бурный поток, брода через который не сыщешь. В 50 клм. южнее Кенкула горы совсем замыкаются, но поток, усиленный большим правым притоком, прорывает проход, образуя каменные ворота с отвесными стенами. Недалеко от этого места построен через поток мост, отводящий дорогу на левый берег реки.

От аулов близь Кен-кула до выхода из ущелья — на расстоянии 50 километров — никакого жилья нет.

Широкая долина, на высоте 750 метров, начинается большим лесом из исполинских ореховых деревьев (греческие орехи). Ореховыми лесами покрыты дальше все предгорья. На вершинах холмов ореховое дерево уступает место необъятным лесам из дикой яблони и сливы.

Долина кое-где обработана клочками, видны поля пшеницы и проса. Недалеко от выхода из ущелья, в том месте, где р. Гавасай вырывается из гор, находится киргизское поселение, застроенное по типу узбекских кишлаков. Здесь живут оседлые киргизы — земледельцы. Горный район, собственно, кончается у Кен-кула — дальше ничего типично-киргизского нет, и разбросанные там и сям, вплоть до Базар-Кургана, киргизские поселения совершенно не отличаются от поселений центральной Ферганы.

Несмотря на отсутствие горных перевалов и ровную поверхность долины, колесной дороги нет вплоть до Чарбака (в 30 километрах севернее Базар-Кургана). Главным препятствием для проведения здесь колесной дороги является отсутствие хороших мостов.

Теперь — общие замечания о путях сообщения горного района. Тропы почти всюду идут вдоль русла горных рек и потоков;

Рис. 6. Долина реки Гавасай (в низовьях).

вместе с ними отклоняются в сторону, делают повороты и изгибы. Падение рек в горах очень крутое, поэтому и тропы, за небольшим исключением, очень круты, поднимаются к верховьям рек и опускаются к устьям. Трудно сказать, насколько целесообразно выбрано направление многих троп: часто эти направления производят впечатление случайности, так как, после нескольких верст в сторону, тропа приходит снова к первоначальному месту. Возможно, что многие тропы образовались так: первый след сделали случайные путники, протоптав его копытами лошадей, а вслед за ними потянулись и все последующие путешественники, не пытаясь устанавливать новую более близкую или более удобную дорогу. Некоторые тропы выбиты глубоко в каменном грунте, широки и ровны, как колесный путь, другие — еле заметны, теряются среди камней и травы; но у всех горных троп есть одно свойство, сближающее их — тропы проложены исключительно ногами животных, но не руками людей.

Человеческая сознательная работа по улучшению путей сообщения видна только кое-где на обрывистых склонах утесов и переходах через наиболее глубокие горные потоки. Работа эта выражается в устройстве балконов, закреплений осыпающихся склонов камнями и деревьями, устройстве мостов. Все мосты построены без применения плотничьих работ, бревна не отесаны, настила нет, а о гвоздях и говорить не приходится. Через поток перекинута несколько толстых жердей, прикрытых более тонкими жердями поперек. Для того, чтобы жердевой мост не расходился под ногами лошадей, на него набросаны крупные камни. Настоящие деревянные мосты с настилом из досок пришлось видеть только два раза — на р. Нарыне и на р. Усчат. Все остальные мосты, а их пришлось перейти более двух десятков, были на редкость примитивны и непрочны. Печего и говорить, что все эти мосты сносятся весной потоками и их приходится ежегодно возобновлять.

Все искусственные сооружения просты: для устройства их нужен только чот (топор) и рабочая сила. Перед большими камнями (не говоря уже о скалах) и особо широкими потоками человек отступает. Тропа ползет вверх, отходит на версты в сторону, чтобы избежать препятствия длиною в несколько сажень... Вверх, вниз, вверх, вниз — беспрерывно волнуется тропа, а между тем, при совсем небольших технических сооружениях и срезках, она могла бы быть совершенно ровной. Если по карте расстояние определяется в 10 километров, то, вследствие зигзагообразности тропы, оно оказывается в действительности не менее 20. Ко всему этому необходимо прибавить необычайное утомление животных и людей от постоянных подъемов и спусков; вследствие этого, после 15—20 км. езды по горной тропе, лошади оказываются гораздо более утомленными, чем после марша в 40—50 километров по поселку.

Не говоря уже о физических трудностях пути, длительные поездки по горной Киргизии отнимают много времени совершенно

нецелесообразно. Вдоль проезжих троп почти нигде нет жилья, рабатов до смешного мало, да и то в этих рабатах нет ни корма для скота, ни еды для человека. Так как иметь с собой запас всего этого не всегда возможно, то приходится на ночевки сворачивать на 15—20 километров в стороны от главных троп, для того чтобы найти киргизский аул. Такие заезды возможны лишь при необычайно хорошем личном знакомстве с расположением вдоль дорог киргизских аулов, или при наличии проводника. Аулы не сидят на одном месте: если вчера аул видели в ущелье, то это не значит, что сегодня он останется там же. Если кто-либо дорожит временем, как, например, торговец или делец, он по дорогам горной Киргизии поедет лишь в самом крайнем случае.

Подробных карт (2-х версток) горного района нет, что же касается 10-верстки, то она составлена из рук вон плохо. Не совпадает даже направление основных горных хребтов; водоразделы указаны неправильно; перевалы, указанные на карте, не всегда существуют в действительности, и, наоборот, наиболее важных перевалов нет (напр. отсутствует перевал Колба, выдуман перевал Арамса-второй, неправильно показано начало р. Колба-су, пропущены реки Итагар и Усчат и т. д.).

Особенно плохо проведена съемка в районе от $41^{\circ}50'$ до $42^{\circ}20'$ северной широты и от $42^{\circ}0'$ до $43^{\circ}15'$ восточной долготы. Здесь сплошное вранье — нет р. Боортека (правый приток Сусамыра), отсутствуют р. Джеман-ички, перевал Оялма — наиболее часто употребляемый киргизами при переходе из Сусамыра в Фергану — и приведены совершенно вымышленные названия.

В общем, горные дороги очень трудны и совершенно не приспособлены к торговому движению; проходить их пришлось летом, и то они были тяжелы, зимой же большинство троп вовсе непроходимы. Таким образом, в течение всей зимы горный район служит как бы барьером, преграждающим путь между Таласским районом и Ферганой. Так как большинство скота, сбываемого киргизами на рынках в Чат-базаре, Аулие-ата и Мерке, скупается для Ферганы, то вполне понятно, как отсутствие удобных путей сообщения должно отражаться на снабжении Ферганы скотом и на ферганских ценах: достаточно временной заминки в доставке скота, как цены на него повышаются на 100% (в особенности на рабочий скот).

Наконец, *отсутствие удобных путей сообщения необычайно тормозит общее экономическое развитие горной Киргизии, является главной причиной ее отсталости.*

2. Хозяйственный аул.

Зимовки. Величина аулов. Родственный состав населения аулов. Переход на летовья (джейлау). Юрта. Летние становища.

Жилище горных киргизов большею частью состоит из переносной юрты, — деревянного остова, обтянутого кошмой. Давать описание юрты было бы нелепо, после множества детальных описаний этого вида жилья. Несравненно целесообразнее остановиться на самом характере киргизских поселений и их строении.

Киргиз по преимуществу — скотовод. Даже в тех случаях, когда он не владеет лично скотом, у него остаются многовековые навыки предыдущих поколений, связанные со скотоводством — кочевой образ жизни. Оставаться в течении целого года на одном месте киргиз может только в силу принуждения (внешнего или экономического), и в таких случаях он чувствует себя несчастным. Если отсутствие скота не позволяет киргизу выезд на джейлау, он перекочевывает на лето со своими домочадцами на луг, в лес, к берегу реки — словом, куда бы то ни было, только бы не оставаться на зимней стоянке. Чаще всего такая перекочевка связывается с какой-либо экономической потребностью — сбором топлива, сена и пр.

Зимовки киргизов расположены, большею частью, у подножья гор или в широких ущельях, рядом с посевами. Стоянка выбирается так, чтобы поблизости была вода, кустарник или лес, чтобы жилье было укрыто от холодных ветров.

Зимуют совместно около десятка хозяйств. Каждое из хозяйств ставит свою юрту подле сложенного из сырцового кирпича загона для скота. Большинство киргизов зимует в своих юртах; глинобитые постройки для людей (вместо юрт) встречаются в северной части района только у богачей (некоторые из них живут в домах, сделанных на подобие узбекских — без окон), но в южной части района в них живут все киргизы, как богачи, так и бедняки. Что же касается стойл и загон для скота, то они повсюду строятся достаточно прочно и удобно.

Группа совместно зимующих хозяйств не составляет аула в обычном смысле — понятие аула, как административно-хозяйственной единицы значительно шире — правильное было бы такую большую зимовку называть *хозяйственным аулом*. Величина хозяйственных аулов колеблется от 5 до 25 хозяйств, но чаще всего

имеет 10—12 хозяйств. Так же, как величина хозяйственных аулов, колеблется и население этих аулов—от 12 до 195 человек, средняя же населенность равна 50 человек на аул.

Более подробно это видно из следующей таблицы:

Название аулов	Число хозяйств	Н а с е л е н и е		
		Всего	Из них	
			мужчин	женщин
Беренчай	8	42	19	23
Арал-кишлак	11	52	30	22
Агала-таш	3	12	6	6
Чонгир	10	53	29	24
Крк-казык	17	80	38	42
Кара-су	12	57	28	29
Боортюбе	10	46	23	23
Тудзиген	15	74	40	34
Каргыш	25	195	109	86

В хозяйственном ауле зимуют большую частью сородичи, члены одного и того же рода и колена: такой родственный состав населения аула слагался исторически, по мере расселения больших родовых союзов по территории современной Киргизии. Тем не менее, в каждом ауле попадают лица, посторонние данному роду—пришельцы, чужаки; они являются членами других киргизских родов, расположенных поблизости, или же в полном смысле „изгоями“—людьми начинающими свой собственный род, людьми не имеющими предков и приличной родословной. В обыденной жизни такие чужаки не выделяются из среды остальных жителей аула (в этом, между прочим, сказывается уже упадок родовых традиций и родовой системы); но во время больших родовых праздников их всячески изолируют: в обращении с ними чувствуется тогда даже легкое презрение, так как киргиз не уважает людей, затрудняющихся точно указать род, ветвь и колено, от которого происходит он и его близкие.

Зимовье заполняется жителями в начале сентября месяца; сюда стогонется скот, свозится топливо. В течение всей зимы зимовье живет достаточно замкнуто.

С наступлением весны зимовья оживают. Вместе со скотом, перегоняемым на весенние пастбища, движутся и люди. Часть семьи остается на зимовке для работ на поле—для распахки, поливки и засева земли,—а остальные, с детьми и имуществом, кочуют вместе со скотом. Снаряжаются юрты, достаются кошмы. Бедняки, не имеющие скота, остаются на зимовках, хотя в некоторых аулах они кочуют вместе с богачами, охраняя их скот и выполняя для них все домашние работы; в таких случаях богачи дают им на прокат часть своих коров.

По окончании полевых весенних работ в кочевку собираются и бедняки. Они выючат освободившихся от полевых работ волов своими юртами и скарбом, движутся вслед за богачами. Некоторые бедняки не имеют даже волов, чтобы перенести юрту—эти обращаются к богачам за одолжением: дать на несколько дней

Рис. 7. Перекочевка (на перевале Ала-бель).

волово для перехода на другое место. В местах, близких к русским поселкам, бедняки берут у богатых русских крестьян скот на выпас. Тот, у кого нет никакой возможности самому откочевать из-за отсутствия перевозочных средств, но кто имеет 2—3 баранов, поручает их на все лето своим сородичам из этого же аула, уезжающим на джейлау. Таким образом, на летовье (джейлау) не перекочевывают только самые бедные киргизы. Вместе с такими бедняками на зимовках остаются кое-где „малаи“ (наемные рабочие), обрабатывающие и охраняющие поля богачей.

В месте, предназначенном для первой длительной стоянки (остановка дней на 7—10, в зависимости от корма для скота) ставят юрты. Постановка юрты занимает около часа, разборка же ее производится в два раза быстрее. Юрту ставят исключительно жевцы—мужчина не должен прикасаться. Когда деревянный решетчатый остов поставлен, его обтягивают кошмой, а внутреннюю нижнюю сторону, кроме того, обтягивают редкой

циновкой, сделанной из соломы. В жаркие дни кошма отворачивается на теневой стороне и циновка служит превосходной вентиляционной сеткой.

Сквозь отдушину сверху, закрываемую на ночь коллаком из кошмы (коллак надвигается и в дождливые дни), проникает в юрту свет. Через эту же отдушину вытягивается вверх дым от костра. В мягком полусвете, стоящем всегда в юрте, все вещи кажутся много лучше, чем они бывают в действительности. В богатой юрте вышивки и ковры украшают юрту. В бедной — единственное украшение: кошма на полу и циновки вдоль стен. Посреди юрты — очаг, над которым ставят треножник. Топят мелкими сучьями и конским пометом. В дождливые дни, когда тяга через отдушину уменьшается, вся юрта заполняется едким, удушливым дымом.

По стенам юрты, на деревянном скелете ее, развешиваются куски баранины, кишки, требуха, у стен на земле ставятся деревянные блюда с молоком. Все имеет свой специфический запах — смесь этих запахов и составляет «запах юрты»... В холодные ночи (на высотах такие ночи бывают сплошь и рядом) в юрте снят теллята и охотничьи собаки.

В среднем, в каждой юрте ночуют 5—7 человек. Служит ли юрта хорошим убежищем для людей? На этот вопрос нельзя ответить категорически. Если юрту считать летним жильем, то она, конечно, отвечает своему назначению; для зимнего же жилья юрта годится только за неимением лучшего. Между тем, в северных районах большинство киргизов живет в юртах и летом, и зимою.

Хорошая, новая юрта богатого киргиза покрывается кошмой сверху до низу. У бедняков кошма не доходит до земли, приблизительно, на поларшина. Циновки из соломы, натянутые вдоль стен, служат хорошей вентиляционной сеткой, но совершенно не задерживают тепла: в юрте бедняков, где кошма не доходит до земли, всегда немного сквозит. По ночам протекает; как бы плотно не лежали куски кошмы один на другом, всегда между ними найдутся щели, а в юрте бедняка сквозь кошму стен и крыши часто видно по ночам звездное небо. В большинстве аулов юрты не оканчиваются. При большом дожде струи воды, стекающие со стен юрты, образуют по бокам ее лужи; земля настолько пропитывается водою, что кошма на земле и бараньи шкуры на ней делаются совершенно мокрыми.

Зимою юрта обкладывается со всех сторон (снизу) соломой. Когда снег покрывает толстым слоем, в юрте довольно тепло, но для сохранения тепла приходится как можно меньше выходить из юрты: подъем куска кошмы, служащего дверью, сразу может унести все тепло.

В дни праздников летом ставят для гостей палатки из киргизской маты (домотканная хлопчатобумажная материя). Эти палатки укрывают от зноя, но плохо защищают от ночного холода и почти не защищают от дождя. Огни в них разводить нельзя, дверей у таких палаток вовсе нет.

В общем, как переносное жилье, юрта может быть признана очень портитивной и удобной. Внутренний переплет юрты служит для развески по стенам различных продуктов и предметов — это большое удобство, так как на земле много бы испортилось. У богатых киргизов существуют особые деревянные подставки, на которые ставятся сундуки и свернутые в трубку ковры и постели.

Внешний вид юрты всегда указывает на степень благосостояния ее владельца. У богатей юрты делаются из белой кошмы, у людей победнее — из бурой. Чем беднее киргиз, тем хуже его юрта, старее, дырявее и меньше размером. Но попадаются иногда летом такие становища, в которых у заведомых бедняков стоят большие и белые юрты. При опросе оказывалось всегда, что эти юрты принадлежат богачам, кочующим на более высоких местах; вследствие тяжелой дороги на горные высоты, богачи оставили свои юрты внизу, а взяли с собою небольшие юрты бедняков. Такая временная межа происходит к обоюдному удовольствию.

На летних стоянках хозяйственный аул никогда не собирается в своем полном составе: часть жителей его остается

вблизи зимовок, другая часть (откочевывающая на джейлау только после весенних полевых работ) кочует ниже. Только самые богатые жители аула используют лучшие кормы—они идут со своим скотом впереди, и тем, кто кочует позже, остаются лишь худшие участки и худшие кормы.

Летние становища киргизов располагаются в совершенно иных местах, чем зимовки. На лесистых склонах гор, в ущельях, поросших кустарником, в укрытых от ветра местах летом не найдется ни одной стоянки скотоводов. Если для зимовки требуется близость древесной растительности, то для летовья такая близость считается определенно вредной: в низинах ущелий нет хорошей травы, в местах с богатой растительностью—для скота нет покоя из-за мух, комаров и других насекомых. Для летовья нужно только два условия: хороший корм и близость воды. Оба этих условия можно найти летом на склонах снеговых гор, на высоте не менее 2000—2500 метров над уровнем моря—там, на зеленых круто-пологих лугах близ самых снегов располагаются стоянки киргизов-скотоводов.

Горные ручьи шумно несутся вниз каскадами ледяной воды; ярко изумрудная мелкая трава покрывает склоны мягким ковром. Воды и травы много—но кроме них там больше ничего нет. Юрты издали похожи на камни, а камни на юрты. Пять-шесть юрт вытягиваются в одну линию вдоль ручья—здесь все то, что остается на лето от хозяйственного аула.

✓ Ко времени сбора урожая бедняки спешат вернуться на свои зимовки. Более зажиточные киргизы оставляют свои семьи на джейлау, а сами едут на посевы. Богачи этого не делают—те из них, у которых на посевах остались „малай“, посылают для надзора за ними своих старших сыновей или близких родственников; большинство же совершенно не замечает сбора урожая, так как имеет уртаков, доставляющих определенную часть урожая богачу осенью уже в обмолоченном виде. ✓

Таким образом *состав хозяйственного аула не представляет постоянной величины во всякое время года*. Единый зимой, хозяйственный аул к лету делится на три части: одна часть остается на зимовке, вторая кочует в горах, а третья тянется вслед за второй в некотором отдалении. Осенью все эти части аула снова сливаются вместе на зимовке, продолжая поддерживать традиционные хозяйственные и родские связи.

3. Земледелие.

Поливные и богарные (неполивные) земли. Посевная площадь аулов и ее распределение по хозяйствам. Агркультура. Охрана посевов. Земледельческие орудия.

Киргизы все связаны с земледелием, но значение этого промысла в отдельных районах не одинаково. В то время, как в горных районах он занимает второе место (после скотоводства), в районах более низменных земледелие выдвигается на первое место. Растет также роль земледелия и по направлению с севера на юг—за линией реки Нарын (южнее ее) и перевалами Кенкул, Каргыш, Тохталык, земледелие оказывается почти единственным промыслом большинства киргизов.

Занятие земледелием зависит от количества скота: богачи, имеющие скот в достаточном количестве, вовсе не занимаются земледелием, земли свои отдают в кабальную аренду (уртачество); киргизы победнее, наряду с скотоводством, занимаются также и земледелием; бедняки же, не имеющие вовсе скота—в особенности баранов и лошадей—прочно сидят на земле и для них земледелие—единственный способ существования.

Большая часть земель, занятых посевами, имеет развитую систему арыков (оросительных канав); воды в горном районе, изобилующем снеговыми вершинами, совершенно достаточно. На богарных (неполивных) землях киргизы сеют неохотно, так как небольшие урожаи на поливных землях еще более снижаются на богаре.

Почти повсюду в горном районе оросительная сеть очень древнего происхождения; новых арыков, в особенности головных, не видать. Объясняется это тем, что для создания новой оросительной сети необходима значительная рабочая сила, которой современные хозяйственные аулы (каждый в отдельности) не обладают. Те 20—30 мужчин, которые живут в ауле, не в состоянии справиться с громадной работой по прокладке новой оросительной сети, помощи же от соседних аулов ждать не приходится. В прежние время, когда аулы были многочисленнее, когда роды держались сплоченно и сородичи охотно откликались на просьбу нуждающихся, проводка арыков была более легким делом. Арыки проводились и тогда не сразу, а исподволь, в течение десятилетий. Теперь малолюдье делает многие аулы беспомощными, а родствен-

ные связи ограничиваются лишь угощением гостя, мелкой взаимопомощью, но не коллективной работой в пользу другого аула.

Недостаток рабочей силы мог бы быть пополнен новыми техническими усовершенствованиями—их нет: киргизы горного района употребляют те же орудия, которые употреблялись их предками лет 200 тому назад. Вот почему почти не увеличивается оросительная сеть; пожалуй, что она даже уменьшается, так как значительное количество старых арыков стоит засоренными и заброшенными.

Посевная площадь аулов очень скромна. Пахотные участки находятся большею частью в нешироких ущельях, часто прерываются потоками и грядами камней. Ровных мест, годных для полива, конечно, не так уже много и размер их невелик—участок длиною в 200 метров попадает лишь в виде исключения, средняя же ширина его не превышает 60 метров. В предгорьях южного склона ферганских гор попадают и большие участки, в северном же районе—Таласском—они еще меньше по размерам. Хорошие условия для земледелия—в смысле величины посевных участков—существуют лишь по долине реки Нарына и на ее левом притоке р. Конгур-огузе (в его верховьях). *Склоны же гор остаются совершенно неиспользованными*; участков в виде террас нигде не приходилось видеть.

Так как величина аулов колеблется от 3 до 25 хозяйств, то и размеры площади также дают значительные колебания—от 3 до 27,5 десятин. При более детальном рассмотрении тех причин, вследствие которых аул имеет данное число хозяйств, оказывается, что первопричиной является величина земельной площади, годной для посева—особенно явственно выступает это положение в аулах южнее р. Нарын. Там, где пахотные участки расположены по ущельям (т. е. в большинстве случаев), они не идут сплошной полосой, а отдельными клочками. Каждый клочек принадлежит отдельному хозяйству: очень редко случалось видеть, чтобы собственником двух-трех клочков был один и тот же юртовладелец. В зависимости от этого, величина посевов в отдельных хозяйствах незначительна, а в самом лучшем случае не превышает 3 десятин—из 9 обследованных аулов в различных районах горной Киргизии только в ауле Каргыш оказалось одно хозяйство, имевшее 5 десятин посева, да и то посев был весь на богаре. В среднем, на одно хозяйство приходится по 1,2 десятины, причем хозяйств, имеющих менее 1 десятины—37%, имеющих от 1 дес. до 3 дес.—62% и имеющих свыше 3 десятин—1%.

Величину и распределение посевов между хозяйствами можно видеть из следующей таблицы: (см. таб. стр. 23).

Преобладающая культура в земледелии горных киргизов—ячмень; его сеют повсюду. В местностях, высоко расположенных над уровнем моря, где лето очень коротко, сеется исключительно ячмень, так как другие злаки не успевают вызреть. Так напр., ячмень является исключительной культурой в ауле Беренчай (в

15 километрах от Копре и в 35 клм. от Чат-базара), в ауле Агала-таш (там же). В более низких местах сеют также пшеницу и клевер (исключительно на поливных землях). В Кетменьтубинском районе и южнее его (аулы Каргыш, Крк-Казык, Боортюбе, Даулиэ, Карагай-туры, Шуялме и пр.) сеется также просо.

А У Л Ы.	Площадь в десятинах		Число хозяйств, имеющих площадь посева по:										
	Полив. земель	Богари. земель	Без посевов вовсе	1/4 дес.	1/2 дес.	От 2/3 до 3/4 дес.	1 дес.	1 1/2 дес.	2 дес.	3 дес.	4 дес.	5 дес.	Свыше 5 дес.
Беренчай. .	—	9,0	—	—	2	—	4	—	2	—	—	—	—
Арал-кишлак	15,75	—	—	—	1	2	2	2	3	1	—	—	—
Агала-таш .	—	3,0	—	—	—	—	3	—	—	—	—	—	—
Чонгир . .	10,0	—	—	—	—	2	7	1	—	—	—	—	—
Крк-казык .	—	27,5	—	—	2	—	6	1	5	3	—	—	—
Кара-су . .	27,5	—	—	—	—	—	1	1	5	5	—	—	—
Боортюбе. .	7,25	—	1	1	1	4	2	1	—	—	—	—	—
Тудзиген . .	17,0	—	—	1	4	1	4	2	1	2	—	—	—
Каргыш . .	—	18,25	1	6	7	5	5	—	—	—	—	1	—
ВСЕГО . .	77,5	57,75	2	8	17	14	34	8	16	11	—	1	—

До трехполья киргизы еще не дошли. Только в двух аулах, расположенных по близости от русских поселков, введено трехпольное хозяйство. Русское влияние чувствовалось в ответах киргизов („сеем, как у русских“) и проводилось в одном случае непосредственно путем подражания, а в другом случае—через бывшего учителя-киргиза, поселившегося в ауле и принесшего с собой много культурных навыков. Во всех остальных виденных аулах (свыше 30) и в 9 детально обследованных—смены полей нет. Земля засеивается одной культурой (пшеницей или ячменем) в течение 4 лет подряд. Затем ей дают отдыхать 1 год под паром (без удобрения) и через год снова засеивают той же культурой—так продолжается до полного истощения земли. Никакого удобрения, вообще, не употребляется—у бедняков-земледельцев скота почти нет, а если есть, то навоз идет на топливо. Если стали на одном поле сеять пшеницу, то ее продолжают сеять на том же поле, а ячмень на другом. С просом такой способ не практикуется—его сеют на нови, сменяя на следующий год пшеницей или ячменем. На богаре просо сеют один раз; на поливных землях сеют только в южном районе; в долинах—в первый год после пара.

Урожайность на поливных землях немного выше, чем на богаре; в то время как на поливных землях бывает „сам-семь“ и „сам-восемь“ (правда, очень редко), на богаре наивысший урожай „сам-шесть“ и „сам-семь“. Средний урожай на поливных землях — „сам-шесть“, на богаре — „сам-пять“.

Посевы сильно страдают от птиц (в особенности просо). Чучела, как видно, мало пугают пернатых воришек. Киргизы предпочитают отпугивать птиц криком, и к моменту созревания зерна, когда целые тучи птиц носятся над посевами, все киргизы от масла до велика выходят на поле. С восходом солнца над полями несется жуткий крик людей, охраняющих свои посевы; этот крик прекращается только с заходом солнца.

Рис. 8. Учитель-киргиз со своей семьей.

Не меньше вреда, чем птицы, приносят посевам кабаны, которых в горном районе очень много и которые производят набеги на поля стадами: в течение одной ночи такое стадо может совершенно уничтожить (не столько съесть, сколько затоптать и изрыть) с пол-десятины посева. Крика кабаны почти не боятся, приходится их пугать камнями или ударами палок—убивают их редко, так как ружей нет. Если случайно киргиз убьет кабана, то он его забрасывает подальше—ислам привил полное отвращение не только к мясу этого животного, но даже и к его внешнему виду.

Орудия труда киргиза-земледельца: вместо плуга — буурусун (снаряд примитивнее сохи, землековырялка), влекомый одним волом, изредка парюю их; борона не употребляется; жатва производится ураком (местным серпом, со слабо вогнутым лезвием); обмалачивается хлеб ногами волов; размалывается зерно на местных водяных мельницах; для обдирки крупы существуют ступы, пест в которых приводится в движение водой—число ударов в минуту не превышает 4. Все приспособления, все орудия производства, все технические навыки отдают духом глубочайшей древности—смотришь на них и кажется, что видишь ожившими те самые картины, которые запечатлелись в древней живописи Египта или Греции.

4. Скотоводство.

Виды скота. Подпожный корм. Овцеводство. Лошади. Крупный рогатый рабочий скот. Продукты животноводства. Молочное хозяйство. „Мало корма, много мяса“.

Скотоводством киргизы занимаются с незапамятных времен; все предания старины связаны с этим „исконным“ промыслом, и в настоящее время понятие богатства неразрывно связано с обладанием большими стадами баранов и табунами лошадей. Каждый киргиз, если он не богат, мечтает разделаться совершенно с земледелием и начать кочевать со своим скотом по самым знаменитым джейлау — такой рисуется в его представлении идеальная жизнь богача.

Из видов скота, который разводят киргизы, преобладает *мелкий рогатый скот* — бараны и, гораздо меньше, козы. Баранов стремятся разводить все — и бедные, и богатые; однако, барановодство теснейшим образом связано с пользованием летними пастбищами в горах (джейлау), что не под силу тем из киргизов, у которых нет достаточного количества перевозочных средств (для перевозки юрт и имущества) — волов и лошадей. Поэтому бедняки принуждены ограничиваться разведением коз. Если в Германии козу называют „коровой бедняков“, то в Киргизии она имеет не меньшее значение — многие семьи, в особенности маленькие дети в этих семьях, поддерживают свое существование исключительно благодаря этому животному — без козьего молока они умерли бы с голоду.

Крупный скот — коровы, лошади и верблюды — разводится в значительно меньших количествах. Лошади преобладают среди остальных видов крупного скота, вслед за ними идут коровы (коровы, быки, волы) и — на последнем месте верблюды. Чем богаче хозяйство, тем больше в нем крупного скота, верблюды же встречаются почти исключительно у богачей.

Количество скота, имеющегося в отдельных хозяйствах, очень разнообразно: есть хозяйства, в которых кроме 2 — 3 коз больше нет никакого скота; на ряду с этим существуют хозяйства, в которых число коз совсем невелико (2 — 5 штук), но количество баранов исчисляется многими сотнями, лошадей — десятками, коров же и верблюдов опять таки незначительно (по 4 — 5 штук). Скотоводческим хозяйством можно признать только такое, в ко-

тором есть не менее 3 — 5 лошадей, 1 — 2 коровы, и два-три десятка баранов: *меньшее количество скота не дает возможности киргизской семье кочевать на джейлау.*

У бедняков скот пасется и зимой, и летом вблизи зимних становищ; у настоящих же скотоводов переходит почти весь год с одних пастбищ на другие. Всю зиму скот пасется в укрытых от ветра долинах вблизи зимовок. Бараны состоят даже зимой на подножном корму, а остальные виды скота (в особенности лошади и коровы) подкармливаются по почам сеном. Совсем еще недавно киргизы не заготавливали на зиму никакого корма для баранов; теперь кое-кто из богачей оставляет для своего скота небольшой запас сена на всякий случай — в период острой безкормицы и баранам перепадает малая толика из этих запасов.

Когда выпадает снег, скот выпускают на пастбище в таком порядке: сначала лошадей, которые пробивают своими копытами снеговой покров, затем на то же пастбище выпасают коров и волов, а вслед за ними баранов. Для баранов остается самая мелкая трава, да то, что не успели снять лошади и коровы.

На ночь скот загоняется в загоны, коровы — в стойла; здесь крупный скот подкармливают сеном и джугарой (в очень незначительном количестве). Сено заготавливают на собственных поливных и неполивных сенокосах; в некоторых хозяйствах есть и клевер, но исключительно для лошадей. У богачей, имеющих много крупного скота, сена, заготавливаемого утками и наемными косцами, обычно не хватает: они покупают сено и клевер у соседей или на ближайших базарах. Несмотря на это, к весне скот во всех хозяйствах страшно тощит и теряет в весе.

Когда наступает весна, скот отгоняют поближе к перевалам и он пасется в предгорьях до начала жаркого времени (конец мая). На эти предгорные пастбища выгоняют свой скот и бедняки — но дальше они не идут.

С наступлением жары, когда трава в предгорьях постепенно поедается скотом и выгорает от солнца, самостоятельные скотоводы перекочевывают еще глубже в горы — через первые перевалы по направлению к центральным кочевьям района: Итагару и Сусамыру. В особенности тянет к себе последнее кочевье, считающееся самым лучшим. Попасть, однако, на это кочевье удается немногим; для этого мало иметь определенное количество скота — необходимо принадлежать к составу тех родов, в распоряжении которых находится этот джейлау. Наиболее богатые кочевники из других родов все таки проникают на это кочевье, добываясь этого взносом „отмай“ или „чокмай“ (особых налогов в пользу местного манача).

В течение лета скотоводы постоянно передвигаются со своим скотом — сначала идут в горы, затем возвращаются обратно, к зимовкам. Все перекочевки рассчитаны таким образом, чтобы в начале сентября быть подле зимовья — в это время на горах уже

выпадает снег. Осенью скот снова выпасается в предгорьях, зимой же—на долинных пастбищах.

Скот, который выращивают киргизы, не блещет своим внешним видом, хотя лучших летних кормов не сыскать нигде. Однако бараны, с жирными курдюками весом в 6—8 килограмм, отличаются дородством и нежностью мяса. Что же касается других видов скота, то он очень мелок. *Бараны* (и овцы, конечно) выращиваются исключительно для мяса. Шерсть местных овец груба, идет только на изготовление кошмы (войлока), овечий пух отделяется с трудом, из него ткут грубое сукно (очень редко) и вяжут теплые вещи. В качестве молочных животных овцы почти не употребляются; овцу доят только в мае месяце, когда у нее избыток молока. В остальные месяцы все овечье молоко оставляется для барашков, которые здесь очень ценятся, как высшее лакомство. Овец стригут от 2 до 3 раз в год: с каждого животного получается в год от 3 до 4 килограмм грязной шерсти. Цифра эта, однако, оспаривалась в южных районах—там утверждали, что больше 2—3 килограмм собрать нельзя. *Коз* держат для молока.

Лошади у горцев малорослы. Конский молодняк выращивается до 4 лет, но в более бедных хозяйствах на лошадях начинают ездить уже с 2 лет. Да и в богатых хозяйствах 2-х годовалые жеребята служат верховыми животными для хозяев-подростков. Жеребята-самцы годам к 3 оскопляются, за исключением одного-двух, оставляемых на племя. Мерики киргизской породы слабосилы и худ. Для верховой езды по горам он годится, так как киргизы ездят только мелкой иноходью („джургой“) и шагом; для полевых же работ он слишком слаб—для них предпочитают употреблять волов. Рысью киргизская лошадь ходит очень редко, у нее существует только два аллюра: иноходь и полу-карьер (или полу-галоп). Иноходцы попадаются, действительно, хорошие, хотя и редко; обыкновенная же лошадь кроме неторопливой „тропоты“ (род мелкой, тряской иноходи) почти никак не ходит.

На жеребцах-производителях ездят редко (опасно оставлять кобылиц в табунах одних—могут уйти с другим жеребцом или совсем разойтись), на кобылах—почти никогда. У киргизов есть поговорка: „хочешь пить кумыс, не едь на кобылах“, которая объясняет причину этого: кобылиц киргизы используют, как молочный скот. Кобылицы пасутся свободно в течение всего года под охраной жеребцов. Если кобылица перестает родить, или мало дает молока, ее режут на мясо, но не превращают в верховую лошадь.

Лошадей посильнее, да попородистее холят, их держат для праздников и скачек. Скаковых лошадей перед скачками специально откармливают ячменем и пшеницей, размоченными в кобыльем молоке; за скакунами тщательно ухаживают, покрывают попонами, но во время скачек немилосердно калечат, так как дистанция в 20—30 километров считается обычной для праздничных состязаний.

Средняя цена лошади—10 баранов (100—120 руб.), лошадь похуже идет и за 7 баранов (70—75 руб.), но есть лошади, оцениваемые в 200 и 300 баранов—скаковые лошади, выигравшие приз на каком-либо состязании. Верховая лошадь—признак некоторого достатка; киргизы победнее ездят верхом на волах, заседывая их, как лошадей.

Быков киргизы почти не оставляют, на племя держат 1—2 быков во всем ауле, все остальные бычки оскотываются. Волы у киргизов не крупной породы, употребляются для сельскохозяйственных работ и перевозки тяжестей. На мясо вол идет лишь в случае неизлечимой болезни, поэтому в аулах воловьего мяса не достать. Средняя цена вола—4-5 баранов (40—50 руб.); коровы расцениваются дороже. Хорошая корова доходит в цене до 8 баранов, хотя обычно цена коров колеблется между 6—7 баранами (60—70 руб.). Киргизы имеют сравнительно мало коров. Больше 4 дойных коров не приходилось видеть даже у крупных богачей: они предпочитают увеличивать количество дойных кобылиц, а не коров.

Уход за скотом падает в большей своей части на мужчин. За стадом ходят пастухи-мужчины (часто мальчики), женщина не выполняет этой работы никогда; доение же коров, коз и овец падает на женщину. В южных аулах кобылиц доит также женщина, в северных—мужчина.

Главным потребителем разводимого киргизами скота оказывается сама горная Киргизия, даже, вернее, зажиточные киргизы. За исключением бедных хозяйств и самых богатых, которые продают скота гораздо больше, чем съедают, все остальные группы хозяйств вдвое больше съедают скота сами, чем продают. (Подробно см. в главе о бюджетах).

Чем беднее хозяйство, тем меньше оно употребляет мяса, и (относительно) тем больше продает. И, наоборот, чем зажиточнее хозяйство, тем больше мяса потребляет оно само, и тем меньше (относительно) продает. Так как почти все „соиш“ (резание баранов) делается для гостей, то можно с определенностью утверждать, что развитие сбыта скота на рынок в значительной мере задерживается в Киргизии пережитками родового быта и, во всяком случае, эти пережитки тормозят превращение скотоводства в промышленное.

Продукты животноводства еще реже, чем скот выходят за пределы тех хозяйств, в которых они производятся. Несмотря на обилие овец, горные киргизы почти не имеют избытка шерсти—они еще прикупают ее у казаков. В небольшом количестве на рынок поступают лишь шкуры и готовые кошмы. Кости, рога, копыта, кишки—все пропадает.

Молочные продукты потребляются исключительно внутри хозяйства—ни обмена ими, ни торговли нет. Между тем, в некоторые месяцы киргизы прямо так и не знают, каким образом истребить невероятное количество молока (в особенности кумыса в

богатых хозяйствах), получаемое в отдельных хозяйствах, и раздают его своим сородичам и гостям.

Целесообразно ли ведется скотоводство? Этот вопрос невольно возникает, когда приходится сталкиваться с превращением кобылицы в дойное животное. Лошади в хозяйствах, где доят кобылиц, мелки и слабосильны. Жеребята молока получают мало—только ночью, когда их допускают к кобылицам. Вследствие недостатка молока, жеребята растут очень медленно и даже в 3 года еще сохраняют свой жеребячий вид. Ранняя езда на лошадях (с 2 летнего возраста) быстро подрывает их силы и задерживает развитие животных, а между тем множество кобылиц и табунных жеребцов совершенно не используются в качестве верховых лошадей.

Некоторые киргизы ввозили в горы хороших рослых лошадей из Кашгарии и Восточной Бухары. Все эти животные через 2—3 поколения мельчали. Киргизы приписывают мельчание лошадей горному разреженному воздуху и, вообще, горной езде; но в этом они только наполовину правы—они совершенно не замечают того вреда, который наносится наиболее хищнической эксплуатацией лошади: кумысоводством.

Очень плохи, также, *породы коров*. В горной Киргизии существует много условий для хорошего питания скота—горные луга альпийского типа, с необычайно питательными травами, обилие трав, вообще. Коровы могут в течение всего года быть обеспечены лучшим кормом—летом подножным, зимой—клевером и сеном, и корнеплодами. Для этого только необходимо устроить небольшие огороды. Но в том то и беда, что киргизы совершенно не выращивают овощей и обеспечить корове правильный и обильный корм зимой никак не могут. В зимнее время, когда корова все силы тратит на утробное выращивание детеныша, она, буквально, голодает. В результате же—мельчание породы и очень низкая молочность: в 2—3 раза ниже молочности средней европейской коровы (см. таб. стр. 30).

Лучше всего поставлено *овцеводство* (барановодство). Развитие его необходимо форсировать, поскольку такое форсирование допускается состоянием кормов. Здесь, как будто, предел еще далеко не достигнут, в особенности, если будут изменены или отменены родовые традиции, закрепляющие пастбища только за определенными родами.

Скотоводство занимает всю жизнь кочующего киргиза. Нужды скота настолько ассимилируются человеком, что часто трудно бывает решить, чьи интересы преобладают—скотские или человеческие... Скоту нужен корм—киргиз передвигается; скот страдает от мух и оводов—человек уходит из тенистых рощ на крутые склоны гор, жарится на солнцепеке. Подчинение своих интересов интересам скота настолько вошло в привычку киргиза, что для него бывает трудно разобраться в тех случаях, когда интересы человеческие противоречат интересам скота. Постоянное

передвижение со скотом превратилось в привычку к кочевке— даже когда нет скота, и не для чего кочевать, киргиз меняет не раз в течение года свою стоянку. Оседлая жизнь ему кажется тягостной. Его воззрения на удобство и даже красоту целиком от-

Молочность скота в горном районе.

Виды скота	Период доения с по месяц	Сколько месяцев	Суточная дача		Сколько раз дойтся в день			Общее количество молока за весь дойный пе- риод	Приме- чание
			Наи- боль- шая	Наи- мень- шая	Весной	Летом	Осенью		
			Литров						
Кобылицы . .	V — X	5	7,3	2,4	6	8	6	литров 730	Даща молока показана в литрах. Кол-во молока, оставшееся в сосунам, не учтено— дан только удой.
Коровы . . .	IV — XI	5	5	2,4	3	5	3	730	
Верблюдицы	—	—	—	—	—	—	—	—	
Козы	V — X	3	1,5	0,6	1	2	1	140	
Овцы	V	1	0,5	—	1 ¹⁾	—	—	14	

ражают скотоводческий уклад жизни. Голые горные пастбища, покрытые мелкими и крупными камнями, склоны под углом 30—40 градусов, так что юрта стоит наклонившись, а спящий человек в ней чувствует себя в полусидячем, полустоячем положении—это места „удобные“, „красивые“. Место пониже, окаймленное кустарником, тенистые лесные поляны с разнообразной зеленью и массой диких фруктовых деревьев, каштанов, орехов, берега горных потоков, покрытые хвоей и лиственными деревьями, лесистые ущелья—все это места „неудобные“, „некрасивые“. Когда соседник начинает приставать и хочет узнать, почему одно удобно, а другое неудобно, скотовод отвечает—„мало корма, много мух“. А красота? Красота в понятии кочевника совпадает с понятием удобства для его скота.

¹⁾ Овец доят только в мае месяце, да и то не во всех хозяйствах.

5. Сбор орехов, охота и др. промыслы.

*Сбор грецких орехов. Дикие фрукты.
Отсутствие птицеводства. Охота,
рыболовство.*

У киргизов горного района не существует ни садоводства, ни огородничества. Если поблизости от зимовок находятся покрытые яблонями и другими дикими фруктовыми деревьями склоны гор, то киргизы собирают фрукты на зиму, но в очень небольшом количестве. Не может быть и речи о том, что киргизы используют весь урожай дико растущих фруктов: в лучшем случае это использование доходит до 5—10%. Несколько выше использование урожая *грецких орехов*, растущих в южной части района. Сами киргизы почти не едят этих орехов, но собирают их для городских скупщиков. За осень средняя киргизская семья собирает около десятка мешков орехов, т.е. 480—640 килограм. Сбор орехов дает киргизам приработок к их скудному бюджету в сотню рублей. Скупщики орехов установили очень оригинальный способ „скупки“: в ближайших районных финорганах они *откупают исключительное право* собирать орехи — тем не менее, сами не собирают и даже не скупают, а „разрешают“ киргизам собирать орехи только после того, как те сдадут им *бесплатно* определенное количество мешков — мешка 3—4. Все остальное, что сможет собрать киргиз сверх установленной откупщиком нормы, он продает на ближайшем базаре. Больше всего орехов растет в предгорьях около Арсланбана, на склонах Бахбаш-ата и вдоль верхнего течения р. Гавасай. Сбываются орехи в Базар-Кургане, Желалабаде и Андижане. В 1925 году орехов вовсе не было, так как неожиданные морозы в начале мая уничтожили завязи.

Все *дикие фрукты*, которых очень много к югу от линии перевалов Каргыш-Кен-Кул — Тохталык, и которые очень разнообразны по породам (дикая слива, дикая вишня, дикий урюк, дикие яблоки, дикая смородина, калина, рябина, джидда), поедаются птицами и кабанам. Попыток культивировать дикие сорта фруктовых деревьев нигде не делается, между тем дикие яблоки отличаются от своих садовых разновидностей только меньшим размером — все они сладки и сочны, сорта их разнообразны. Не плоха и дикая слива, величиною с садовую вишню. Только дикая вишня горька, но при надлежащей культуре и из нее может получиться хороший плод.

Во всем обследованном районе только в одном месте — близъ переправы на р. Нарыне — пришлось встретиться с зачатками *огородничества* — разводились в небольшом количестве дыни. По величине и вкусу они, конечно, уступали ферганским, но все же были съедобны. На зимовках рода мачак, в Арымской волости. говорят, разводится картофель и лук, но только у богачей. Видеть этого не пришлось.

Несмотря на умение приручать всевозможные породы скота, киргизы почти не пробуют использовать свои навыки для *птицеводства*. Уток и гусей нет нигде. Кур пришлось видеть только в двух местах — в указанном выше поселении около переправы у реки Нарына (Кизил-язе), да и то лишь у местного муллы (киргиз-казак), и на зимовке на р. Конгур-огуз. В первом случае разведение кур было заимствовано, как сообщил сам мулла, от узбеков. Во втором случае были куры, но не было никакого куроводства. Яиц куриных, да и кур киргизы этой зимовки не ели, а держали кур их из-за петуха (часы?). На просьбу дать куриных яиц, был получен такой классический ответ: „Разве кто-нибудь может знать, куда куры кладут свои яйца?“. Оказалось, что киргизы за своими курами вовсе не следят и всегда бывают удивлены, когда, после длительного перерыва, пропавшие куры появляются с маленькими цыплятами... К куриному мясу киргизы относятся с пренебрежением.

Из других птиц чаще всего встречается у киргизов (в особенности у богатых) прирученный сокол. Его употребляют для охоты на птиц.

Охота не составляет постоянного промысла, так как у редкого киргиза есть ружье. На птиц охотятся с соколом, на лисиц и горных коз — с собаками; употребляются также капканы, силки и сетки.

Рыболовства, как промысла, также не существует в горном районе. Во время летних перекочевков возле озера Биш-Таш киргизы ловят рыбу на крючок, но это делается весьма редко. В озерах горного района и во всех горных речках (в особенности в тихих заводях на них) водится много рыбы; в горных потоках всюду есть форель.

Словом, за исключением земледелия и скотоводства у киргизов горного района вовсе не существует других промыслов.

6. П и щ а.

*Молочная пища. Мучные продукты
и способы их употребления в пищу.
Мясная пища. Недостаток расти-
тельной пищи.*

Пища горных киргизов очень однообразна. Несмотря на то, что они знают, сравнительно, много кушаний, готовят всего два, три из них.

Если попасть к киргизам в гости, то представление о столе киргизов будет несколько односторонним — в угощении преобладает всегда мясная пища; в будни же, т.-е. когда нет гостей, мясная пища почти не готовится — молоко во всех его видах оказывается главной пищей киргизской семьи. При описании питания киргизов, с молока, поэтому, и приходится начать.

Молоко киргизы употребляют разное: и коровье, и кобылье, и козье, и овечье, и верблюжье. Охотнее всего молоко потребляется в его натуральном виде, но непременно кипяченым. Сырого молока киргизы не пьют. При употреблении все молоко (коровье, козье, овечье) обычно смешивают, но кобылье молоко никогда не кипятят и не мешают с другим молоком. Из кобыльего молока приготавливают „кумыс“.

Хотя доят кобылиц большею частью женщины, переработка кобыльего молока, т.-е. заквашивание и хранение кумыса, производится исключительно мужчинами. С момента получения кобыльего молока и вплоть до его окончательного потребления мужчина ревниво охраняет свои исключительные права на него. При употреблении кумыс, хранимый в специальных кожаных мешках из козьей цельной шкуры (сабё), взбалтывается сильными движениями деревянной мешалки, потом переливается в мешки меньших размеров и вторично взбалтывается перед разливом в п्याлы (чашки). Пьют его очень бережно, чтобы не разлить ни одной капли: считается крайне неприличным недопить кумыс или выплеснуть остатки его из посуды — по воззрениям киргизов, это величайший грех.

Женщинам кумыс также дается, но в небольших количествах: кумыс — пища мужчин, по преимуществу.

Кумыс делается также и из верблюжьего молока, но он не так вкусен и питателен.

Все остальное молоко (коровье, козье, овечье) потребляют, главным образом, дети и женщины. Значительное количество молока

перерабатывается в различные молочные продукты и уже в таком виде потребляется. Из кипяченного молока делают следующие продукты:

- 1) „каймак“ — кипяченые сливки, употребляемые с чаем;
- 2) масло сливочное (из каймака) — род пищи, который можно увидеть только у богачей (масло это, как и каймак, очень грязно);
- 3) масло топленое — делается из сливочного, употребляется как приправа для кушаний;
- 4) „айран“ — кислое молоко, жидкое, с которого сняты сливки (делается айран только из кипяченного молока);
- 5) „катык“ — густое кислое отжатое молоко (сливки с катыка не снимаются);
- 6) „сюзме“ — свежий творог;
- 7) „курт“ — шарики из выжатого и засушенного творога;
- 8) „пштак“ — сыр, приготовляемый следующим образом: в сырое молоко вливается немного кислого, затем смесь кипятится, творог отжимается и формуеться.

Не все эти продукты можно найти у киргизов — у бедняков чаще всего молоко употребляется в натуральном виде, или в виде айрана, сюзме, курта и топленого масла. Курт и масло заготавливаются на зиму, поэтому летом в пищу они не идут. Когда наступает необходимость воспользоваться молочными запасами, курт растворяют в воде и в таком виде примешивают к пище (к жидкой пшеничной каше или джугаре). Масло же употребляется для жаренья баурсака, о котором сказано ниже.

Мучные продукты немногочисленны. Киргизы употребляют в пищу муку пшеничную, крупу ячменную, джугару, пшено и (только у богачей!) рис.

Самый распространенный вид мучной пищи — „атала“, похлебка из муки или пшена. Бедняки такой пищей питаются в течение всего года. В эту похлебку прибавляется кислое молоко (айран) или курт, но едят ее и без молока. Употребляется атала в холодном виде. Все остальные мучные кушанья являются только приправами к другим видам пищи. Такой приправой можно считать „кульчатай“ — четырехугольную лапшу, и „кескен-аш“ — лапшу простую. Оба вида лапши варятся в супе, едятся (кульчатай) вместе с мясом или (кескен-аш) с супом.

„Баурсак“ — не столько род обычной пищи, сколько лакомство. Делается баурсак из кислого теста, нарезается маленькими кусочками и жарится в кипящем бараньем сале или коровьем масле. Кусочки теста вздуваются и получаются микроскопические пончики (пышки), величиною в обыкновенный лесной орех. Едят баурсак осторожно, так же, как сушеный урюк и кусочки колотого сахара — с чаем. У бедняков баурсак появляется редко, его сохраняют от праздника к празднику — в течение нескольких недель. У богачей баурсак подается к чаю еженедельно.

Еще реже можно встретить „нан“ — лепешки из пресного или кислого теста, которые пекут в раскаленном казане (плоском котле). Есть полное основание думать, что приготовление этих лепешек заимствовано богатыми киргизами от соседей узбеков. У рядовых киргизов нан не делается.

Мясная пища и богатых, и бедных, в общем, одинакова — разнится она лишь количественно.

Когда зарежут барана, то прежде всего делают из свежего мяса на скорую руку „каурдак“ — киргизский „беф-Строганов“, т.е. кусочки жареного мяса, но без всяких приправ. Все остальное мясо, за исключением части грудинки, оставляемой на всякий случай, кладется в котел и заливается водой. Сюда же опускают перемытые бараньи кишки (печень, сердце и почки жарятся в каурдаке), а также предварительно обугленную на огне и обскобленную баранью голову. Кушанье это называется „итасмак“. Единственной приправой к супу бывает соль.

Когда мясо готово, его вынимают и кладут на блюдо. Затем в суп опускается лапша — кескен-аш, или же кульчатай. Кульчатай вынимается из супа, раскладывается на деревянные блюда, а на нее небольшими нарезанными кусочками — вареное мясо. Мясо распределяется, так, чтобы мягкие части лежали отдельно, а косточки с небольшим количеством мяса (самая вкусная еда, по киргизским воззрениям) — отдельно.

Гости и хозяева сначала едят мясо, беря его с блюда руками. У киргизов, как и вообще у всех мусульман, перед едой совершается омовения рук из узкогорлого бронзового кувшина; омовение это не делает рук чище, потому что проливается на руки всего несколько капель, мыло же не употребляется вовсе.

Когда мясо съедено, суп („шурпа“) разливается в п्याлы и идет в круговую. Каждый делает пару глотков и передает п्याлу соседу. На этом обед и заканчивается. У богачей после обеда пьют чай или кумыс (каждая часть описанного кушанья имеет особое название: все кушанья называется „итасмак“, мясо с лапшой — „нари“, жидкий суп — „шурпа“).

Кроме этих традиционных блюд изредка готовится „керчеу“: оставшуюся баранью грудинку не варят, а жарят на вертеле. Это — кушанье богачей. Также поступают с внутренностями барана, если приходится барана резать в поле, далеко от юрты (пастухи) — внутренности не варят, а пекут в золе, или жарят на вертеле.

Описанные блюда готовятся не только из баранины, но и из других видов мяса: воловьего, конского, козего и т. д.

Из конского мяса готовят колбасу — „казе“ — сухую и „чучук“ — более жирную. Колбаса вешается в юрте над костром, коптится в течение нескольких недель: по существу, она не столько прокоптится, сколько подсохнет, проявится, так как дым от костра не велик. Употребляется колбаса в вареном виде. Остатки конины идут на приготовление тех же кушаний, что из других сортов мяса.

Из мяса делают „шаула“ — вареное мясо с кашей пшеничной или (у богачей) рисовой. Кушанье это нельзя назвать киргизским — оно заимствовано у казаков.

Растительной (за исключением мучной) *пищи* горные киргизы не употребляют. Даже лук и картофель можно найти лишь зимою, да и то у богачей. Средний, рядовой киргиз их не имеет. Дико растущий лук, покрывающий иногда склоны откосы гор, также не употребляется в качестве приправы, хотя киргизы едят его изредка в сыром виде. Лесные ягоды (малина, но не земляника) едятся охотно, если попадутся, специально же не собираются. Дикie яблоки и урюк собираются в очень скромных количествах и тут же поедаются: сушить фрукты киргизы не умеют.

Киргизы вовсе не употребляют в пищу грибов, некоторых ягод (землянику, смородину), не умеют использовать диких фруктов, под тяжестью которых ломаются осенью ветви деревьев в лесах, дико растущих кореньев (лук, морковь), не говоря уже о том, что вовсе не выращивают никаких овощей. Мед они любят, но пасек не устраивают и пчел не культивируют, а пользуются случайно открытыми сотами диких пчел. *Пища горных киргизов, поэтому, лишена всякой привлекательности для европейца.* Между тем, даже при наличных ресурсах, стол горца-киргиза мог бы быть значительно разнообразнее и вкуснее.

7. Ремесла.

Приготовление кошмы. Ткацкий станок. Ситец вытесняет мату. Исчезновение ремесленников в горных аулах.

Если ремеслом считать переработку сырья в различные изделия, то ремесло имеет значительные разновидности в горной Киргизии; если же ремеслом назвать такую *специализацию* при выделке и обработке сырья, которая делает невозможным для человека занятие другими промыслами (земледелием и скотоводством), то в горной Киргизии ремесл вовсе не существует. Какие же виды сырья перерабатываются в Киркизском хозяйстве.

Из снятой с овец шерсти женщины делают кошмы.

Приготовление кошмы настолько несложно, что в каждой юрте ее приготавливают, если есть достаточно шерсти. Овечью или баранью шерсть раскладывают на земле и тщательно треплют — сначала руками раздергивают комки, а потом бьют палками. Когда шерсть растрепана в достаточной мере, ее поливают горячей водой и, положив на цыновку, начинают цыновку по-немногу скручивать. При каждом повороте цыновки шерсть утаптывают ногами. Прокатив слой шерсти в цыновке один раз по земле, цыновку разворачивают, шерсть снова поливают горячей водой и, закатав в цыновку, снова мнут ногами. В закатывании шерсти принимают участие человек 5—6; если в хозяйстве не найдется достаточ-

Рис. 9. Треплют шерсть.

ного количества работников, то на помощь приглашаются соседи. Шерсть прокатывается несколько раз. После этого шерсть оказывается сбитой в толстый плотный слой, который и есть основа кошмы. Затем кошма идет в отделку: ее раскрашивают и делают на ней узоры. При разрисовке узорами отдельные, раскрашенные в разные цвета пряди шерсти накладываются сверху на сбитую кошму, поливаются (или обрызгиваются) горячей

водой и закатываются вместе с кошмой в цыновку. После проката узор оказывается втиснутым в шерсть так основательно, что разделить пряди узора от остальной шерсти кошмы можно только с большим трудом.

В бедных хозяйствах не каждый год удается сделать кошму—мало шерсти. В богатых делают сразу по несколько кошм. Весит кошма от 5 до 15 килограмм, в зависимости от величины кошмы и ее толщины; у богачей кошма и больше, и толще.

Хорошо скатанная кошма служит пять и более лет. Часть кошм идет на покрывку юрты, а остальные—вместо ковров, для подстилки.

В горном районе не приходилось слышать, чтобы кошму сбывали на рынок. Если в русских поселках (Дмитриевском, Кетмень-тубе и др.), а также на ближайших городских рынках продается кошма, то она поступает большей частью от казаков (киргизов-казаков), а не от киргизов.

Рис. 10. Закатывают шерсть в цыновки.

Из вычесанного овечьего, козьего и верблюжьего пуха делаются различные теплые вещи—рукавицы, носки и пр. Кое-где ткуются и грубые сукна.

Ткацкий станок совершенно примитивен — две закругленных по концам и выглаженных доски шириною в 12—15 сантиметров, толщиной — в 3—4 сантиметра и длиною в 1 метр. Над женщиной, работающей на станке, возвышаются две связанные сверху палки, к скреплению которых прикреплена на веревках одна из досок; основа же прикрепляется к какому-либо неподвижному предмету на расстоянии нескольких метров от ткачихи. Устройство этого примитивного ткацкого станка в точности напоминает известный рисунок Шурца—„Ткач с Золотого Берега“ (Африка). Очевидно, творчество масс на низших ступенях своего развития совершенно тождественно у разных народов, так как ни киргизы не могли заимствовать своего ткацкого станка от негров, ни негры от киргизов.

Из бараньих шкур киргизы делают тулупы и шапки, из козьих кож, очищенных от шерсти—сосуды для кумыса и примитивную обувь. Грубо обработанные кожи идут на пошивку широкой обуви для пастухов и для детей. Вся обувь для самих „хозяев“ и для взрослых членов семьи покупается на городских рынках. Настоящих кожевников и сапожников у горных киргизов обследованного района нет. Подле Кетмень-тюбе живет 2—3 шорника и седельника, изготавливающих конскую сбрую. Деревянные остовы седел изготовляют исключительно ремесленники - узбеки, живущие в поселках и городах.

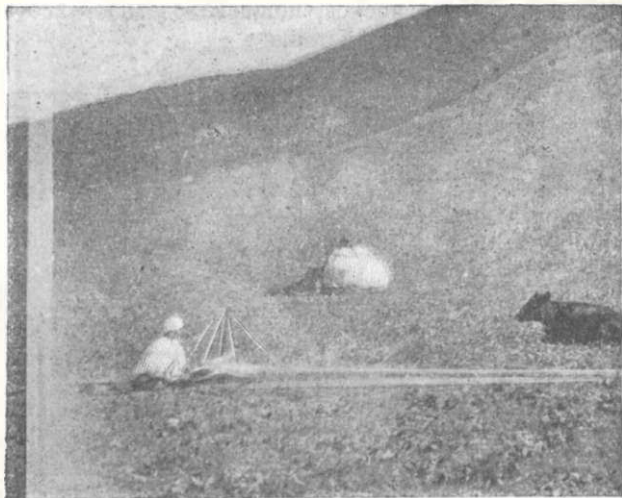

Рис. 11. Ткацкий ставок.

Совсем недавно еще у горных киргизов существовали специалисты серебрянники-кузнецы, выделявавшие браслеты, кольца и другие украшения для женщин и накладки для конской сбруи, из серебра. По рассказам, два года тому назад последние ремесленники-серебрянники, жившие подле Кетмень-тюбе, будто-бы умерли от голода.

Изготовление маты, распространенное еще два-три года тому назад во всем южном районе, теперь повсюду исчезло: ситец вытеснил мату с киргизского рынка. В настоящее время в киргизском хозяйстве, за исключением грубых сукон, никаких других материй не изготавливается. Халаты на вате делаются из ситца, из ситца же изготавливается белье и остальная одежда. Только у богатей попадаются другие виды тканей (сукно фабричного производства, бархат, шелк), но все это также приобретается на городских рынках.

Деревянная посуда, пьялы (чашки) из фарфора ножи, наколечники для омачей, ураки и прочий сельско-хозяйственный ин-

вентарь самими киргизами не производится. Все эти предметы или русского фабричного производства, или ремесленного узбекского. Даже подковы, и те привозятся из других мест. Только в самых глухих горных районах местные кузнецы не только коуют лошадей, но и делают для них подковы и гвозди.

Таким образом, *ремесло, как особый вид промысла, находится в горной Киргизии в полном упадке*; конкуренция со стороны фабричного производства и городского ремесла заставляет киргизов бросать производство ремесленных изделий и переходить к земледелию. Наряду с этим, многие промыслы еще не выделились в особый вид ремесла — валяние кошмы, изготовление тулупов и шапок, вязание носков, пошивка одежды — все это производится внутри каждого хозяйства.

8. Б ю д ж е т ы.

Не обследование, а разведка. Группировка хозяйств. Бюджеты аула № 3 Арымской волости. Типовые бюджеты. Количество рабочей силы. Количество скота. Данные о питании. Соотношение между денежной и натуральной частью расходного бюджета. Приходная часть бюджета. Хозяйства богачей-мананов.

Приложения: 1) Описание трех типичных хозяйств горного района. 2) Таблица расходной части киргизского годового бюджета.

Прежде чем дать характеристику хозяйственных бюджетов киргизских горцев, приходится вкратце пояснить, как бюджеты были получены. Самым правильным способом было бы, конечно, сплошное обследование нескольких горных аулов—по обследованию можно было бы установить типовые бюджеты и их разобрать, но для такого сплошного обследования необходимо обладать значительным количеством сил и времени—двум исследователям в течение трех недель сделать ничего не удалось бы. Мы располагали таким ничтожным временем, что и не пытались приступить к сплошному обследованию, так как это было бы покушением с негодными средствами. Отказавшись от сплошного обследования, мы ограничились своей задачей одной *разведкой*, типовой выборкой, рассчитывая на то, что даже эта разведка даст указание на общий характер горских бюджетов; для дальнейшей работы такая разведка была совершенно необходима. В самом деле, об экономических корнях манапства писалось, в виде общих фраз, достаточно, но в чем эти корни заключались, никто не мог указать; без просмотра, хотя бы самого поверхностного, составных частей киргизских типовых бюджетов к разрешению вопроса нельзя даже и подойти, готовых же данных бюджетных обследований не существовало—приходилось, поэтому, самым кустарным образом выполнить такую предварительную работу, чтобы иметь возможность идти дальше.

Наблюдений уже было достаточно, в основном и система киргизского хозяйствования вырисовывалась достаточно ясно—следовало наметить только наиболее подходящий аул, определить в грубых чертах схему обследования и приступить к выборке. В стати-

стических сводках крестьянские хозяйства обычно сводятся в три основные группы: бедняков, середняков и кулаков; эти же группы фигурируют постоянно и в политических статьях—решено было и нам придерживаться такой разбивки, чтобы потом легче было сравнить данные горной Киргизии с данными европейской части РСФСР. Во время обследования выяснилось, что группировка хозяйств в действительности значительно разнообразнее, но переделывать материал было уже поздно. *В первую группу*—бедняков—пришлось отнести такие хозяйства, которые вследствие своей маломощности едва сводят концы с концами, перебиваются кое-как и постепенно идут к разорению или к полной зависимости от других, более богатых, хозяйств. В эту группу попали хозяйства: 1) имеющие не более 2 голов крупного скота и не более 10 голов мелкого, земли—не больше $1\frac{1}{2}$ десятин (поливной земли); 2) имеющие только мелкий скот не свыше 10 голов и вовсе не имеющие крупного скота (количество же поливной земли также не превышает $1\frac{1}{2}$ десятин) и 3) вовсе не имеющие скота и обладающие клочком земли от $1\frac{1}{2}$ до 1 десятины. Все эти хозяева были объединены в одну группу потому, что хозяева их состоят уртакми ¹⁾ или на своей, или на чужой земле.

Ко второй группе—середняков—были отнесены хозяйства, которые существовали совершенно самостоятельно, не хирели, но и не слишком богатели. В этих хозяйствах наблюдался наем рабочей силы для выпаса скота, но не как постоянное явление. В эту группу попали хозяйства: 1) имеющие от 3 до 10 голов крупного скота и несколько десятков мелкого скота, земельные наделы в $1\frac{1}{2}$ десятины и более (но не выше 3)—не эксплуатирующие чужого труда, и 2) такие же хозяйства, но эксплуатирующие чужой труд для выпаса скота (но не имеющие уртаков).

К третьей группе—богачей—были отнесены хозяйства, которые, все имея в избытке, пользовались в значительных размерах наемным трудом и держали в зависимости другие (бедные) хозяйства. В эту группу попали: 1) скотоводы, обладающие по несколько десятков голов крупного скота, сотни мелкого скота и наделы земли—в размере обычном для других групп,—которая обрабатывалась путем кабальной аренды (уртачеством); 2) такие же хозяйства, обрабатывающие землю при помощи малаев, и 3) чистые скотоводы, обладающие сотнями голов крупного скота и тысячами мелкого.

Таким образом, всех подразделений должно было бы быть гораздо больше—8, а не 3. Примитивность группировки должна была сказаться и на выводах, сделав их схематическими—это приходится заранее оговорить. И, тем не менее, выборка все же не оказалась безцельной—она дала *ориентировку*. *✓*

Выяснив предварительно количество хозяйств, количество скота, посевной площади и рабочей силы в нескольких аулах Арымской

¹⁾ Издольщиками.

волости и сравнив эти данные с соответствующими цифрами некоторых аулов Каракольской, Кенкольской и Кенколь-карагирской волостей (список аулов см. в первой главе) мы пришли к выводу, что в основном они мало отличаются друг от друга, поэтому остановились окончательно на ауле № 3 (рода Мачак) Арымской волости. Все хозяйства по предварительным данным (аульному списку) были разбиты, сообразно количеству скота, посеву и количеству рабочей силы, на три вышеуказанные группы, и из каждой группы было выделено по одному хозяйству для детального описания. До обследования было устроено совещание с местными работниками (следователем народного суда Кодраном Раевым, несколькими стариками-обывателями, местным учителем) для проверки, насколько выбранные хозяйства можно считать типичными в отношении богатства; совещание единогласно признало, что выбор сделан правильно. Обследование подтвердило, что хозяйства принадлежат к трем совершенно различным группам: хозяйство Кул Назар Булата—к бедным хозяйствам, но не самым бедным; хозяйство Койбек Джангибая—к середняцким хозяйствам, и хозяйство Игамберде—к хозяйствам богатым, но не самым богатым.

Все сведения об этих хозяйствах получены, главным образом, опросным путем от самих обследуемых, но в некоторых случаях пришлось устраивать что-то в роде перекрестного допроса при помощи ближайших родственников опрашиваемых. Этот способ пришлось применить в особенности в отношении богача Игамберде, охотно сообщившего свой расходный бюджет, но предпочитавшего внести наибольшую неясность в источники своих *доходов*. Несмотря на уверения, что полученные сведения не будут использованы для целей фиска, Игамберде тщательно утаивал количество своего скота, все обменные операции с этим скотом, пока не бывал приперт к стене сообщенными им же самим сведениями о расходной части своего бюджета и разоблачениями своего зятя. Таким образом, полученные, в конце концов, сведения о его приходном бюджете не совсем точны, но скорее в сторону преуменьшения, чем в сторону преувеличения.

Когда описание хозяйств было закончено и бюджеты выведены, была произведена проверка полученных сведений на других хозяйствах тех же групп. Данные подтвердились, так что их можно считать *типовыми*. В ауле № 3 около 20% хозяйств оказались стоящими на том же уровне, что и хозяйство Кул Назар Булата, 20% должны быть причислены к более бедным хозяйствам; 50% хозяйств было середняцких и 10% богатых. Эти же цифры (в приблизительном, грубом исчислении) характерны и для других аулов, за исключением аула Каргыш Кенколь-карагирской волости Джелалабадского района. Этот аул отличается тем, что у него вовсе нет поливной земли, а только богарная. В ауле Каргыш—самом большом из виденных (25 юрт), 8 хозяйств вовсе не имеют скота, 7 хозяйств имеют только коз (от 4 до 9 штук), 8 хозяйств имеют, кроме коз, по 2—3 штуки крупного скота (1 лошадь,

1—2 коровы) и десятки мелкого скота, и только 2 хозяйства насчитывают крупный скот десятками, а мелкий сотнями. Если считать самостоятельными хозяйствами—хозяйства с 2-3 штуками крупного скота и десятком мелкого скота (тип хозяйства Койбек Джангибая), то таких хозяйств в ауле Каргыш—32% (8 штук); бедняцких хозяйств типа хозяйства Кул Назар Булата—28% (7 штук); хозяйств, еще более бедных (без скота)—32% (8 штук), и хозяйств определенно богатых—8% (2 штуки). Если сложить число хозяйств типа Кул Назар Булата с еще более бедными, то получится, что 60% общего числа хозяйств—хозяйства бедняков. Следует, однако, отметить, что аул Каргыш выделяется среди других аулов своей беднотой и, поэтому, его неудобно брать, как аул типичный.

Соотношение отдельных групп хозяйств, вероятно, не одинаково в различных районах Киргизии—во всяком случае в южных районах, где земледелие имеет большее значение, чем скотоводство, будут несколько иными и количественные отношения групп, да и группы будут делиться по другим признакам, чем в горах. В горных районах также существуют местные отличия: Нарынский район богаче, чем район Таласский. И если полученные цифры приводить, как *действительное* отношение различных групп хозяйств, то они относятся к району Таласса и Сусамыра; но как *примерные* соотношения их можно принять для всего горного района.

Что же дает бюджетное обследование типичных хозяйств?

Обследование дает картину внутреннего строения хозяйства бедняка, середняка и богача, устанавливает основные статьи их расходного (и, отчасти, приходного) бюджета и тенденцию развития. Подробное описание хозяйств дано в приложении № 1, здесь же мы приведем только итоговые данные.

По величине посевов все три хозяйства мало отличаются друг от друга; у бедняка посев в 1,5 десятины поливной, у середняка—1,5 десятины поливной и 0,5 десятины богарной, у богача—1 десятина поливной земли. Но, по существу, землепользование их не одинаковое: бедняк половину урожая отдает богачу, уртаком которого он состоит; середняк работает самостоятельно; богач—не работает вовсе, а отдает свою землю в кабальную аренду, за что получает половину урожая с этой земли. Следовательно, *не самое количество земли, а форма ее использования отличны у трех типов хозяйств.*

Значительно больше различия дают сведения о рабочей силе хозяйств (см. таб. стр. 45).

В бедняцком хозяйстве—двое работоспособных людей, в середняцком хозяйстве—3 (при одинаковом количестве неработоспособных—3), а в хозяйстве богачом—10. Из этих 10 человек—трое рабочих (наемных). Такое соотношение рабочей силы явно выделяет хозяйство богача из двух других групп.

Количество рабочей силы.

Хозяйства	Семья число лиц				Наемные ¹⁾ рабочие		Всего		Итого работоспо- собных	Итого детей.
	Мужского пола		Женского пола		Мужчин	Женщин	Мужчин	Женщин		
	взр.	дет.	взр.	дет.						
Кул Булат На- зара.	1	1	1	2	—	—	1	1	2	3
Койбек Джанги- бая	2	1	1	2	—	—	2	1	3	3
Игамберде . .	3	—	4	1	3	—	6	4	10	1

Еще разительное соотношение количества скота.

ХОЗЯЙСТВА	Лошадей.			Крупного ро- гатого скота.				верблюдов	Мелкого рогатого скота.					ВСЕГО	
	до 3-х лет.	жеребцов и мерингов	кобылиц	вол- ов	бы- ков	ко- ров	телят		баранов	овец	баранов	козлов	коз		козлят
Кул Булат На- зара.	—	—	—	1	—	—	—	—	—	2	—	1	2	—	6
Койбек Джан- гибая	—	3	2	1	—	2	2	—	5	21	4	—	—	—	40
Игамберде . .	10	5	30	1	1	4	2	2	20	140	40	1	4	—	260

В бедняцком хозяйстве 6 голов скота (из них только 1 голова рабочего скота), в середняцком—40 (из них 8 голов рабочего скота), в хозяйстве богача—260 (из них 49 голов рабочего скота).

Из этих цифр можно сделать вывод, что *главное богатство хозяйств не в посевах, а в скоте.*

Как же ведется хозяйство?

Бедняк, обычно, вследствие недостатка крупного скота, принужден занимать его у богача. Недостача скота может проявиться или в отсутствии рабочего скота (вола, для обработки поля), или молочного скота (коровы, без которой питание детей почти невоз-

¹⁾ Только постоянные—койчѣ, малчѣ, джалчѣ, джигиты, малаи. В это число не включены рабочие косцы и уртаки.

можно). *За ссуду скотом* и в том, и в другом случае бедняк отдает большую или меньшую часть (от $1/5$ до $1/2$) своего урожая. Кроме того богатч дает также зерно для посева.

Подобный тип ссуды скотом и уртачество на подобных же условиях распространены по всей южной Грузии. ✓

Середняк, обладающий достаточной рабочей силой и рабочим скотом, не нуждается в помощи со стороны. Его хозяйство независимо, хотя и не имеет излишка ни в рабочей силе, ни в скоте.

► *Богач* вовсе не ведет земледельческого хозяйства. Землю свою он отдает в аренду уртаку, но часто имеет еще несколько уртак на их собственных землях. Весь хлеб или значительную часть его доставляют богачу уртаки. Обилие скота дает ему возможность, без всякой потери для себя, давать беднякам ссуды скотом, т. е. отдавать часть своего скота на прокат. При отдаче на прокат коровы, богач избавляется от присмотра за ней и теленком в течение 5 месяцев, и в то же время получает за это хлеб. Ко всему этому прибавляется такое удобство, как возможность укрыть некоторое количество скота (отданного на прокат) от налогового обложения. ✓

Интересны данные о питании членов типичных хозяйств.

Что ест бедняк? В среднем он потребляет:

Мучных продуктов (в зерне) — 80 кг. на душу в год.

Молока. — 157 литр. ” ”

Мяса. — 6,4 кг. ” ”

Овощей—картофеля, лука—бедняк не употребляет. .

Чаю бедняк выпивает 20 грамм в год, сахара не употребляет вовсе.

Что ест середняк?

Мучных продуктов (в зерне) — 120 кг. на душу в год.

Молока. — 492 литр. ” ”

Мяса — 35 кг. ” ”

Овощей середняк также не употребляет.

Чаю выпивает 50 грамм, сахара потребляет 200 грамм.

Что ест богач?

Мучных продуктов (в зерне) — 100 кг. на душу в год.

Молока. — 2520 литр. ” ”

Мяса. — 84,6 кг. ” ”

Чаю богач выпивает около 200 грамм в год. О количестве потребляемого сахара он скромно умалчивает...

Бедняк сидит весь год на хлебе (мучной похлебке). Количество мяса совершенно ничтожно, а молоко (в среднем по 0,5 литра в день на душу) не может заменить недостатка мяса. Бедняк не голодает, но и не бывает никогда сыт. Некоторые продукты он „пробует“ только у богачей (кумы).

Середняк питается нормально.

Богач несколько меньше середняка потребляет хлеба (но больше бедняка), но за то гораздо больше—мяса и молока. Количество молока настолько велико, что возникает серьезный вопрос, в состоянии ли человек такое количество потребить. В действительности, не все мясо, и, в особенности, не весь кумыс истребляет богач сам. Частые гости и соседи приходят хозяину на помощь.

Бюджеты бедняка, середняка и богача отличаются не только по количеству потребляемой пищи. Середняк, а в особенности богач, гораздо больше потребляют *мануфактуры, обуви.* В их бюджете фигурируют такие, совершенно неизвестные бедняку, статьи расхода, как *спички и мыло.* Правда мыло расходуется в очень скромных размерах—середняком по 1,2 клг. в год на всю семью, т. е. 200 грамм в год на душу... Богач потребляет мыла несколько больше, но тоже не очень много—немного более 400 грамм в год на душу.

Станным кажется потребление соли—бедняк соль потребляет каменную неочищенную, которую ест и его скот. Середняк платит соляной налог за право добывать себе лучшую соль, а богач прикупает для себя даже поваренную соль. Даже в соли, и то нет равенства среди различных типов хозяйств!

Потребности хозяйств всех трех типов не укладываются в рамки их собственного производства. *Значительную часть необходимых продуктов приходится покупать на рынке.*

Бедняк покупает на рынке чай, мануфактуру, обувь, посуду и прочее.

Середняк покупает, кроме перечисленного, также сахар, козий пух, и мыло.

Богач покупает хлеб, сено, соль, чай, мануфактуру, козий пух, керосин, мыло, спички.

В общее число денежных расходов включаются также и налоги. Если подсчитать (переводя на деньги) расходы всех трех типов хозяйств и сравнить отношение денежной и натуральной частей бюджета к общей сумме расходов, то получается:

Соотношение денежной и натуральной частей *расходного бюджета*¹⁾ (см. таб. стр. 48).

Таким образом, чем *зажиточнее киргизское хозяйство, тем больший процент его хозяйственных потребностей удовлетворяется натурой.* Наиболее денежное хозяйство—хозяйство бедняка, да и то лишь на 41%.

Вследствие малого количества обследованных хозяйств процентное отношение частей бюджета не может, конечно, считаться точным.

¹⁾ См. приложение № 2 в этой главе.

Откуда получают хозяйства необходимые для закупок на рынке деньги?

Ответ на этот вопрос дает следующая таблица (см. таб. стр. 49).

Бедняк продает часть своего клевера и сена, несколько штук мелкого скота. Бывает, что денег на самые неотложные надобности (налог) не хватает, и приходится занимать их у богача.

ХОЗЯЙСТВА	Всего		Из них натурою		%%	Из них деньгами		%%
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.		Руб.	Коп.	
Бедное хозяйство (Кул Назар Будата.)	141	70	83	70	59	58	—	41
Средняцкое хозяйство (Койбек Джангибая)	422	70	295	90	70	126	80	30
Богатое хозяйство (Игамберде)	2274	20	1787	—	79	487	20	21

Средняк продает немного хлеба, сена, но главным образом мелкий скот. Сбывает на рынок и шкуры, а может быть, и кошмы. На недостаток денег он не жалуется, так как ежегодно „очищает“ в свою пользу небольшую сумму денег.

Богач (типа Игамберде), сбывает на рынок исключительно скот. Он предпочитает не продавать его, а непосредственно *выменивать* на необходимые предметы. При прямом обмене он часто теряет, но иногда и выигрывает. Такой тип богача не везде одинаково распространен, хотя упорное стремление части богачей сохранить патриархальные отношения и оградить себя от влияния рыночных цен наблюдается во многих аулах. Этим только и можно объяснить то предпочтение, которое эти богачи выказывают простому обмену перед продажей за деньги.

Общие выводы, которые напрашиваются при просмотре бюджетов, будут даны в следующих главах, здесь же необходимо отметить, что если хозяйство первого типа (бедняцкое) принуждено жить милостью богача и считать уртачество для себя единственным выходом, то положение еще более бедных хозяйств можно считать совершенно безнадежным. Все такие хозяйства являются резервуаром рабочей силы, откуда приходят в хозяйства богачей малаи и пастухи различных наименований — это хозяйства не столько крестьянские, сколько пролетарские; существовать они могут лишь потому, что некоторое количество членов их продает свою рабочую силу и, таким образом, поддерживает их существование.

Совершенно особняком стоят хозяйства богачей-манапов: „сверхбогачей“, по киргизским понятиям. Детально обследовать хотя бы

Приходная денежная часть киргизского годового бюджета.

З а ч т о п о л у ч е н о	Хозяйство бедняка			Хозяйство средняка			Хозяйство богача			П р и м е- ч а н и е
	Ко- личе- ство	На сумму		Коли- чество	На сумму		Ко- личе- ство	На сумму		
		Р.	К.		Р.	К.		Р.	К.	
Пшеница	—	—	—	160 клг.	5	—	—	—	—	1) Жалованье сына. 2) Приблизительно, от продажи разного скота.
Джугара	—	—	—	320 клг.	6	—	—	—	—	
Сено . .	500 сн.	5	—	1000 сп.	10	—	—	—	—	
Клевер . .	300 сн.	10	—	—	—	—	—	—	—	
Барашки	—	—	—	5 шт.	25	—	—	—	—	
Бараны .	1 шт.	11	—	—	—	—	10 шт.	100	—	
Овцы . .	1 шт.	12	—	2 шт.	24	—	—	—	—	
Козы . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Козлята .	3 шт.	15	—	—	—	—	—	—	—	
Жеребята	—	—	—	2 шт.	30	—	—	—	—	
Лошади .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Волы . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Коровы .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Телята . .	—	—	—	3 шт.	30	—	—	—	—	
Пиктуры .	—	—	—	—	10	—	—	—	—	
Шерсть . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Кошмы . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Долг . .	—	5	—	—	—	—	—	—	—	
Жалованье	—	—	—	—	—	—	—	300 1)	—	
Неизвестн. источн	—	—	—	—	—	—	—	150 2)	—	
Всего	—	58	—	—	140	—	—	550	—	

одно такое хозяйство нам не удалось, но наблюдать их и слышать отзывы горцев об этих богачах приходилось не раз. В каждом роду (но не в каждом ауле) есть один-два таких сверх-богача, количество скота у которого перевалило за тысячу голов. В Нарынском районе богачи-маналы занимаются перепродажей скота, который скупают у бедноты за бесценок весной, а осенью про-

дают на ферганских рынках. В Таласском и Сусамырском районах богачи-манапы ведут в больших размерах операции со своим скотом и ссужают деньги под высокие процентные аудиатеинским и другим торговцам. У Керим-бая скопились большие суммы денег — настолько большие, что данная им летом 1925 года взятка помощнику прокурора, в сумме 400 рублей, не вызвала удивления (по своим размерам) со стороны сородичей. Кроме того Керим-бай уплатил тогда же несколько сот рублей акробатам, участвовавшим в организованном им празднике. Ясно, что подобное разбрасывание денег у горцев, привыкших обходиться без денег в своем внутреннем быту, предполагает сосредоточение больших денежных богатств в руках сверх-богачей. По методам своего „хозяйствования“ такой богач-манап стоит над киргизским обществом, над всеми остальными группами, у которых в той или иной мере натуральная часть бюджета преобладает (количественно!) над частью денежной. *Богачи-манапы ведут денежное хозяйство — и в этом, возможно, секрет их экономического преобладания над всеми другими экономическими группами.*

Обследовать манапские хозяйства очень трудно. На все вопросы, касающиеся размера собственности и доходов, Керим-бай, например, отвечал беззастенчивым враньем. Только в порядке фиска, принудительным путем можно было бы получить необходимые сведения об этой группе хозяйств, но на это мы не могли пойти, да и не имели подобных полномочий.

Таким образом, в нашу разведку пришлось внести весьма значительную поправку: кроме трех основных групп обследованных хозяйств, мы должны были отметить еще два типа хозяйств, не задетых обследованием — хозяйства полу-пролетарские и хозяйства манапские. Последняя группа, как оказалось позже, была самой сильной (экономически и политически) группой киргизского общества.

Приложение № 1

(к главе о бюджетах)

Описание типичных хозяйств горного района.

- Хозяйство 1) Кул Назар Булата из рода мачак Джелалабадского округа, Арымской вол., аула № 3.
„ 2) Койбек Джангибая, из того же рода и аула.
„ 3) Игамберде, из того же рода и аула.

Хозяйство 1 (Кул Назар Булата).

Хозяйство Кул Назар Булата возникло в 1915 году, путем покупки (после женитьбы) земли и инвентаря. До женитьбы Булат работал у соседей и богатых киргизов из других аулов, получая за свою работу плату скотом. Приходилось ему уходить и в ближайшие русские поселки, где он

пас скот и выполнял различные черные работы. Скопив небольшое количество баранов и денег, он решил обзавестись собственным хозяйством. От аула он получил надел в 2½ десятины поливной земли, с правом пахивать неполивную землю в необходимых для него размерах. Из инвентаря Булат приобрел: 1 кобылу, 2 коровы, 7 коз, 1 юрту, 1 омач (плуг), 1 косу и 1 урак (серп). Мелкий домашний инвентарь был частью куплен, частью подарен родственниками. Таким образом, хозяйство было снабжено всем необходимым, и в первый же год хозяйствования Булату удалось засеять не только свой поливной участок, но и 1½ десятины богары. Работал Булат вдвоем со своею женою, кроме них в хозяйстве никого не было.

В течение первых двух лет хозяйство велось более или менее нормально, но в 1917 году случился большой неурожай. Ни с поливной, ни с богарной земли Булат не собрал ничего, даже не было семян для нового посева. В том же году пала корова, и с тех пор в хозяйстве начались катастрофы. Из года в год хозяйство шло все хуже и хуже; к 1925 году Булат оказался безлошадным, так как кобылу отнял приятель, влюбившийся в его жену, а вторая лошадь, приобретенная в 1922 г., пала через два года. Коровы были частью проданы, частью выменены (на вола); поубавилось коз, хотя появились вместо них овцы. Всего к началу 1925 года у Булата было скота: 1 вол, 2 овцы, 2 козы и 1 козел.

Семья увеличилась: в 1925 году у Булата было трое детей в возрасте от 3 до 9 лет. Чтобы не оставить детей без молока, Булат стал уртаком (издольщиком) одного богача, получил на прокат (на лето) молочную корову, за что отдал половину урожая. Посевы также сократились; вот уж два года, как Булат засеивает лишь 1½ десятины поливной земли, совершенно не используя остальную поливную землю (в 1 десятину), не говоря уж о богаре. На вопрос, почему он не засеивает всей земли, Булат отвечает, что у него не хватает рабочей силы.

Когда в хозяйстве чувствуется острый недостаток в деньгах или продуктах, Булат ходит к богачам рода мачак помогать им в хозяйстве: за это ему перепадают какие-нибудь подачки.

Земля у Булата засеяна яровой пшеницей (пол десятины), джугарой (пол десятины) и клевером (немного более половины десятины). Урожайность сам-шесть, несмотря на то, что земля никогда не удобряется, а отдыхает раз в пять лет (четыре года засеивается одной и той же культурой, а на пятый идет под пар, без всякого удобрения и потом снова засеивается той же пшеницей). С пшеничного поля собирается около 480 клг. зерна, с посева джугары — 610 клг., а клевер дает ежегодно (за исключением первого года) по 600 снопов. Сенокос приносит около 1000 снопов сена. Из полученного урожая 240 клг. пшеницы и 320 клг. джугары идет богачу, клевер же и сено продаются Булатом на ближайшем рынке. В общем, на собственное потребление семьи (5 человек) и скотины, которую прикармливают зимою джугарой, остается 240 клг. пшеницы и 320 клг. джугары. Зерно для посева (80 клг. пшеницы и 12 клг. джугары) дает богач. Установить точно, сколько джугары съедает скотина, Булат не может; предполагает, что она потребляет, в общем, не более 160 клг.; таким образом, семья Булата потребляет в год 240 клг. пшеницы и 160 клг. джугары, всего мучных продуктов 400 клг. или по 80 клг. в год на едока.

Коровье молоко, получаемое от богача, служит основой питания детей. Коровы (в течение 5 месяцев проката) дают 492 литра молока — дойных коз в 1924 году было 2, приносящих в год 295 литров молока. Всего, таким образом, в течение года получается 787 литров молока, т. е. по 157 литров на душу в год.

Молоко потребляется не все летом; часть его, переработанная в творог (в особенности сухой творог, курт) и масло, сохраняется на зиму, служа большим подспорьем для питания семьи зимою. Таким образом, молочные продукты входят в состав пищи семьи Булата более или менее равномерно. Мясо потребляется семьей Кул Назара в очень скромных количествах. Если не считать таких исключительных случаев, как падеж лошади или коровы, то в течение года на одну душу семьи Булата прихо-

дится по 6,4 клг. мяса. В прошлом, 1924 году, бывшем не хуже и не лучше других лет, семья Булата съела 1 овцу и 1 козленка, т. е. не более 32 клг. мяса...

Подводя итоги основного питания всей семьи, получаются следующие средние цифры:

Мучных продуктов (в зерне)	по 80 клг. на душу в год.		
Молока	по 157 литр.	”	”
Мяса	по 6,4 клг.	”	”

Овощей в хозяйстве не выращивается и не употребляется: ни картофеля, ни моркови, ни даже лука.

Достаточно ли питание, можно ли его считать нормальным?—решить не трудно, хотя, в действительности, семья потребляет немного более этих норм. Падёж скота в своем хозяйстве или у соседей, праздник у богача—все увеличивает количество пищи, получаемой домохозяевами Булата. Не все это дополнительное питание распределяется равномерно между членами семьи: самому Булату чаще перепадает кусок баранины или несколько глотков шурпы и кумыса, но за то он меньше потребляет молока, оставляя его детям и жене. Судя, однако, по всем признакам, без прикармливания со стороны богачей Булату пришлось бы плохо.

В хозяйстве не все необходимое для семьи производится самостоятельно силами членов семьи, приходится кое-что покупать на базарах или выменивать у жителей ближайших поселков. Хлеба Булат не покупает—хватает собственного. Не покупает он и шерсти—все это дает свое хозяйство. Но обойтись без мануфактуры и обуви он, конечно, не может.

В течение 1924 года Булат купил на базаре 29,6 метров (около 40 аршин) ситца, ценою в среднем, по 50 коп. аршин, уплатив за него 20 руб., обуви приобрел 4 пары за 22 рубля, 100 грамм чаю приобрел за 1 рубль, около 5 руб. израсходовал на покупку пъялы, блюда, ножа и другой хозяйственной мелкой утвари. Это его денежные расходы—он их знает наперечет. Ко всему этому прибавилось еще 10 рублей сельско-хозяйственного налога. Всего в течение 1924 года было израсходовано, насколько мог упомянуть хозяин, не ведущий специальных записей, 58 рублей, при чем для уплаты налога денег не хватило, и Булат „одолжил“ у богача 5 рублей.

Откуда же были получены деньги?

Доходы так скромны, что упомянуть их было не трудно: 15 руб. было выручено за проданный клевер и сено, 23 рубля—за овцу и барана, 15 рублей—за козлят (3); всего 53 рубля. В денежном бюджете оказался дефицит в 5 рублей покрытый с помощью богача-благотелья. Внешний заем для Булата оказался неизбежным, но для покрытия займа у него есть только два выхода: или продать часть своего живого инвентаря, или отработать за долг в хозяйстве богача. Какой из этих выходов, лучше,—решить не легко.

Несмотря на такое удачное окончание „бюджетного года“, Булат не обманывается на счет ближайшего будущего своего хозяйства; после потери лошади он чувствует себя совершенно разоренным. Без лошади невозможно выехать летом на джейлау, а между тем, если летом не дать подкормиться отошавшему скоту, то через год весь живой инвентарь Булата будет им съеден—чтобы не дать сдохнуть скотине, ее придется прирезать.

Чтобы поправить свои дела, Булат все лето толкался около богачей в надежде получить работу, но безрезультатно. Осенью он решил итти в русские поселки пасти скот. Есть еще одна надежда у неудачника—получить обратно кобылу, которую он два года тому назад отдал возлюбленному своей жены. Жалобу свою он подал в суд, но боится, что для продвижения ее у него не хватит баранов.

Каковы же причины захудания этого хозяйства? В основном лежит, прежде всего, недостаток рабочей силы, который не дает ему развернуться в земледелии, для ведения же скотоводческого хозяйства у него слишком мало скотины.

За 10 лет хозяйствования посевная площадь хозяйства уменьшилась на 40%, количество скота тоже сократилось—вместо 11 голов у него в настоящее время только 6. *Хозяйство гибнет.*

К 1925 году хозяйство только на половину могло считаться самостоятельным (половина урожая идет богачу, задолженность) и будущее его, если не вмешаются органы советской власти, оказав ему помощь, совершенно безнадежно.

Хозяйство 2 (Койбек Джангибая).

Хозяйство Койбек Джангибая образовалось также в 1915 году; по в то время, как Кул Назар сам приобрел свое имущество, Джангибай получил его в наследство от отца. К моменту хозяйствования паппи было: поливной 1½ десятины, богарной—¼ десятины, поливных сенокосов—2 десятины. Всего, таким образом, было в эксплуатации 4 десятины. Инвентарь состоял из 1 мерина, 1 коровы, 1 вола, 1 верблюда, 10 овец, 1 юрты, 1 омача (буурсун), 1 серпа (урак) и 1 кетменя. В хозяйстве, как и у Булата, работало вначале 2 человека—сам Джангибай и его жена, так как дети были еще малы.

Первые 5 лет прошли благополучно, без катастроф и смертей. В 1920 г. был неурожай (собрал только семена), пал верблюд, умерла жена. В виде калыма за вторую жену пришлось отдать большую часть скота. Несмотря на это, хозяйство оправилось и к началу 1925 года имело 5 лошадей, 1 вола, 2 коровы, 2 телят, 30 овец—всего 40 голов скота.

Состав семьи Джангибая к 1925 году был—6 человек: из них трое в рабочем возрасте (сам Джангибай, его жена и сын 16 лет), а остальные дети были в возрасте от 2 до 7 лет (трое детей).

Поливная земля была использована целиком, при чем засеяно и ½ десятины богары. На поливной земле посеяна яровая пшеница, которой в 1924 г. было собрано около 800 кг. и кукуруза—сбор 1600 кг. Сенокос дает свыше 1000 снопов, часть сена идет на корм скота, а остальное продается.

Из полученного урожая Джангибай оставляет себе 560 кг. пшеницы, 80 кг. берегает на семена, а 160 кг. продает. Кукурузы продает 320 кг., 32 кг. оставляет на семена, а из остающихся 1188 кг. потребляет сам с семьей только 160 кг.—остальное съедает скотина. Таким образом, семья Джангибая потребляет в год 560 кг. пшеницы и 160 кг. кукурузы, т. е. 720 кг. мучных продуктов—по 120 кг. в год на человека.

Молока в хозяйстве потребляется также больше, чем у Булата. 2 коровы дают (в течение 8 месяцев) около 1476 литров молока, 2 кобылицы—столько же в течение 5 месяцев, а всего, следовательно 2952 литра молока. В среднем, на одного человека в год приходится 492 литра молока.

Мяса потребляется несколько больше, чем в хозяйстве Кул Назара. В течение 1924 года семья Джангибая съела 13 барашков и 3 баранов, т. е. около 228 кг. мяса; в среднем, на человека в год по 35 кг. (вместо 6,4 кг. у Кул Назара).

Круп и овощей в хозяйстве Джангибая не потребляется. Единственное исключение—джугара.

Потребности Джангибая значительно шире, чем круг его натурально-хозяйственного снабжения. Несмотря на то, что в хозяйстве кое-что остается неиспользуемым и даже есть небольшие излишки, многого не хватает. Покупается чай—на 7 р. в год, 1,2 кг. сахару—1 р. 50 к. соль (вернее, сбор за право добычи соли)—2 р., шерсть козья 8 кг.—2 р., мауфактура 74 метра—41 р., обувь (часть делается собственноручно из невыделанной кожи) для себя, жены и старшего сына—36 р., хозяйственный мелкий инвентарь—10 р. 80 к., мыло (до 1,2 кг.)—1 р. 50 к. Приходится платить и налоги: налог государственный—10 р. (платится еще и манал-ский налог—1 баран). Всего тратится деньгами до 130 р. (126 р. 80 к.).

Излишки, идущие в продажу, состоят из: зерна (пшеницы—на 5 р., кукурузы—на 6 р.)—11 р., 5 барашков—25 р., 3 телят—30 р., 2 жеребят—30 р.,

сена—10 р., 2 овец—24 р. и шкур—10 р. Всего продается продуктов рублей на 140.

Денежная часть бюджета Джангибая сводится удачно; небольшая сумма ежегодно остается в кармане хозяина или переходит в кошелку его жены, для того чтобы быть при случае извлеченной на подаяние дервишу или покупку какой-либо безделушки. Несомненно, что в результате нескольких лет удачного хозяйствования Джангибай крепко врос в землю. Его *хозяйство очень устойчиво* и может, время от времени, приобретать новых баранов или мертвый инвентарь.

Что хозяйство Джангибая развивается, видно по внешности самого хозяина. Он чувствует себя достаточно солидным, несмотря на небольшой рост, жидкую бороденку и тщедушную фигуру. У Джангибая есть чувство собственного достоинства, которое выражается в том, что на угощении у богача Джангибай не садится у порога, как Кул Назар, а занимает место подле очага (не самое почетное); когда подают каурдак или вареное мясо, он без всякой конфузливости опускает свою руку в блюдо, а не ждет, как Кул Назар, когда ему передадут остатки или обглоданную косточку.

Начав хозяйствование с достаточным инвентарем, Джангибай значительно увеличил в течение 10 лет количество скота, хотя и не прибавил пашни. Вместо 14 голов скота у него теперь 40; он часто мечтает вслух о том, как бы перестать самому работать на земле и сдать свою землю уртаку. Останавливает его весьма высокое соображение, что в таком случае у него не будет никаких излишков, что может совсем изменить его положение. Его мечты о переходе на чисто-кочевой образ жизни, ведение скотоводческого хозяйства, которое типично для богачей,—все эти мечты останутся пока мечтами, но направление, в каком будет развиваться хозяйство Джангибая, уже выявилось: каждое более или менее достаточное хозяйство мечтает разделиться с необходимостью обрабатывать землю—земледелие для киргиза тяжелая необходимость. Его идеал—кочевое скотоводство.

Хозяйство 3 (Игамберде).

Игамбарде, в настоящее время старик лет за 70, начал вести свое хозяйство в 1872 году. Еще при жизни отца он был выделен им и получил 1 десятину поливной земли, 5 лошадей, 1 корову, 1 теленка, 1 вола, 15 овец, 5 коз, 5 козлят и 1 верблюда. Была дана Игамберде одна юрта, но не было ни омача, ни серпов, ни кетменей, потому что сам отец не обрабатывал землю, а пользовался трудом уртаков. Так же стал вести хозяйство и Игамберде—землю он тотчас же сдал уртаку, а сам занялся скотоводством.

При начале хозяйствования у Игамберде было в юрте 3 человека—он сам, жена, работник (койчи и джигит—одновременно). Для скотоводческого хозяйства такое количество рабочей силы оказалось на первых порах достаточным.

Земля, переданная уртаку, засеивалась исключительно джугарой, доля Игамберде составляла до 960 клг. Урожай мало изменялся по годам, хотя в течение нескольких десятков лет хозяйствования бывали несколько раз полные неурожаи (Игамберде помнит четыре таких неурожаев), во время которых Игамберде вовсе не получал от уртака своей доли, а должен был сам помогать уртаку хлебом, приобретенным на стороне. Игамберде умалчивает, на каких условиях давалась эта „помощь“, но факт тот, что уртаку Игамберде в настоящее время находится в полной хозяйственной зависимости от своего „благодетеля“.

В собственном, скотоводческом хозяйстве Игамберде были также катастрофы. В особенности запомнилась Игамберде одна. В 1917 году зимой, после оттепели неожиданно подул холодный ветер. Мороз сковал всю степь (вернее, долины, в которых выпасают киргизы зимою скот) ледяной корой. Гололедица стояла около двух недель и оказалась губельной для скота. Лошади и коровы, подкармливаемые в течение всей зимы сеном и джугарой, вынесли недостаток корма, только отощали. Бараны же, живущие круглый год на подножном корму, оказались вовсе без корма, так как не

могли пробить толстой ледяной коры своими слабыми копытами. Выпущенные на пастбище лошади не обнажили нигде земли—слои льда были слишком крепки. Бараны сбились вокруг юрт, жалобно блея, потом стали падать в изнеможении, а прошедшая в одну из ночей выюга окончательно добила стадо. Разбогатевший незадолго до того Игамберде (он содрал с своего зятя в виде калыма все его имущество) потерял сразу почти всех баранов—их мало у него 250 штук.

С тех пор Игамберде сделался осмотрительнее и заготавливает на зиму немного сена, однако заготовленного количества вряд ли хватит даже на одну неделю для его стада.

В настоящее время Игамберде имеет 45 лошадей (из них 30 кобылиц), 1 вола, 1 быка, 4 коров, 2 телят, 2 верблюдов, 200 баранов и овец, и 5 коз.

Семья Игамберде состоит из 8 человек, кроме того в хозяйстве постоянно работают 3 работника (койчи, джалчэ и джигит).

Хозяйство старик ведет нераздельное со своим сыном, который служит секретарем районного (или волостного) суда, получая жалованье 540 р. в год. Жалованье это, идущее отчасти и на хозяйственные потребности, является большим подспорьем для Игамберде.

Питание семьи складывается так: все мясные и молочные продукты получаются в своем хозяйстве; хлеб покупается на рынке (мука).

В течение прошлого (1924 г.) Игамберде купил 480 клг. муки пшеничной, что в переводе на зерно дает около 544 клг. зерна; риса—80 клг., джугары—800 клг. (на питание семьи пошло 480 клг., а остальная джугара пошла на корм скоту). В общем, мучных продуктов (в переводе на зерно) было потреблено 1104 клг., т. е. по 100 клг. на человека в год.

Молочных продуктов в хозяйстве производится громадное количество. Коровы (4) дают в год около 2954 литра молока, кобылицы (30)—22140 литров, козы (4)—590 литров, овцы (140)—2066 литров, всего от всех видов молочного скота получается около 27750 литров молока, т. е. почти по 2520 литров на человека в год. Может ли человек потребить такое количество молока?—на этот вопрос ответ, конечно, будет отрицательным. Однако, наблюдение над жизнью аула указывает, что все молоко, действительно потребляется—к полудню в ауле, даже в самых богатых юртах, не найдется ни капли кумыса. Чем это объяснить? Только тем, что кто-то со стороны „помогает“ богачам истреблять невероятное количество получаемого в их хозяйствах молока. Эти помощники—более бедные сородичи. Только благодаря такому обычаю, бедняки, вроде Кул Назара, не забывают совершенно вкуса кумыса...

Мясо потребляется в более скромных размерах. В 1924 году Игамберде зарезал 1 теленка, 80 барашков и 2 козлят, т. е. в течение года его семья потребила, приблизительно, 1008 клг. мяса. В среднем, на одного человека, включая и прислугу, пришлось по 84,6 клг. мяса в год. Правда, не все мясо съедено самой семьей—не мало потрудились гости (большинство барашков зарезано по случаю приезда гостей); но подобную же поправку необходимо сделать и по отношению к потреблению мяса в других хозяйствах (Кул Назара и Койбек Джангибая), так как каждый „соиш“, если даже он не делается специально для гостей, неизменно все таки их привлекает...

Потребности Игамберде и его семьи не удовлетворяются продуктами своего хозяйства. Приходится покупать необходимое на рынке или выменивать на баранов. Форма *простого обмена* более привлекает Игамберде—он охотнее меняет барана, например, на чай, чем продает этого барана для того, чтобы за деньги приобрести чай. При такой простой мене он нередко теряет, но бывает, что и выигрывает. На вопрос, сколько стоит та и другая вещь, Игамберде отвечает неизменно в переводе на баранов: „два барана“, „один баран“, „один барашек“—вместо 20 руб., 10 руб. и 5 руб. Поэтому часто бывает очень трудно определить, выменял Игамберде какой либо продукт или же купил его.

В 1924 году Игамберде купил 480 клг. пшеничной муки—15 руб., джугары 800 клг. (часть пошла на корм скота)—15 руб., риса 80 клг.—2 руб.

Расходная часть Киргиз

Предметы потреб- ления.	Хозяйство бедняка					Хозяйство		
	Натуральная часть		Денежная часть		Всего	Натуральная часть		
	Количе- ство	На сумму Р. К.	Количе- ство	На сумму Р. К.		Количе- ство	На сумму Р. К.	
Пшеница	240 кг. ⁹⁾	7 50			7 50	560 кг.	17 50	
Джугара	320 кл. ¹⁾	6 —			6 —	1248 кг. ²⁾	23 40	
Рис	—	—						
Клевер	300 сн.	10 —			10 —			
Сено	500 сн.	5 —			5 —	1000 с.	10 —	
Мясо баранье ⁴⁾ . .	1 овца	12 —			12 —	13 бараш. и 3 баран.	95 —	
„ козье	1 козлен.	5 —			5 —			
„ коровье	—	—						
„ лошадиное	—	—						
Молоко разное . . .	787 л. ⁵⁾	32 —			32 —	2952 л.	120 —	
Соль	16 кл. камен.	— 40			— 40			
Чай	—	—	100 гр.	1 —	1 —			
Сахар	—	—						
Мануфактура	—	—	29,6 м.	20 —	20 —			
Шерсть	6,4 кл.	— 80			— 80	80 кл.	10 —	
Шкуры ⁷⁾	—	—						
Обувь	2 пары	5 —	4 пары	22 —	27 —	4 пары	10 —	
Керосин	—	—						
Мыло	—	—						
Спички	—	—						
Обучение детей . .	—	—						
Госуд. налог	—	—		10 —	10 —			
Манапский налог .	—	—				1 бар.	10 —	
Хозяйств. принадл.	—	—	По суд. и пр.	5 —	5 —			
Рабочая скла	—	—						
Религия	—	—						
	—	83 70	—	58 —	141 70	—	295 90	

ского годового бюджета.

середняка				Хозяйство богатей								Примечание
Денежная часть		Всего	Натуральная часть		Денежная часть		Всего					
Количе- ство	На сумм,		Количе- ство	На сумму	Количе- ство	На сумму						
								Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	
За право добычи 400 гр. 1,2 кг. 74 м. 8 кг. 1,2 кг.			17 50			544 к.	15 —	15 —	1) из них 160 кг. на корм скота. 2) из них 1088 кг. на корм скота. 3) из них 1280 кг. на корм скота. 4) цены на овец, бараш- ков, коз и пр. (не на мясо) взяты средние по горному району. 5) считая 1 ведро по 50 к. в переводе на литры около 4 к. 6) приближи- тельная вме- сте с обувью 7) учесть точ- но невозмож- но, поэтому стоим. шкур употреб. в хоз включена в стоимость. 8) поступало от урожая за пользование быком и ома- чем. 9) в это чис- ло не включе- но зерно, от- даваемое бо- гачу за про- корм коровы. Расход топ- лива (кизьяк) и его цену учесть труд- но; плата за право сбора куст. входит в общ. гос. нал.			
			23 40	960 кг. ³⁾ 158)	—	800 к.	15 —	33 —				
						80 к.	2 50	2 50				
			10 —			2000 с.	20 —	20 —				
			95 —	80 бараш	400 —			400 —				
				2 к.	10 —			10 —				
				1 тел.	10 —			10 —				
				2775 л.	1128 —			1128 —				
			120 —									
		2 —	2 —			1 р.	3 —	3 —				
		7 —	7 —			1 р.						
		1 50	1 50			2 кг.	20 —	20 —				
		41 —	41 —				300 ⁶⁾ —	300 —				
		2 —	22 —	448 кг.	56 —	8 кг.	2 —	56 —				
		36 —	46 —									
	1 50	1 50			20 кг.	4 —	4 —					
					4,8 кг.	6 —	6 —					
					3 пач.	1 20	1 20					
	10 —	10 —				5 —	5 —					
	15 —	15 —				90 —	90 —					
		10 —				—	—					
	10 80	10 80										
			16 баран.	160 —			160 —					
			1 барашк.	5 —		3 50	8 —					
—	126 80	422 70	—	1787 —	—	487 20	2284 20					

50 коп., чай 1 клг.—20 руб. (вернее, 2 барана), соль—3 руб., шерсть—2 руб., керосин—4 руб., спички—1 руб. 20 коп., мануфактуру рублей на 300 (покупал сын на свои деньги, поэтому Игамберое не может точно установить сумму), в эту сумму вошли и мелкие расходы по поездке, а также обувь. Денег у Игамберде на руках было значительно больше, потому что он без труда уплатил государственный налог—90 руб., 5 руб.—за обучение ребенка, и отдал мullah 3 руб. 50 коп. (кроме подаренного барашка—5 руб.). В общем, денежные траты старика, если из них вычесть деньги, истраченные сыном, не меньше 200 руб. Откуда же берутся эти деньги? На этот вопрос Игамберде отвечает неохотно. Если он точно подсчитывал свои расходы, припоминая самые мелкие и пустяковые, то о своих доходах он предпочел бы вовсе умолчать—призрак финансового обложения для него гораздо более реален, чем словесные уверения опрашивающих, что опрос ведется лишь с научной целью. Старик с трудом „вспоминает“ отдельные статьи дохода, беспомощно разводит руками и заявляет, что доходов у него никаких не было, баранов он не продавал и не менял, так как их у него „очень мало“ и т. д. Не уступает он и перед доводами, что израсходовать деньги можно лишь в том случае, если они уже откуда то перед тем получены. „Жалование сына“ не спасает от расспросов: выясняется, что большую часть денег сын тратит на себя лично, и, во всяком случае, его доля в общем хозяйстве никак не больше упомянутых 300 руб., а вероятно, и меньше. Наконец, старик начинает „продавать“ понемногу свой скот и „менять“ его на полученные для хозяйства продукты. Со стороны кажется, что Игамберде, действительно, распродает свой скот, и что если опрос затянется, то хозяин окажется полным банкротом—у него все будет распродано...

Доходы располагаются так:

2 барана обменено на чай—20 руб.

3 барана отдано за мануфактуру—30 руб.

3 барана отдано за муку и джугару—30 руб.

2 барана продано для разных мелких расходов—20 руб.

Больше вспомнить не может.

— А налог государственный?

— Да, проданы бараны.

Выясняется, что продавались не только бараны, но и овцы (штук 5), и жеребята—тоже 4—5 штук. Таким образом, приход оказывается даже несколько больше 200 рублей. Но так как „статьи“ доходов нельзя установить точно, то правильнее принять их в сумме, равной расходу (денежному) Игамберде, тем более, что расходов он не скрывал и все их выложил охотно. Конечно, в таком богатом хозяйстве есть денежные сбережения, но выявить их размеры никак нельзя.

Хозяйство Игамберде, безусловно, богатое. Характерной особенностью его является чисто скотоводческий характер—с землею связь косвенная через уртак, а может и совершенно порваться—все необходимое из мучных продуктов Игамберде и теперь уже покупает на рынке.

Хозяйство не только эксплуатирует постоянно чужой труд (койчи, джигит, джалач) но и употребляет кабальные формы аренды (уртачество). В основе кабалы лежит ссуда рабочего скота (вола), необходимого уртаку для обработки земли, и ссуда зерна для посева. Излишки в хозяйстве велики—часть их идет в обмен на необходимые для хозяйства продукты, в самом хозяйстве не производимые, а часть (кумыс) расходуется на угощение сородичей и подкармливание бедноты.

Несколько пугает общую картину хозяйства жалование сына Игамберде, но этот момент во многих богатых киргизских хозяйствах оказывается достаточно стойким: у богатых киргизов весьма часто кто-либо из членов семьи состоит на советской службе, получая жалование. Причина такого явления та, что в горной Киргизии грамотные люди попадаются почти исключительно среди богатей¹⁾, богатства же здесь тщательно скрываются—каждый норовит выдать себя за бедняка.

1) Писано в 1925 году.

9. Обмен и торговля.

Базары горного района. Связь юрцев с рынком. Отсутствие торговли на кочевьях. Торговые операции богачей мананов. Необходимость постройки дорог.

Бюджеты показывают, что количественно обмен играет довольно скромную роль в киргизском хозяйстве, но действительное значение обмена гораздо больше, чем это можно выявить в цифрах. Начать с того, что весь сельско-хозяйственный инвентарь в горных хозяйствах получается путем обмена, таким же путем приобретаются предметы домашнего обихода, утварь, одежда. Городское ремесло и фабричная промышленность почти начисто уничтожили местное ремесло, ситец вытеснил мату, фарфор и фаянс — глиняную посуду. Рынок уже довлеет над киргизским хозяйством, но власть рынка проявляется крайне своеобразно в силу множества социальных пережитков, сохранившихся в горных аулах.

Сельскохозяйственные орудия, мануфактура, обувь, спички, металлические изделия покупаются киргизами на местных рынках, отстоящих от районов кочевий на расстоянии 2—3 дней пути. Большинство рынков расположены в селах и районных городках, но немало базаров устроено на перекрестках больших дорог. На такие базары съезжаются мелочные торговцы (в последнее время туда проникла и кооперация), и целые своры скупщиков скота — основного предмета киргизской торговли. Весной скупщики раздают горцам авансы под скот, а осенью приезжают этот скот получать и производить окончательный расчет.

Нельзя сказать, чтобы рыночные сношения для рядовых киргиз были очень оживленными: бедняки попадают на рынок раз два в год, приурочивая свои поездки к тому моменту, когда нужно заехать в районный административный центр или продать скот (осенью). Люди позажиточнее посещают рынок чаще, но летом не бывают на рынке месяцами. Только местная аульная или волостная администрация бывает на базаре почти еженедельно. Но как бы редко киргиз не приезжал на базар, рынок оказывает на его хозяйство громадное влияние, потому что цены на хлеб, скот диктуются не отдельным киргизом, а рынком, рынок же определяет цены на изделия города. Часто стремясь избежать монопольных цен какого-либо местного торговца горец едет на более крупное торжище, но и более отдаленное от своего жилья. При-

вычка ездить на большие расстояния делает для киргиза „пустяком“ поездку за 100—150 километров в одну сторону, а это приводит к оживлению меновых связей.

Помимо своего экономического значения рынок влияет на горца и другой стороной—он прививает ему новые потребности, так как является излюбленным местом всяких встреч, подобием примитивного клуба. Потолкаться на рынке, даже ничего не покупая—что может быть лучше для горца, живущего в стороне от больших дорог, от оживленных населенных центров. И с каждым годом рынок все сильнее затягивает жителей гор в орбиту своих меновых сделок.

Процесс усиления связи киргизов-горцев с рынком идет непрерывно, но не быстро. Много еще мешает нормальному развитию меновых отношений в горном районе и, прежде всего, отсутствие удобных путей сообщения. Без дорог—нет торговли. В горной Киргизии почти все базары играют роль районных мест обмена. Районный городок феодальной эпохи где-либо в южной Германии (в XII—XIII вв.) обслуживал окрестных крестьян не лучше, чем киргизский базар, но он все же был ближе, связан со всем районом колесными дорогами, на дорогах были мосты, вдоль дорог—поселки. Ничего этого в горной Киргизии нет. Поэтому активно торговать, т. е. развозить по району товары, а не только сидеть на рынке, купцы в горной Киргизии не могут. Изредка какой-либо коробейник заезжает на кочевья, но охотников карабкаться по горным тропам не так уж много. Кроме того горцы редко имеют на кочевьях деньги, так как продавая на рынке скот они сейчас же приобретают там же что либо—для своего хозяйства. Поэтому коробейнику трудно рассчитывать на большие торговые операции, если он приедет в безденежный аул. На кочевьях деньги оборота не имеют.

Ни на летних кочевьях, ни на зимовках нет никаких лавок, нет торговцев-профессионалов. Соседи избегают продавать что либо друг другу—силы еще пережитки родовых отношений. *Лучше одолжить соседу, уступить как родственнику, чем продать: иначе общественное мнение осудит такого человека.*

Но существуют и на кочевьях люди, имеющие постоянную связь с рынком—чаще всего это богатые маналы. Не проходит базара, чтобы такой богатый не совершил на нем какой-либо торговой сделки. Если он сам не может поехать на базар, то посылает доверенных лиц, или вызывает к себе на кочевье торговцев скотом. Бывают случаи, когда богатые выступают посредниками при торговых сделках между скупщиками скота и горцами, но это явление довольно редкое. Виднейшие маналы, как например, Керимбай, *сужают торговцев скотом деньгами*, потому что в горах деньги оборота не имеют и накопленные капиталы лежали бы втуне, если бы владельцы их не пускали в рост. Продажа скота, полученного от сородичей в виде подарков и налогов („отмай“, „чокмай“), и ростовщичество сосредоточивают в руках

кочевой знати действительно громадные богатства, учесть которые трудно и которые поэтому ускользают от обложения подходящим налогом, но которые в руках людей, и так уже стоящих (по своему происхождению) в верхних слоях киргизского общества, превращаются в настоящее *социальное могущество*. ✓

Главным предметом торговли, поступающим с гор на базары, является живой скот и, в небольшом количестве—зерно и клевер. Шерсть идет для нужд самих горцев, шкур же они почти не вывозят, потому, что в сыром виде шкуры неудобны для перевозки. В торговый оборот не попадает множество сырьевых продуктов, рыночная стоимость которых не выдерживает накладных расходов вьючного транспорта. Но если бы через горный район была проведена хоть одна колесная дорога, пересекающая Киргизию с севера на юг (из Аулиеата или Мерке на Наманган-Андижан-Джелалбад), весь район сразу бы ожил в отношении торговли.

10. Классовое расслоение.

Скот как средство производства. Уртакчество. Распространенность его. Самообслуживание и наемная рабочая сила в хозяйствах разных типов. Подкармливание богачами бедняков. Отхожие промыслы. Основные классы киргизского общества в горных районах.

✓ Бюджетное обследование выяснило наличие пяти основных групп горских хозяйств, из которых последняя группа—богачей-манапов—оказалась самой сильной в экономическом отношении. Эта группа хозяйств имеет постоянную связь с рынком, в системе хозяйствования у нее преобладают меновые, денежные отношения, между тем как все остальные группы хозяйств (в том числе и хозяйства богачей типа Игамберде) имеют в значительной части потребительский характер.

Резкое различие двух систем хозяйствования (системы товарного хозяйства и системы натурального хозяйства) и постепенное вытеснение натурального хозяйства меновым приводят к тому, что манапские хозяйства, как наиболее активно участвующие в меновых отношениях, получают экономический перевес над остальными группами хозяйств. И это сказывается в том, что манапы делаютя обладателями наибольших стад и денежных капиталов. ✓

Для горцев скот—не только ходячая живность, которую, можно резать на мясо: гораздо большее значение скот имеет как средство производства (при земледелии—крупный рогатый скот и лошади, при скотоводстве—молочный скот и бараны), а поэтому владельцы скота являются в то же время собственниками средств производства. Вот почему представление о богатстве у горцев неразрывно связывается со скотоводством, а представление о бедности—с отсутствием скота. Кроме того, скотоводство в горном районе—в товарном отношении—гораздо рентабельнее, чем другие промыслы, потому что продажа 3-х баранов дает больший доход, чем продажа урожая с целой десятины земли. Неудивительно, что каждый киргиз мечтает о том, как бы стать скотоводом, но для многих горцев—для большинства—мечты эти так и остаются мечтами. Классовое расслоение пустило настолько глубокие корни в киргизском обществе, что для бедняков заказан путь к скотоводству—они принуждены заниматься земледелием

или на своих земельных наделах, или на земельных участках богачей. ✓

Но и для земледелия нужен скот, как рабочая сила. Никаких кредитных учреждений, помогающих беднякам приобретать скот, в горном районе нет. Потребность в рабочем скоте может быть удовлетворена только „милостью“ богачей-скотоводов, которые предпочитают—в силу преобладающего у бедняков потребительского, полунатурального хозяйствования—не продавать скот в рассрочку, а ссужать его на время, на условиях расплаты натурою. Условия таких ссуд скотом узаконены обычным правом, которое маскирует сущность операции. Налицо мы имеем скрытую форму меновых отношений,* сохраняющих внешне натуральный облик: „услуга“ со стороны скотовладельца, отработка, подмога со стороны заемщика—но за этими патриархальными отношениями скрывается уже прямая эксплуатация, сложившаяся в систему.

Условия, при которых богач дает в долг свой скот, почти во всей горной Киргизии одинаковы: за пользование в течение вегетационного периода волом бедняк отдает заимодавцу от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ урожая со своей земли, в зависимости от величины посева. Изгои, не имеющие рода, а поэтому и лишенные земли, поступают утками к богачу, нанимаются настоящими половниками, работают на его земле, получая за это часть урожая. / 2

Дележка урожая наблюдается и в том случае, когда у бедняка есть вол или лошадь, но нет коровы. Для того, чтобы обеспечить своих детей молоком, бедняк также становится уткаком—богач дает ему на прокат на 5 теплых месяцев корову, за что получает $\frac{1}{5}$ — $\frac{1}{3}$ (доля эта поднимается и до $\frac{1}{2}$) урожая. Количество земли, имеющееся в распоряжении бедняка почти всегда одинаковое—в среднем, около 1 десятины. В некоторых районах это количество падает до $\frac{1}{2}$ десятины: тогда бедняк нанимается в утаки к богачу, обрабатывая одновременно и свой участок; в других районах земельные участки бедняков достигают $1\frac{1}{2}$ десятин—в таких случаях бедняк работает уткаком на своей земле. /

В нашем распоряжении нет точных сведений о распространении утачества в горной Киргизии, но предварительный опрос и беседы с местными работниками дают повод утверждать, что чуть ли не половина всех киргизов состоит утками богачей.

Вследствие недостатка точных сведений об утачестве, приходится пользоваться некоторыми косвенными указаниями, напр. сведениями о безлошадных, и пр.

В обследованных аулах число безлошадных очень велико ¹⁾ при чем оно повышалось в районах более южных (земледельческих), достигая почти 40% общего количества хозяйств. Не удалось точно установить, какое количество киргизов не имеет собственных волов и коров, так как бедняки получают их на прокат

¹⁾ По данным финорганов, из общего (по всей Киргизии) числа сеющих хозяйств—27% вовсе не имеют рабочего скота. По районам сведения не разработаны.

от богачей. Не будь этой ссуды скотом, большинство бедняков принуждено было бы отказаться от ведения собственного земледельческого хозяйства. В настоящее время почти все жители аула имеют то или иное количество пахотной земли, но многие не имеют собственного крупного скота для обработки этой земли; так как земли эти все же распаханы и обработаны, то, следовательно, для работы на них применялся рабочий скот со стороны. У киргизов не существует общественной или родовой помощи скотом для обработки пашни—поэтому, *всех, не имеющих собственного рабочего скота, но все же занимающихся земледелием, можно признать уртаками. Количество уртаков в действительности значительно больше, потому что уртаки работают и на землях, принадлежащих богачам.*

Богатые хозяйства—исключительно скотоводческие. Необходимый им хлеб они или покупают, или получают от уртаков, но сами земледелием не занимаются. Исклучением может считаться тип хозяйства богача около р. Конгур-огуз, в котором поля обрабатываются трудом наемных рабочих—„малаев“.

В *бедняцких* хозяйствах работают, конечно, только члены семьи. В хозяйстве середняка, имеющем значительный скотоводческий уклон, также работают члены семьи хозяина, но бывает и наемный труд: если у хозяина нет взрослого сына (или подростка), могущего ходить за скотом, то нанимается пастух; кроме одного пастуха в таких середняцких хозяйствах других наемных рабочих не бывает.

Работа внутри хозяйства, как бедняцкого, так и середняцкого, регулируется обычаем, причем женщины выполняют всю домашнюю работу и доят скот, делают кошмы, шьют платья, помогают при уборке урожая, ставят и снимают юрты. Мужской труд заключается в охране стад, приготовлении кумыса, сборе топлива (за исключением кизяка, который готовят и собирают женщины), навьючивании и развьючивании животных при перекочевках, резании животных, поездках на базар и основных земледельческих работах. На кочевье мужчина почти ничего не делает, мало работает и зимой—весь труд его приходится на период полевых работ. Женщина же работает непрерывно. Если бы размеры киргизского хозяйства не были так скромны, то можно было бы говорить о том, что женщина обременена работой; в действительности работы не так уж много—в хозяйстве бедняка доение коровы, да приготовление пищи—вот главная забота хозяйки. Горячая пища готовится не каждый день, посуды немного (казан, одно-два деревянных блюда, 1—2 пъялы), чистка ее поэтому также не обременительна. Белье стирается один раз в 2—3 месяца. Таким образом только половина дня уходит на домашние работы. У киргизской женщины всегда есть свободное время, которое она отдает своим соседкам. Хождение друг к другу в гости в течение целого дня—наблюдается во всякое время года.

У середняков хозяйство больше, но за-то и женщин-жен больше. Работа распределяется между ними: одна доит скот, другая готовит кушанье. И здесь обременения работой нет.

Что же касается мужчин, то их рабочий день в период полевых работ очень напряжен и утомителен; на кочевье же киргиз сидит большую часть дня у порога юрты, подбоченившись и глядя вдаль. Устанет одна рука, подпрется другою... Большая часть дня уходит на взаимное хождение в гости — из юрты в юрту, медленные разговоры и пересуды.

Богачи сами вовсе не работают. Не работают и их жены. Домашние работы выполняются джалчэ — мужчинами и женщинами, работающими под наблюдением байбичэ (старшей жены хозяина). Уход за скотом возложен на койчэ, малчэ и джилкачэ; малчэ ходят за крупным, койчэ — за мелким рогатым скотом, а джилкачэ — за лошадьми.

Хозяин сидит весь день — зимой в юрте подле очага, летом — на пороге юрты. Он ограничивает свою деятельность лишь приказаниями, да разговорами с соседями и гостями. От малоподвижности и избытка пищи богачи быстро жиреют. Для киргиза богатый и толстый человек, почти синонимы. Если посмотреть на богача и бедняка, то их можно отличить даже по внешнему виду (кроме одежды) — бедняк худ и тощ, богач — упитан, толст.

Вокруг богачей околачиваются всегда бедняки, в надежде на угощение. Многие из них готовы работать для него совершенно бесплатно.

Голодная норма хлеба (вдвое ниже голодной нормы в РСФСР), которая, как мы видели при разборе бюджетов, существует в горском бедняцком хозяйстве, не может служить достаточной основой питания для семьи бедняка. Прокат коровы (взятой у богача) дает молоко детям, но взрослые члены семьи постоянно чувствуют недостаток пищи, в особенности мясной. $\frac{1}{2}$ килограмма мяса в месяц — такая порция вызывает лишь обострение потребности в этой пище, но не удовлетворение. И здесь на помощь приходит богач: излишки мясной пищи, не могущие быть потребленными в хозяйстве самого богача, идут на угощение „гостей“, в среде которых „случайно“ оказывается и бедняк, мечтающий о мясе.

Бедняк всегда ищет случая попасть в гости, чтобы поесть мяса. Как настойчив он при этом, видно из следующего примера. По дороге на перевал Колбу один из участников нашей экспедиции встретил двух киргизов-бедняков. Узнав, что он едет в гости, киргизы тотчас повернули своих лошадей и поехали вместе, хотя по их же словам, цель путешествия находилась не меньше, как за 30 километров в сторону. Много ли попадает бедняку при угощении у богача? — это другой вопрос. Иногда из угощения он получит одну косточку, да пару глотков шурпы; но надежда поесть мяса все-таки сбывается, а большего и не надо.

Наконец, существует род пищи, вкус которой бедняк знает лишь постольку, поскольку удастся получить ее у богача. Это —

кумыс. В хозяйстве бедняка кумыса нет. В хозяйстве же богача кумыса так много, что его не знают, куда девать. В некоторых богатых хозяйствах летом на душу приходится ежедневно по 14,6 литра кумыса, а кое-где и еще больше. Неудивительно, что богач охотно потчует кумысом всех проходящих, в том числе и бедняков. К 11 часам утра в ауле ни в одной юрте, даже самой богатой, нет больше кумыса — он весь выпит. Это истребление кобыльего молока возможно только при активной помощи бедняков.

В результате ссудных операций со скотом бедняки попадают в полную экономическую зависимость от богатей, а вследствие подкармливания считают богатей истинными благодетелями...

Несмотря на „прикармливание“, бедняк порой принужден, спасаясь от голодной смерти, уходить из родного аула куда-либо на сторону, в надежде найти заработок. Ежегодно из горных аулов отправляются в города и русские села молодые киргизы беднейших семей. Часть из них нанимается к крестьянам на полевые работы или в качестве пастухов, другие выполняют различные черные работы на постройках и при переноске тяжестей. Количество уходящих на отхожие промыслы людей неодинаково в разных районах—наименьшее количество горцев уходит из внутренних скотоводческих районов Арымской и др. волостей, наибольшее—из северной части Таласского района и из района перевалов Каргыш-Кен-кул. С этих перевалов киргизы идут в Фергану. Более точных сведений о количестве людей, уходящих из аулов для работы на стороне, получить не удалось.

Таким образом, в киргизском ауле горного района *вполне оформились общественные классы*. Богатые скотовладельцы выступают, как класс эксплуататоров, использующий социальные пережитки в киргизском ауле, как один из способов получить наибольший экономический эффект от эксплуатации. Бедняки же, принужденные становиться зависимыми уртакими, не могут ничего противопоставить этой эксплуатации, потому что те же самые пережитки затемняют для них понимание сути вещей. Верхушка класса эксплуататоров имеет непосредственный стык с торговой буржуазией ближайших городов, занимается нередко ростовщичеством, торгует скотом. Происхождение ее от древних манапов (об этом ниже, в главе о манапах) придает ей совершенно исключительное экономическое могущество, ставящее даже многих богатей не такого знатного происхождения в подчиненное положение.

Но, наряду с этим, значительная часть горцев сохранила полную хозяйственную самостоятельность—это середняки, полу-земледельцы, полускотоводы. Наличие солидного среднего социального слоя задерживает развитие в ауле классовой борьбы, поскольку середняки являются оплотом родовых традиций.

Пролетариат, как класс, еще не выделился в горном ауле. Полу-пролетарии, работающие в чужих хозяйствах или уходящие на отхожие промыслы, не порвали еще связи со своими хозяй-

ствами, а те из них, которые вовсе не имеют хозяйств, так немногочисленны, что их можно скинуть со счетов. ✓

Присматриваясь к расстановке классовых сил в горных районах, мы должны признать, что от нее веет чем то весьма древним, какой-то до-капиталистической эпохой.

Но какой именно? Этот вопрос можно было решить лишь после изучения социально-бытовых и политических отношений в горных аулах. Пришлось собирать добавочный материал, начав работу с семьи, рода и кончив теми социальными явлениями, которые мы называли „манапством“. Тогда, после просмотра этого материала, классовая структура современного киргизского общества в горных районах стала для нас понятной.

11. Семья и брак.

Состав семьи. Кто распоряжается семейным имуществом. Калым и положение женщины. Байбичё. Дети. Развод, возврат калыма. Цель брака. До-брачная и внебрачная половая жизнь. Тамр. Разговоры о половых отношениях. Киргизская романтика. Приложения: 1) Брак малолетнего, 2) Как уплачивается калым у богатей.

Основной ячейкой хозяйства у горцев-киргизов является семья. По существу, словом семья обозначают всех лиц, живущих в одной юрте. Иногда такая семейная группа совпадает с парной небольшой семьей, но гораздо чаще эта группа состоит из объединения ближайших родственников по прямой нисходящей линии: в одной юрте может жить отец со своими женами и его сыновья с женами и детьми, а также незамужние дочери. Вся эта группа также называется семьей.

Семья киргизов достигает нередко значительных размеров — 15—20 человек. Как это ни странно, у богатей семья не велика, у бедняков попадаютсЯ значительно большие семьи. Причина такого явления заключается в том, что при женитьбе своих сыновей богачи выделяют им отдельные юрты, скот и землю, бедняки же стараются возможно дольше удержать взрослых детей от выдела. В богатом хозяйстве из всех сыновей при отце остается только самый младший сын. Он живет с отцом до его смерти и наследует отцовское имущество. Все остальные сыновья, если они женаты, получают свою долю наследства еще при жизни отца — при выделе. Никаких прав на остальное наследство они не имеют.

Родственники, живущие в одной юрте, владеют своим имуществом сообща: скот, земля, инвентарь — все считается общим семейным достоянием. Распорядителем семейного имущества может быть только мужчина; женщина, если ей приходится управлять хозяйством вследствие малолетства ее сыновей, считается только опекуницей — за все свои действия она должна будет отдать отчет после того, как настоящее наследники войдут в возраст.

Пока жив отец, он распоряжается семейным имуществом безконтрольно. С остальными родственниками глава семьи не советуется; если что либо необходимо купить или продать, он выполняет все сам, без чьего-либо вмешательства. Однако, есть сдерживающее начало и для главы семьи — это обычай. Обычай не

разрешает отцу продавать землю, юрту и ценный скот (вернее, рабочий скот) без согласия взрослых сыновей, не успевших еще выделиться из хозяйства. Обычай устанавливает определенные доли каждого сына в семейном хозяйстве при выделе; обычай запрещает отцу лишать своих сыновей наследства или отказывать в выделе, если к тому нет слишком веских оснований. В случае неподчинения главе семьи непокорный родственник или сын может быть изгнан из юрты; но если изгнание сопровождается угрозой лишить наследства, в дело вмешивается аульный старшина или манап. Они обращаются к разгневанному главе семьи и, ссылаясь на родовые обычаи, добиваются, чтобы изгнаннику была выделена юрта, необходимый скот и хозяйственный инвентарь. Такие обращения всегда заканчиваются успешно — родовой обычай, родовое общественное мнение имеют пока еще достаточную силу.

Женится киргиз рано: мужья в 14 лет встречаются повсюду — и делается это из хозяйственных соображений. Каждый лишний работник в семье облегчает труд остальных, поэтому прибавка рабочей силы приветствуется всеми членами семьи. Одну жену имеют только самые бедные киргизы. Для них уплата калыма настолько тяжелое дело, что вторичная уплата (в случае смерти первой жены) не всегда оказывается под силу. Зажиточные киргизы имеют по две жены, а богачи — по три, по четыре. Так как ислам не допускает большего количества жен, чем четырех одновременно, то богатые киргизы, если хотят жениться на пятой, дают развод одной из своих прежних жен, отправляя ее к родственникам. Обычай допускает развод только по отношению к женщине бесплодной или потерявшей своих детей, т.-е. во всяком случае, бездетной. Но таких жен киргизок всегда достаточно.

Женятся киргизы не сразу на двух женах, и лишь прожив некоторое время с одной, берут другую. Так как, при браке малолетних, жену берут всегда несколько старше мальчика-мужа — вполне взрослую девушку — то через несколько лет, когда муж войдет в возраст, жена выглядит уже пожилой женщиной. Муж тогда женится на совсем молодой девушке. Когда и эта завянет, берет третью.

Положение жен в хозяйстве не одинаковое. Если жена одна, то она выполняет целиком всю домашнюю работу. У киргизов мужчина работает только в поле, да в стаде. Делать что-либо дома, в юрте, носить воду, готовить пищу и проч. для мужчины зазорно. Поэтому от работоспособности жены зависит целиком все домашнее хозяйство.

Если женщин в семье несколько, то одна из них считается „байбичё“ — домоправительница. Байбичё может быть матерью-вдовою, живущею при сыновьях, если она не очень стара. Если же матери нет, или она стара, то байбичё бывает первая жена старшего мужчины, живущего в юрте. Когда в юрте живет только один муж со своими женами, байбичё делается первая жена. Байбичё руководит всем домашним хозяйством, всеми женскими (т.-е.,

по существу, всеми домашними) работами. Она распределяет работу между остальными женщинами, указывает им сроки работы, дает советы, делает выговоры. Наказать сама она никого не может, но жалоба байбачё старшему мужчине служит достаточной угрозой для ленивых и непослушных. Старший мужчина бьет своих домоладцев, ругает их, если байбичё пожалуется.

В богатых хозяйствах байбичё никогда не работает — она только распоряжается. В более бедных — байбичё выполняет и сама определенную работу: — на ее обязанности лежит доение молочного скота. Младшая жена, „тукал“, готовит пищу и смотрит за детьми. Этим обычаем достигается строгое распределение труда между женщинами в хозяйстве. ✓

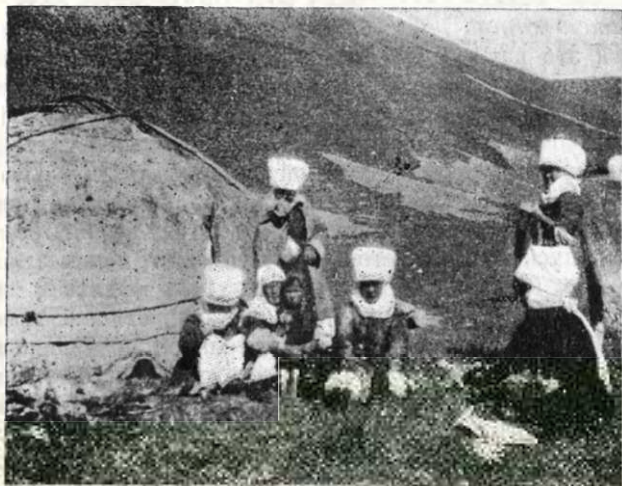

Рис. 12. Группа женщин из рода колпош.

Если в хозяйстве есть домашние рабочие, то они всецело подчиняются байбичё. Остальные рабочие находятся в подчинении мужчины, главы семьи.

Отношение жен друг к другу сдержанное, но не очень сердечное. Ссор, однако, между ними почти не бывает. Все споры разрешает муж.

Отношение мужа к своим женам регулируется обычаем: в богатых хозяйствах для каждой жены ставится отдельная юрта, и муж по очереди посещает каждую из них. Младшие жены почти всегда пользуются большим вниманием со стороны мужей, что вполне понятно; тем не менее, первая жена находится в большом почете, особенно со стороны родственников и гостей — очень неприличным считается подарить что-либо одной младшей жене, не одаривая при этом старшей. Даже те подарки, которые предназначаются младшей жене, должны быть переданы через руки старшей Только.

муж может нарушить этот обычай и дарить непосредственно младшей, но такие подарки делаются совершенно интимно.

Детей у киргизов не много — редкая женщина имеет более 3 детей. Рождаемость то, положим, значительно больше, но громадное количество детей умирает до 3 лет. Смертность детей необычайная. Зимой дети умирают от воспаления легких и простудных заболеваний, летом — от дизинтерии. Киргизская мать кормит своего ребенка грудью до 3—4 лет; хотя при этом детей подкармливают чем попало, но в момент окончательного перехода на пищу взрослых — годам к 3 — множество детей погибает от желудочных заболеваний. Жирная грубая пища, в которой преобладает мясо без всяких приправ, уничтожает множество детских жизней. Киргизы приписывают желудочные болезни детей исключительно „сглазу“. Для того, чтобы уберечь ребенка от „с глаза“ киргизская мать идет на множество ухищрений: самое распространенное из них — воздержание от мытья. В одном ауле Таласского района у председателя волостного исполнительного комитета была прелестная крошка-дочка, 1½ лет. Девчурка была одета в хорошее платье, но рожица ее покрыта толстым слоем грязи. Оказалось, что грязь на лице ребенка не есть следствие простой перьяшливости: мать, у которой двое детей умерли, не дожив до двух лет, в течение целого года не мыла своей дочери, чтобы кто-либо случайно не назвал ее красивой и, таким образом, не „сглазил“...

Рис. 13. Франтиха из рода мачак (жена следователя).

Небольшое количество детей объясняется не только одной смертностью — в Киргизии масса бесплодных женщин. Такое массовое бесплодие вызвано, вероятно, широким распространением венерических болезней, в особенности сифилиса и гонорреи.

Обращение мужей с женами хорошее. Мужчине невыгодно ссориться со своей женой, в особенности теперь, после отмены калыма. По существу, калым „отменился“ довольно однобоко — при женитьбе калым попрежнему взимают, но в случаях ухода жены его больше не отдают... В прежнее время уход жены влек за собою возврат калыма мужу; на этот калым можно было при-

обрести другую жену. Теперь потеря оказывается невозместимой. От этого страдают больше всего бедняки, которые не в состоянии собрать калыма в другой раз. Уход жены делает их в полном смысле соломенными вдовцами, разлагает все домашнее хозяйство, без надежды его как либо восстановить.

Существовали раньше только две причины, которые оправдывали уход жены от мужа: половое бессилие мужа и систематические истязания. Родственники, к которым уходила обиженная жена, всячески отговаривали ее от разрыва с мужем — для них было совсем неприятно возвращать покинутому супругу калым. Теперь уходящая жена встречает иной прием. Один, довольно богатый, киргиз ухитрился обратить новые отношения в способ быстрого обогащения. Своих двух дочерей он выдал за зажиточных киргизов, содрав с них приличный калым. Через некоторое время он подбил обоих дочерей поссориться с мужьями и вернуться к отцу. Тогда предприимчивый папаша нашел для них еще более богатых мужей, с которых взял еще больший калым, а прежним мужьям предложил получить с него калым... судом.

Встречаются в настоящее время и другие причины ухода (кроме полового бессилия и истязаний). В двух аулах утверждали, что жены койчѣ и джигитов уходят от своих мужей, чтобы перейти к самостоятельным хозяевам: будучи женами койчѣ или джигитов они лишены собственного очага, жить должны в чужом хозяйстве, выполняя там все грязные работы и не получая от хозяев своих мужей никакой платы за это. Идеалом же всякой киргизской (да и только ли киргизской?) женщины является собственный очаг. Пока не было запрещения калыма, уход от мужа по таким соображениям встречался с большими трудностями — надо было подыскать нового мужа, который согласился бы возместить прежнему мужу уплаченный калым. Теперь это затруднение отпало.

Для киргизской замужней женщины отмена калыма имеет большое значение — она сделалась свободнее. Для покидаемых же мужей отмена калыма — удар по самому чувствительному участку хозяйства. Даже в небогатых семьях калым в 30 - 40 баранов считается небольшой ценой за девушку. Джигиты и койчѣ служат специально для уплаты калыма по 4—5 лет, отдавая всех получаемых за работу баранов отцу своей будущей жены: для них уход жены — это перспектива бесплатной службы в течение новых 4—5 лет, или угроза полного безбрачия.

Целью брака каждый киргиз считает воспроизведение потомства. Бездетность жены даже у бедняков-земледельцев может служить достаточным основанием для развода. Потомство *необходимо* иметь. Между тем бездетность жены не всегда бывает виною женщины — это киргизы знают по собственному опыту: ни у одного народа не встречается столько людей, страдающих половым бессилием, как у киргизов. Появление у жены ребенка, даже заведомо от чужого отца, считается неожиданным и очень ценным подарком. Киргизские мальчики из богатых семей женятся рано,

лет 13—14, на девушках 16 и более лет. Потомство в таких случаях тоже может появиться лишь при активной помощи со стороны. Но это не мешает всем, в том числе и мужу, радоваться появлению ребенка. Понятие о верности не слишком часто встречается в аулах. Половая жизнь жителей аула в значительной мере происходит за рамками официального брака.

Когда жених начинает платить калым, после нескольких взносов он, согласно обычаю, проводит ночь со своей невестой. После этой ночи — была ли она фактически брачной или не была — девушка в праве свободно распоряжаться собою. За ней вьется тогда целым роем аульная мужская молодежь; в это именно время совершаются всем известные кратковременные фактические браки невесты с холостыми юношами. Многие из этих юношей сами числятся женихами других девушек и платят за них калым. Завязывающиеся легкие интрижки часто превращаются в длительную любовную связь, не прекращающуюся и после замужества. Как относятся к этому будущие мужья? Никак. „Если я подружилась до замужества с каким-либо юношей, очень близким другом его стала, тогда я делаюсь его как бы женой; жених может знать об этом, он всегда знает, но никогда ничего не говорит“ — так определила эти отношения молодая женщина из рода мачак. — Зачем же вы выходите замуж не за того, кого любите? — спрашивали ее. „А калым кто платил?“ отвечает она. „И дети мои, от кого бы они не были, тоже, ведь, только ему принадлежать будут“. — А любовь? — „Что же, мой друг меня не разлюбит только за то, что я вышла замуж“...

О внебрачных связях в ауле знают все доподлинно, потому что женщины сами рассказывают о них своим подругам. Указанная выше молодая киргизка по пальцам перечисляла всех, имеющих любовников.

— Бывает ли женщина, которая никогда не изменяла своему мужу?

„Нет — медленно отвечает она — у нас таких не бывает“.

Наконец, во всей горной Киргизии сохранился такой придаток к многоженству, который делает его необычайно похожим на аустралийское „пирауру“ и „пира-унару“. Если у какого-либо женатого человека есть сверстники по возрасту („тавр“ — люди одной жилы, крови — „игаите“ у австралийцев) холостые и женатые, то они могут входить в половое общение с его женами — такова формула этого обычая.

На Итагаре и Колбе, среди рода колпош, обычай разъясняли так: „если у кого либо несколько жен, то в то время, когда он спит с одной, остальные могут иметь половое общение с его сверстниками по возрасту“. Проводник из рода Кошки говорил несколько иначе: „Если сверстник по возрасту попадает в гости к женатому человеку, то он требует себе на ночь жену хозяина. Безразлично, одна или несколько жен у хозяина: хозяин уступает и одну жену. Он не может отказать, потому что у него от этого ничего не убудет“.

Подтверждение этого обычая, с указанием, что сверстники обмениваются женами на ночь и охотно уступают друг другу своих жен, было получено и в родах саяков, и мачаков. Рассказчики наивно добавили: „Так всегда бывает у хороших людей. Если муж красивый и жена красивая, то так бывает всегда. Если жены некрасивые, то кто захочет?“

Вообще, многоженство, как официальная форма брака, имеет множество „свободных“ дополнений. Брак заключается только в интересах хозяйства и размножения законного потомства; для удовлетворения же полового чувства киргизы изыскивают формы более гибкие, чем законный брак.

Полового вопроса, в том виде, как он наблюдается в городах, у *киргизов* не существует, хотя препятствий к браку у них гораздо больше, чем у горожан. Половая жизнь молодежи, в особенности мальчиков, начинается очень рано — гораздо раньше, чем они могут стать отцами. От этого значительное количество юношей становится импотентами в таком возрасте, когда у их городских сверстников половая жизнь только еще начинается. Киргизы, как народ, необычайно медленно размножаются (возможно, что даже и не растут в своей численности) и мельчают: это следует в значительной степени приписать раннему началу половой жизни. Широкие половые сношения, существующие в ауле, помогают распространению венерических болезней, в особенности сифилису. В настоящее время сифилис получил такое распространение, что в просторечьи у киргизов он носит название „киргизской болезни“...

В южных районах, где преобладает земледелие, многоженство встречается реже, но и там сохранились еще пережитки брака сверстников, и половые нравы мало отличаются от нравов жителей северного склона Таласского Алатау.

На тему о половых сношениях говорят охотно и мужчины, и женщины, причем женщины такими вопросами наиболее интересуются. Говорят обо всем открыто, называя вещи собственными их именами. Разговоры эти ведутся большею частью около очага, во время приготовления пищи, когда сойдется несколько соседок, скушающих от томительного однообразия жизни. Ввязываются в разговор и девушки, потому что подобные темы считаются обычными. Познакомившись с новым мужчиной киргизки деловито расспросят его о личной жизни, осведомятся женат ли он или холост, как часто спит со своей женой, и зададут много еще более интимных вопросов. Если гость удовлетворит любопытство, то ему доверчиво сообщат свои половые секреты, а также, заодно, и секреты всех соседок. Подобные разговоры вовсе не свидетельствуют о развращенности киргизской женщины, но указывают с одной стороны на то место, которое занимают вопросы половой жизни в ее сознании, а с другой — на ее непосредственность и наивность, по сравнению с горожанкой.

Вместе с тем в отношениях полов у киргизов редко наблюдается грубость: своеобразная романтика сопровождает ухаживание молодого человека за женщиной. Существует много поистине поэтических любовных песен и легенд, и влюбленные киргизы ничем не отличаются от влюбленных остальных народов — так же могут часами сидеть они в лунные ночи на берегу горных ручьев, шепча на ухо ласковые речи. Влюбленный готов на множество жертв для своей милой. Однажды пришлось видеть, как молодой койчѣ отдал барана (почти двух-месячное свое жалованье) за небольшой флакон духов для своей возлюбленной...

Киргизский брак, скованный калымом и крепкими путами хозяйственных расчетов, редко содержит в себе ядро настоящей любви; но природа не терпит нарушения своих законов, и естественный закон полового подбора заставляет людей узаконивать обычаем всевозможные обходы и нарушения установленной этими же людьми формы брачного общения.

0 8 8 6 5

1 0 1 0 0 0

Приложение I.

(к главе „Семья и брак“).

Брак малолетнего.

(Аул № 3 Арымской вол. Джелалабадского округа, род Мачак).

Эсенбаю около 14 лет, жене его — 19. Женаты они уже 3 года. Когда Эсенбай был совсем маленьким мальчиком, отец решил женить его на теперешней жене и начал платить калым. Четыре года тому назад отец Эсенбая умер, родственники решили, что юрте нельзя оставаться без хозяина и хозяйки, и потому решили тотчас же женить мальчика. В момент заключения брака Эсенбаю было едва 11 лет, а жене 16.

Роста Эсенбай в настоящее время низкого, телосложения слабого, выглядит моложе своих лет (14), обращение детское. Жена, наоборот, выглядит значительно старше своего возраста (19 лет); поставленные рядом „супруги“ производят странное впечатление...

Первый год Эсенбай жил с женою хорошо, так как был заинтересован своею ролью взрослого мужчины. Потом наступило истощение и Эсенбай не захотел спать с женой. Несмотря на то, что жена его живет в настоящее время с тремя взрослыми мужчинами (родственниками Эсенбая), она не желает отказываться от своих супружеских прав, заставляет мальчика спать с ней раза два в неделю; на другое утро Эсенбай плачет и, чтобы влить в него бодрость, мальчика поят тогда горячим молоком и кормят сахаром. Детей у „супругов“ нет.

Сусамыр. 26/VII—1925 г.

Приложение II.

(к главе „Семья и брак“).

Как уплачивается калым у богачей (рассказ).

(Сообщено Ассиатай Раевой из рода Саяк, на Сусамыре 25/VII—1925 г.).

Когда мне было 7 лет, Кодран (имя жениха) послал к моему отцу свата. Отец мой не любил Кодрана и не хотел за него отдавать, но братья мои были товарищами Кодрана и хотели, чтобы я вышла за него замуж. От-

казать без причин жениху было нельзя, тогда отец сказал: „я потребую с него так много калыма, что он не сможет уплатить“. Кодран узнал об этом и сказал: „там, сколько потребует“.

Отец продолжал упрямиться. „Я отдам се все равно за другого, а Кодран пусть потом требует с него тот калым, который уплатит мне“, но братья мои и родственники стали возмущаться. „Мы делали уже „фатиху“ (молитву об обручении) и теперь боимся наказания бога. Отдай, как мы условились“. Отец должен был уступить, но потребовал громадный калым.

Кодран начал платить калым и платил его безпрекословно в течение 7 лет. Все имущество, полученное им в наследство от умершего отца, пошло на уплату калыма. Сколько не потребует отец, столько дает Кодран: у богатых киргизов нельзя уговариваться о величине калыма, это делают только бедняки. И жених, и невеста — оба мы были из знатной семьи, поэтому о размере калыма и говорить нельзя было. Кодран платил ежегодно калым, да все самыми крупными животными — верблюдами, лошадьми, коровами. Такой мелочью, как баранами, ему было неприлично платить. Очень уважал меня Кодран и калым платил, как требовалось.

Был такой случай: когда мне было 12 лет, Кодран, по обычаю, дал мне самый лучший подарок, а отцу отдал свою скаковую лошадь. Потом он потребовал у отца, чтобы тот отдал меня ему. Отец не согласился, он потребовал еще по 20 штук животных каждого вида (верблюдов, лошадей, коров): „если не дашь, то дочь отдам другому. Старое все, что уплатил, не считается“. Кодран достал сколько нужно было животных по родственникам, так как у самого уже ничего не было. Была у Кодрана черная лошадь, на которой ездил он всюду на „кокбар“ (конная игра с зарезанным козлом) и в гости по праздникам. Эту последнюю лошадь потребовал отец. Родственники наши стали говорить: „нельзя брать у зятя последнюю лошадь, такого случая не допускает обычай“ но отец сказал: „возьму“. И взял.

Наконец, все уплатил Кодран, что потребовал отец—родственники помогли Кодрану, так как им было обидно, что невеста, за которую их сородич столько уже уплатил, может уйти в другой род. Когда я приехала к мужу, у него ничего не было — даже коровы. Я заплакала, мне стало горько, что я вышла замуж за такого бедного человека. В том году мы не выехали на джейлау, а сидели на зимовье, потому что у нас не было скота. Потом родственники собрали Кодрану новое хозяйство.

12. Остатки родовых отношений.

*Происхождение родов. Роды и во-
лостное деление. Пережитки выкупа
за кровь. Интересы рода.*

Горная Киргизия имеет в настоящее время (1925 г.) необы-
чайно пестрое социальное устройство: на ряду с советским строем
у киргизов сохранились и более древние формы общественных
отношений, смесь которых с новым укладом и составляет совре-
менный социальный быт горной Киргизии.

Прежде всего обращает на себя внимание большая роль, ко-
торая выпадает на долю *рода*. У киргизов принадлежность к опре-
деленной группе сородичей имеет вполне реальную цену—суще-
ствуют роды, принадлежность к которым дает возможность поль-
зоваться лучшими пастбищами, избавляет от некоторых налогов,
дает почет и уважение; и, наоборот, есть такие роды, которые
обрекают всех своих членов на пользование пастбищами с худшей
травой, множество неудобств, по сравнению с привилегированными
родами. Несмотря на это, каждый киргиз гордится принадлежностью
к определенному роду, тщательно запоминает от стариков свою
родословную. Не суметь указать семи поколений, от которых про-
изошла его семья, для киргиза считается позорным. К лицам без-
родным, не знающим происхождения и не имеющим родослови-
ой, горец относится с пренебрежением. ✓

Происхождение большинства родов очень темно. Предание
связывает это происхождение с различными легендарными лицами,
в роде Тагая, от которого будто бы произошли роды сарыбагыш,
салту, багыш, джедигер, саяк, азык и чоро (по именам его сыно-
вей и джигитов). Но при проверке этих преданий получается много
противоречий и анахронизмов.

Во всяком случае, киргизы четко помнят названия своего „чонг
уру“—старшего рода (племени?), названия колен („уру“), назва-
ния происшедших от них родов (тоже „уру“) и младших родов
(„ата“), а от этих младших родов ведут начало семьи.

Так например, в роде саяк было 5 колен—төнгатор, курбан-
кужа, куржагач, урат и чоро. От этих колен произошли роды
(напр. от төнгатар произошли „уру“: арсымат, асан, кокумбай и
джорухте; от чоро: тунтей, ахтере, бостере, ават, дулат) и т. д.
Киргизы считают своего мифического родоначальника своим кров-
ным предком, поэтому сородичи являются как бы лицами одной
крови. В действительности это далеко не так. Даже в предании

о происхождении родов саяк, азык и чёро отмечена возможность образования новых „кровно-связанных“ родов путем простого зачисления посторонних роду лиц (чёро-раб) в „кровные“ родственники. Так оно и было—прием в род мог происходить и со стороны, а не только путем кровной связи. Поэтому на роды киргизов приходится смотреть, как на историческую форму объединения скотоводов, связанных общими интересами.

Если отбросить вопрос о кровной связи, как основной причине образования родов, то можно гипотетически определить эту причину в *необходимости совместной охраны стад и границ кочевий от посягновений других групп и отдельных лиц*. Выпас же больших масс скота, как это наблюдается у народов, не дошедших еще до молочного хозяйства (напр. чукчи), возможен только при объединении людей в довольно многочисленные группы. Доказательством такого толкования (правда, косвенным) может слу-

Рис. 14. Группа киргизов из рода мачак.

жить то, что каждый род всеми силами охраняет от других родов территорию джейлау, допуская членов других родов лишь по уплате особого налога за временное пользование джейлау. ✓

Первоначальные роды захватили, конечно, самые лучшие джейлау. Они же провели и основную оросительную сеть, считающуюся принадлежностью определенных колен и потом перешедшую в распоряжение отдельных семей. Однако, право на пользование оросительной сетью принадлежит исключительно потомкам рода строителя. В местности Каргыш оросительную сеть проводили предки колена *тёнгатар*. Хотя это колено имеет общего (легендарного) родоначальника с коленом *чёро*, потомки *тёнгатар* не дают воды не только для пашен потомков колена *чёро* (тунтей), но даже и для скота... Еще сильнее охраняется право на исклю-

чительное пользование джейлау. Род *саяк* владеет джейлау Сусамыр. Более молодой род *кошчи*, живущий к северу от Сусамыра, лишен хороших джейлау, и так как сами саяки не в состоянии использовать кормов своего кочевья, они разрешают кошчи пользоваться определенными участками джейлау за „отмай“. Еще более молодой род *колпош*, кочующий на реке Колба-су, не получил даже и такого права аренды—старшие роды не пускают его дальше перевала Колбы, да и то лишь после того, как сами стравят всю траву своими стадами. От недостатка пастбищ скот у колпош хиреет, размножается медленно. Род колпош обеднел и быстро начинает разлагаться.

В древние времена роды держались вместе, стараясь сохранить территориальную связь. В целях скорейшего разложения родовых связей царское правительство разделило территорию по волостям, причем накроило волости так, чтобы они совершенно не совпадали с территорией родов. В результате такого деления родовая связь немного ослабела, но внутри волостей зато началась ожесточенная борьба родов за распределение волостной территории, за размеры налогового обложения отдельных родов и за власть. По существу, волостное деление сохранилось до настоящего времени в том же виде, как его создало царское правительство—роды разбиты по территориям нескольких волостей, в каждой волости живут куски нескольких, не менее двух, родов и между ними ведется ожесточенная борьба.

Родового строя, собственно, больше не существует в горной Киргизии. О тех формах родового устройства, которые еще можно наблюдать у киргизов-казаков („*маслагат*“, сход всех мужчин рода, совещания стариков, маслагаты нескольких родов или их родовых представителей), у горных киргизов сохранились лишь предания. Ни старейшин родовых, ни маслагатов у киргизов больше нет.

Правда, множество родовых обычаев еще сохранилось, но утеряли прежнее значение. К таким, сохранившимся родовым обычаям нужно отнести, например, обычай *выкупа за кровь*—„кун“ (или „хун“). Насколько живуч этот *пережиток кровной мести*, показывает случай, происшедший в начале 1925 г. Народный судья Кетмень-Тюбинского района, Уезбай Чапрашиев позавидовал красивым седлам, которые он видал в одном из казакских аулов. Не долго думая, он снаряжает „экспедицию“ из двух своих джигитов для кражи седел... Один из джигитов отказался ехать, другой же поехал и бесследно пропал. У Чапрашиева сложилось подозрение, что джигит был убит казаками. Так как джигит был дальним родственником Чапрашиева, тот предъявил к казакам *на основе обычного права иск в уплате кун* за пропавшего джигита. Дело кончилось бы, вероятно, выплатой такого кун, если бы не вмешался один из местных коммунистов. Чапрашиев—не рядовой киргиз, но выгодные ему родовые обычаи он все же соблюдает; неудивительно, что у горцев эти обычаи еще более живучи.

Когда приходится киргизу участвовать в празднике, выступить против своих врагов, искать защиты от обидчиков—он прежде всего обращается к своему роду.

✓ Во время „кокбара“ (борьба из-за козла) партии противников создаются по родовому признаку; призы, полученные на праздниках, делятся между сородичами, а не идут в пользу победителя; за обиду сородича вступается весь род, при чем он готов и на материальные жертвы, если кто-либо из сородичей будет в чем-либо обвинен, даже совершенно справедливо—род весь, в полном составе выступает защитником и свидетелем, хотя бы такое свидетельство было заведомой неправдой. Интересы рода—в первую голову, а истина—во вторую. С этим явлением все время приходится считаться в киргизском быту, потому что в интересах рода допускаются всяческие отступления от обычного понятия честности и правдивости. ✓

Тем не менее, старого родового устройства у киргизов больше нет, оно заменилось другой социальной формой—не менее древней, но имеющей несколько иные корни. Эта форма—*манапство*. Пршшлое киргизов дает возможность установить корни манапства, а два записанные предания довольно ярко рисуют происхождение.

13. Происхождение манапства.

Первые исторические сведения о манапах. О поэме Манас. О чем говорят предания.

Приложения: 1) Предание о происхождении манапов (рода сарыбагыш), 2) Второе предание (рода мачак), 3) Предание о происхождении родов саяк и чоро.

Первые исторические сведения о манапах, как утверждает академик В. Бартольд¹⁾, относятся к половине XIX века. В военной стычке между казакским султаном Кенисары Касымовым и киргизами участвовали манапы из племени сарыбагыш: Джантай Карабеков и Урман Ниязов. У манапов были свои отряды и, повидимому, манапы были или военными начальниками, или родовыми старшинами. О манапах пишет и Радлов, которому в 60-х годах XIX столетия киргизы рассказывали, что манапы у них появились в XVIII веке, и что манапами назывались предводители племени сарыбагыш, а также все бии (судьи-посредники и старшины в то же время). Эти сведения мало помогают нам разобраться в истории манапства, а других, более древних сведений, нет.

Истории киргизского народа пока еще не существует: нельзя назвать историей отрывочные сведения из китайских летописей и мусульманских легенд об енисейских и тьяншанских киргизах. Академик Бартольд сделал попытку дать связное изложение всех этих преданий, но полученная в результате его работы историческая справка („Киргизы“, изд. 1927 г.) содержит множество противоречивых сведений, из которых никакой истории не получается. „Киргизское великодержавие“, „киргизское государство“, „киргизские города“ и пр. — не более, чем догадки, гипотезы, не подкрепленные достаточно вескими доказательствами. Только с XVI—XVII в.в. начинаются достоверные сведения о киргизах — с момента завоевания Семиречья калмыками (ногайцами).

В период владычества калмыков в исторических преданиях упоминается некто Манас — герой более позднего народного эпоса —, Курбан-бек и другие знатные киргизы, восставшие против калмыков. Когда калмыков сменили кокандцы, и киргизы стали данниками кокандского хана, из среды киргизской знати выделился Мусулман-кул-чулак, бывший одно время главным министром и

¹⁾ В. В. Бартольд — „Киргизы“ (исторический очерк). Фрунзе, 1927, стр. 49.

регентом последнего малолетнего кокандского хана — Худаира. Известен также в эту пору и другой именитый киргиз — Алим-кул, главнокомандующий и военный министр кокандского хана.

На ряду с рассказами об именитых людях, упоминается также и о джигитах и чоро у киргизов — следовательно в ту эпоху киргизское общество включало в себя уже несколько социально разнородных групп. Таким образом упоминание о манапах в середине XVIII века (сообщение Радлова) совпадает с историческими сведениями о появлении среди киргизов знатных лиц, занимавшихся военным делом. Манапы несомненно были военными людьми, занимали выдающееся положение среди киргизского общества, но каковы были корни манапства — об этом указанные источники умалчивают.

[Скудность исторических сведений о природе манапства была бы непреодолимым препятствием для исследования социальных корней манапства, если бы это явление целиком ушло в историю. Но мы знаем, что манапы до сих пор сохранились в горных районах Киргизии, а поэтому должны были вместе с манапами сохраниться и те социальные функции (хотя бы в виде пережитков), которые манапами выполнялись.]

К тому времени, когда появились манапы, киргизы были не только скотоводами, но и земледельцами. Таким образом манапство нельзя относить к таким социальным институтам, которые свойственны только скотоводам. В „Манасе“ (киргизской поэме) можно найти множество указаний на занятие киргизов земледелием. Принимая эти указания к сведению, я не могу взять все-таки „Манас“ в качестве основного источника о манапах. „Манас“ не обычное предание, которое переходит от старика к старику, а поэма, известная лишь профессиональным певцам. Не всякий „рче“¹⁾ знает „Манас“ — вернее редкий „рче“ знает несколько строк из этой поэмы. Профессионалы-певцы, бывшие естественными идеологами прежних эпох, легко подвергались внешним влияниям — калмыцким, кокандским и пр. и, в особенности, арабским. Ислам повлиял на содержание „Манаса“ самым убийственным образом — из поэмы выпали сказания, которые не сходились с привычными мусульманскими преданиями, и были заменены официальными исламистскими рассказами. Так например, в „Манасе“ оказалось магометанское предание о происхождении людей, земледелия, скотоводства, между тем как среди стариков-киргизов сохранились еще древние киргизские предания о тех же предметах и явлениях, резко отличающиеся от мусульманских версий. Таким образом уже это одно обстоятельство заставило бы пользоваться „Манасом“, в качестве сборника киргизских преданий, с большой осторожностью. Во вторых „Манас“ переполнен описаниями природы, местностей (все это по отношению к различным местностям сделано в одних и тех же выражениях); что же касается социальной жизни кир-

¹⁾ Певец.

гизов, то она отразилась в „Манасе“ почти исключительно в виде битв и побоищ. Выбрать из всей массы поэтических отрывков „Манаса“ (*при устной передаче*) именно тот, который мог бы объяснить социальную природу манапства, было очень трудно.

Достаточно указать, что сказание „Манаса“ (полностью) продолжается целую неделю — с утра до вечера с небольшими перерывами для принятия певцом пищи и для отдыха... Вот почему я принужден был прибегнуть к другому источнику — устным преданиям стариков, не профессионалов-певцов, а просто старожилых, слышавших эти предания от своих отцов и дедов. Таких преданий, несколько отличных в каждом роде, имеется много и собрать их не представило большого труда. Когда „Манас“ будет записан и опубликован (работа эта в настоящее время уже производится — она составит около 50 печатных листов), будет легко сверить помещенные в „Манасе“ предания с собранным мною материалом и сделать поправки в моих выводах. До той же поры, пока „Манас“ не записан и не очищен от исламистских рассказов, выбранный мною путь может считаться единственным.

Преданий о происхождении манапов было записано в разных местах мною несколько. Все они похожи друг на друга, варьируются лишь в деталях. При поездке т.т. Ипатова и Кириллова, они слышали также несколько преданий, но, к сожалению, не записали их, а лишь кратко изложили: в изложении они не дают ничего нового по сравнению с уже записанными мною преданиями. (Наконец, мне удалось получить еще один список предания о манапах, записанный Джапар-муллой. В *приложении* я даю два предания полностью и одно предание о происхождении рода саяков, имеющее отношение к той же теме.

Что же говорят предания о происхождении манапов?

По одному из преданий (предание рода сарыбагыш) манапы были „батырями“ — известными вождями, имевшими вокруг себя группу воинов-дружинников — „джигитов“. Они занимались грабежом в окрестностях рек Чу, Ила, озера Иссык-куля, р.р. Турфана, Нарына и Таласа. Весь горный район Ала-тау был в той или иной мере подчинен этим „батырям“. В другом предании (рода саяк) отмечается, что „батыри“ были богачами и сами вышли из среды богачей (см. „у одного богатого киргиза было три сына...“), имели рабов (см. предание о происхождении рода саяк). Аулы чужих родов подвергались грабежу, жители этих аулов превращались в данников („проживающих от начала гор Ала-тау до конца манап подчинял себе“), с богачами же из своего рода манапы старались ладить. Во втором предании (рода саяк) рассказывается о том, как путем подкупа „благородных“ сородичей манап захватывает себе судебную власть („все споры разрешает... за свой суд получает подарок, бийлык, сообразно делу...“), используя ее для дальнейшего обогащения и для усиления своей власти. В целях поддержки со стороны остальных сородичей, главным образом богатых (все подарки манап раздаст, сообразно „достоинству“,

т. е. богатым и подарки побогаче, бедным—поменьше), манап раздает им часть получаемых „подарков“ (дань?) и тем создает себе популярность. При известной предприимчивости, „каждый богатый человек мог сделаться манапом“. В предании рода сарыбагыш говорится об этом еще тверже: „если кто-нибудь из другого рода брал образец с поступков его, то тоже имел право называться манапом“. Сначала манапами называли лишь фактических повелителей; потомство манапа, не обладавшее почему либо властью (утерявшее ее), носило название „неполных манапов“, и через 3—4 поколения превращалось в простых поданных. Позже, когда манапство укрепилось, оно превратилось в сословие; звание, а также власть манапов стали передаваться по наследству. „Назвался манапом—говорится в предании рода саяков,—весь род его дальше манапом будет: хороший человек, умный, глупый, сумасшедший—все равно манап, если происходит от манапа“.

Манапы уничтожают родовой строй—они отменяют родовые советы („маслагат не собирает, совсем не признает“), все решают сами единолично.

В каждом роду, одновременно, выделялось по несколько манапов, которые подчиняли себе определенную территорию, вместе с живущими в пределах ее людьми. Эти люди назывались „букара“¹⁾—подданные. Вся земля становилась собственностью манапа; булака, принадлежащие к роду самого манапа, могли в пределах этой территории кочевать, не платя ничего манапу, („своим булака землю так давал“), но с других киргизов манап брал „отмай“ и „чокмай“, если хотели на его земле скот пасты. Часть этих сборов оставалась у манапа, а остальное он раздавал своим булака.

У каждого манапа была дружина из 15—20 джигитов, они ходили вместе с манапом на войну и выполняли при нем полицейские функции („манап посылал их по делу“). Воевали манапы друг с другом часто („не согласились манапы—война“), в таких случаях все булака должны были приходить на помощь манапу. Вооружение делали сами. Дружинники-джигиты богатели, делались богачами, именитыми людьми („джигиты у манапов богатели, становились большими людьми, от которых пошли новые роды“). В случае победы, манап уступал им часть добычи („улджа не вся ему идет: большую часть он получает, потом его джигиты“), а также давалось кое-что и булака.

Переворот не везде проходил без противодействия со стороны сородичей. Приходилось бороться за власть, но за-то в случае победы манап жестоко расправлялся с теми, кто его не хотел признавать („Внутри рода не все признавали сразу манапа: были друзья, были враги. Не хотели враги ему служить, силой подчинил их себе манап. Много богатых людей разорял, юрты, скот отбирал, если не хотели его признавать“).

1)) Искажненное арабское слово „букара“—беднота.

Манап был независим, даже в эпоху кокандских ханов многие манапы сохранили свою полную независимость, а другие ограничивали свое „подчинение“ хану лишь посылкой подарков. *Словом, в лице манапов создавались будущие феодалы*, владевшие землею, творившие суд и расправу. Предания согласно говорят об этом: в предании рода сарыбагыш— „если рассердится на кого, обязательно его убьет... Вообще, подходить к нему было опасно. Своим родственникам дарил людей из своих букара и говорил им: вот вам народ, делайте, что хотите“. В предании рода саяков— „как хотел, так наказывал виновных, мог и убить, ни перед кем не отвечал“. Манапы собирали с подданных дань („отмай“ и „подарки“) и заинтересовывали своих сородичей в постоянном грабеже членов других родов и подданных других манапов. /

Приложение I.

Предание о происхождении манапов.

(Предание рода сарыбагыш).

Манап—название одного человека, он сын Дуласа, отец Дуласа был Киячи, а он сын Тагая.

Киргизы, проживающие в данное время в Пишпекском уезде, Кара-кульском уезде и в Ферганском—являются потомками вышеуказанного Тагая. Манап в свое время был батырем. Окружал себя джигитами. В окрестностях рек Чу, Ила, озера Иссык-кули, р.р. Турфана, Нарына, Таласа он занимался грабежом, грабил аулы. Проживающих от начала гор Ала-тау до конца манап подчинял себе. Народу показал правильный путь. Если песнь певца явится ему, то он дарил ему девять девушек. Если кто-нибудь ему подарит нюхательный табак, сокола, беркута, самострел (саадак), копьё, жернов, сало, баранье мясо, то обязательно подарит взамен девять штук скота.

Сам он ничем не занимался, даже седлают лошадь ему джигиты и готовят пищу ему также подчиненные. Собирает часто народ, пил с ним бузу, а если рассердится на кого, то его обязательно убьет. Если находит нужным у чужого человека взять дочку, то берет и ложится с ней. Если выдает свою дочь замуж, то обязательно он дает раба и рабыню. Вообще, подходить к нему было опасно. Своим родственникам дарил людей из своих подчиненных и говорил им: „вот вам народ, делайте, что хотите“.

Деятельность манапа перешла к его потомкам, как наследство. Его деяния распространились среди киргизов, как образец. Все верхи, все главы, богатые атка-минеры назывались манапами. С тех пор потомки Манапа владычествуют над своим родом.

Манап—сын Дуласа из рода Сарыбагыш. Если кто-нибудь из другого рода брал образец с поступков его, то тоже имел право называться манапом. Если потомки Дуласа владычествуют над народом, то они называются манапами, через 3—4 потомства они называются уже подданными. Если из другого потомства кто-нибудь владычествует, подчиняет себе народ, то их тоже называют манапами, если не владычествуют, то называются подданными.

✓ Манапы до сих пор владычествуют над своим народом.

Во время калмыков тоже владычествовали над своим народом. Главарям калмыков манапы отдавали своих дочерей, а взамен брали калым. Во время Кокандского Ханства манапы были близкими им людьми и отдавали ханам следуемые им подарки. После завоевания русскими, манапы стали

друзьями губернаторов и уездных судей. Получали от русских награды, как, например, медали, были волостными управителями, собирали деньги с народа для своих карманов. Сыновья их учились, были переводчиками. (Сообщил Джарал-мула из Пишпека, записал студент Г. И. Ж'а Джансугулов, перевел Б. Салиев).

Приложение II.

Второе предание о происхождении манапов.

(Записано в ауле № 3 Арымской волости, Джелалабадского округа на кочевье Сусамыр, 21/VII—1925 г. Сообщил Игамберде, 73 лет, из рода Мачак).

„У одного богатого киргиза было три сына. Один из них, самый лучший, умный сын зарежет верблюда, быка, кобылу, баранов, приглашает со стороны народ. Из собравшихся гостей он выбирает самых благородных, выдающихся, им раздает подарки; может лошадь подарить, может подарить халат, может подарить барана. После угощения имя его будет похвально везде, его будут называть хорошим человеком. Мелкий скандал случится, развод, калым платит кто не хочет, воровство случится — к нему идут. Все ссоры разрешает, и все соглашаются с ним, потому что он хороший человек. За суд свой получает подарок, бийлык, согласно делу: за большое дело — бийлык большой, лошадь; за меньшее — барана. Часть бийлыка себе берет, остальное делит с окружающими. Тогда дают ему имя „манап“. Каждый богатый человек мог сделаться манапом. Ни кость у него манапа, ни волосы, ни мясо — все собственное. Назвался манапом, весь род его дальше манапом будет — хороший человек, умный, глупый, сумасшедший — все равно манап, если происходит от манапа.

Вопрос: „Были ли кроме манапа, какие либо родовые старейшины?“

— Манап — старший в роде, кроме него никаких родовых старейшин больше не бывает.

Вопрос: „А маслагат (родовой совет) разве не существовал?“

— Маслагат не собирает совсем и не признает. Все сам решает. При больших ссорах манап назначает трех стариков и предлагает им разрешить. Потом сам выслушивает стариков и решает.

Вопрос: „Манап был один на весь род?“

— В каждом роду есть свои манапы, по два, по три и больше в роде.

Вопрос: „Манап всегда был богачем?“

— Манап сам не работает, имеет свое хозяйство, богат, но есть и бедные манапы: Зюлпухар-Хаджи-Ахметов из рода салков сам ничего не имеет, а другой манап из этого рода — Керим-бай — крупный богач.

Вопрос: „А как же было в тех случаях, когда ссорились киргизы из разных родов — какой манап их судил?“

— Если поссорятся киргизы разных родов или сторовники разных манапов, каждый род или „букара“ (подданные) каждого манапа выбирают своих стариков, манапы их утверждают. Потом эти старики разбирают спор, а манапы соглашаются. Не согласились манапы — война.

Вопрос: „Часто воевали манапы?“

— Все предки теперешних манапов были „батырями“ (героями). Они часто воевали друг с другом, собирали народ и нападали.

Вопрос: „Было у них постоянное войско?“

— У каждого манапа была дружина — 15—20 джигитов. Манап посылал их по делу, они на войну вместе с ним ходили. Другого постоянного войска у манапов не было, все букара приходили на помощь вооруженные, так и воевали.

Вопрос: „Джигитам манап платил как-нибудь?“

— Когда манап победит, улджа (добыча) не вся ему идет — большую часть он получает, потом его джигиты, а уж потом — букара. Джигиты у манапов богатели, многие большими людьми стали, от них новые роды пошли.

Вопрос: „Все ли в роду признавали власть манапов?“

— Внутри рода не все признавали сразу манапа. Были друзья, были и враги. Не хотели ему служить, силой их подчинял. Много богатых людей разорял, скот, юрты отбирал, если не хотели его признавать.

Вопрос: „Кому принадлежала земля? Имели ли землю букара?“

— Вся земля манапа. Своим букара землю так давал, а с других брал отмай и чокмай, если хотели на его земле скот пасты.

Вопрос: „А теперь манапы берут отмай или чокмай?“

— Когда другой народ приходит на джейлау, то с него манап берет баранов.

Вопрос: „Кто судил киргизов при манапах—манап или старики?“

— Манап сам судил, подарки брал. Что получает—часть берет, остальное отдает букара. Хорошо было жить при мудром манапе. Как хотел, так наказывал виновных—мог и убить, ни перед кем не отвечал.

Вопрос: „А когда в Коканде у власти стали ханы, им подчинялись манапы?“

— Некоторые манапы подчинялись, посылали подарки, но и сами получали. Другие не хотели знать кокандцев, подарков не посылали, воевали. Так и остались. Потом русские пришли. Все споры решает манап, где летовать, где зимовать, как поступить. Без манапа народ жить не может—он как койчи при стаде.

(Перевел студент Комм. Ун-та им. М. М. Свердлова т. Файзи).

Приложение III.

Предание „о происхождении рода саяк и чб्रो“ ¹⁾.

(Записано в ауле № 3 от выходцев из урочища Каргыш; перевел студент Комм. Университета им. Свердлова т. Файзи).

„В стороне от Пишпека жил манап Тагай. От Тагай произошли роды по его сыновьям: Султу, Сарыбагыш, Багыш, Джедигер.

Тагай был богатым манапом. Вызывает его к себе кокандский хан— „что за манап здесь существует?“ Он поехал туда, в Коканд, и в Коканде хан его женил. Забеременела жена, а он соскучился, уехал. „Как родится ребенок—сказал Тагай жене,—если будет сын, отдай ему этот серебряный ножик, скажи ему, что его отец Тагай“. Так уехал.

Родился сын. Как вырос мальчик, соображает уже в чем дело, мать дает ему серебряный нож и говорит: „ты везде покажи этот нож, скажи, что твой отец Тагай“. Сын выехал один из Коканда, поехал по направлению к Пишпеку. Едет он день, едет ночь—по дороге встречает его другой мальчик, одних лет с ним. Он берет мальчика с собой, велит везти свою провизию. Дальше едет он, присоединяется к ним еще один мальчик—и его берет с собой.

Приехали в Пишпек, а потом к Тагаю. Отец и сын друг друга не знают. Когда для гостей сделали „соиш“ (зарезали на угощение барана), то во время еды мальчик берет свой серебряный нож и ест мясо. Отец увидел, задал вопрос: „Откуда ты взял этот нож?“ Мальчик объясняет, что когда то приезжал Тагай в Коканд, там женился; жена его забеременела, а он уехал. От матери родился он, и когда вырос, то мать дала ему этот нож и сказала: „через этот нож ты найдешь своего отца“.

Отец снова поздоровался с ним и сказал: „Ты мой сын. Назову тебя „саяк“ (бродяга), потому что ты бродяжничая нашел отца. Второго мальчика назову я „азык“ (продовольствие), потому что он возил с собою твою пищу, а третьего—„чб्रो“ (раб), потому что он сын моего джигита, который ездил со мной в Коканд“.

Отсюда и пошли три новых рода: саяк, азык и чбро“.

¹⁾ Записанное предание идет из рода саяков; другие, старшие роды (сарыбагыш и др.) уверяют, что Тагай вывез с собою из Коканда раба (чбро), от которого произошли потом роды саяков и чбро. Во всяком случае, оба варианта указывают, что новые роды могли произойти от разбогатевших джигитов, а также от рабов.

14. Современное манапство в горном районе.

*Распоряжение летними кочевьями.
Манапский суд. Роды, не имеющие
манапов. Эксплоатация родичей.*

Манапы и даже манапство, как социальное явление, не исчезли до сих пор. У большинства родов правой ветви манапство имеет необычайную для настоящего времени силу. Вся земля, на которой кочуют роды, поделена между манапами. Члены той группы, которая исторически связана с манапом,—т. е. та часть рода, которая подчинена определенному манапу,—не платят ему никаких налогов и сборов, но сами участвуют в дележке „подарков“. Правда, манап умеет и из своих „подданных“ выуживать себе подарки, но об этом дальше.

✓ Каждый, не принадлежащий к группе подданных манапа, желающий кочевать на „манапской“ территории, платит ему „отмай“ или „чокмай“. Сборы определяются в зависимости от количества выпасаемого скота и платятся баранами. Часть баранов манап присоединяет к своему стаду, а остальных режет, приглашая на пир сородичей. ✓ Получив в уплату „отмай“, манап не только не должен препятствовать выпасу скота плательщика, но обязан всячески *защищать* его от покушений со стороны третьих лиц.

Как и 100—200 лет тому назад, манап *отправляет правосудие*: он не только выступает в качестве третейского судьи при обращении к нему обеих заинтересованных сторон, он вызывает нарушителей обычаев, снимает с них допрос и тут же, в присутствии потерпевшей стороны, назначает наказание. От манапского суда уклониться нельзя—общественное мнение подвергнет такого человека ostracismu, а манап будет всячески притеснять при отводе пастбища на территории кочевья. За свой суд манап получает бийлык, часть которого также идет на угощение сородичей или подарки им. Подарки эти, в конце концов, не так уж обременительны, потому что у манапа всегда что-то остается—не все он раздает... Летом 1925 года, Керим-бай, манап части рода саяков, получил подарков свыше 500 предметов, множество из них он раздарил в качестве призов при народных состязаниях, не меньше зарезал скота для угощения гостей, но в результате, все таки, стало баранов у него возросло на 100 голов, а табуны лошадей—на 50. Сородичи, конечно, не замечают манапского вымогательства, они убеждены, что манап им только дает, „дарит“, но с них ничего не берет,—в действительности дело обстоит иначе. Наибольший доход дает манапу суд—от него то он и богатеет. ▮

К манапу обращаются, как к советчику, к нему идут, как к заступнику, к защитнику—все согласен делать манап. Неудиви-

тельно, что по воззрению горцев-киргизов „без манапа народ не может жить—он как койчѣ при стадѣ...

Есть еще одна функция манапа, как и всякого богатого киргиза,—ссуда бедноте скота. Надо сказать при этом, что манапы дают ссуды на наиболее льготных условиях, часто скидывают некоторую часть долга при уплате и, вообще, не слишком прижимают бедноту. Как люди, имеющие и без того достаточные и постоянные доходы, манапы склонны иногда выступать по отношению к бедноте прямыми благодетелями, что только усиливает их значение и авторитет. В настоящее время этот авторитет очень силен.

По отношению к советской власти манапы держатся, за небольшими исключениями, вполне „лояльно“. Один из них, Керим-бай, организовал в свое время киргизские отряды против басмачества (потому что басмачи грабили скот его сородичей) и ныне, во время праздника „той“, сажая малолетнего сына на лошадь, завещал ему: „быть коммунистом и, подобно отцу, бороться за советскую власть“...

Рис. 15. Керим-бай, манап из рода саяк.

✓ *Существование манапства поддерживает множество таких родовых обычаев, которые без того совершенно вымерли бы, делает возможной особый вид эксплуатации—родовую эксплуатацию и, наконец, обостряет борьбу между родами.* Во главе враждующих „партий“ всегда стоят или сами манапы, или их ставленники, стремящиеся проникнуть в волостные учреждения, союзы и в коммунистическую партию.

В настоящее время ¹⁾, когда в горную Киргизию проникли слухи о предстоящем пересмотре кочевых территорий и разделе по новому между родами джейлау, борьба манапов достигла особой остроты. Мобилизуются все силы, оказывается всяческое давление не только на волостные органы, но и на областные. Интересы рода и манапов, последней опоры старого быта, слиты. Манапы чувствуют, что в родовой обособленности киргизов последнее прибежище—вот почему так энергично они поддерживают родовую борьбу.

У некоторых родов манапов нет—в Таласском районе, например, не существует манапов у рода колпош. Отсутствие манапов, по всей вероятности, объясняется более поздним проис-

1) В 1925 г.

хождением этих родов, когда манапство уже не могло сформироваться наново. Такие роды всегда, в массе, более бедны скотом, у них худшие зимовки и еще более плохие джейлау.

У этих бедных родов также существуют свои богачи, но эти богачи не имеют поддержки в родовом обычае, поэтому социальное расслоение идет в роде колпош гораздо скорее, чем у саяков (имеющих манапов) и внутри рода явственно образуются две группы—богачей и бедняков, борющихся за власть в пределах волости. Однако, и здесь еще родовые традиции не изжиты—при столкновении с другим родом колпош выступают единым фронтом, хотя бы это приходилось делать и в защиту своих же богачей...

✓*Существующее распределение джейлау*, при котором старшие роды владеют лучшими джейлау, а младшие—худшими, только поддерживает родовую борьбу и мешает внутренней дифференциации родов. *am*

Старые родовые традиции необычайно живучи, потому что жив еще тот натурально-хозяйственный строй, при котором они создавались. Живучесть этих традиций вредна только бедноте, чего она пока еще не понимает. Вот примеры: у киргизов существует несколько видов наемного труда (см. выше в главе о классовом расслоении), все эти категории наемного труда разнo оплачиваются, а некоторые из них (джигиты) и вовсе не оплачиваются. Джалчѐ работают за баранов (3—4 барана в год) и стол, койчѐ, малчѐ и джилкачѐ—за баранов (8—10 баранов в год) и стол, джигиты—только за стол и подарки, малаи—за баранов или плату деньгами. Больше всего удивляет положение джигитов. На вопрос, заданный одному джигиту, почему он не получает платы за свою работу, тот ответил: „я не наемный рабочий, а его младший родственник“ (сказано было даже сильнее — „младший брат“). Ответ был гордый, хотя джигит был оборван.

Другой джигит ответил более дипломатично: „я не слуга, а все равно, что брат—что хочу, беру“.

В действительности, между хозяевами и их джигитами общего только то, что они принадлежат к одному роду. Обращение с прислугой и рабочими не совсем родственное, потому что их обделяют в пище (кумыс, например, прислуга получает очень редко); но идут в услужение такие бедняки, которым, просто, некуда голову преклонить. В джигиты поступают лишь безхозяйственные люди, не имеющие ни скота, ни юрты. Этим положением и пользуются „старшие родственники“. Нередко джигит женат—в таком случае его жена выполняет обязанности джалчѐ, но ею не считается, т. е. за свою работу так же, как муж, ничего не получает. Ее „кормят“, но за эту кормежку эксплуатируют безгранично. Так как ни джигиту, ни его жене все равно идти некуда, то они мирятся с этим положением, а услужливый обычай подсказывает им формулу — „младшие родственники“.

Такой вид эксплуатации облегчается родовыми отношениями—его бы можно было назвать „родственной эксплуатацией“, поддерживаемой авторитетом манапов.

15. В чем же сущность манапства.

Манапы, как сословие. Захват манапами джеейлау. Охрана границ летних кочевий. Власть манапов. „Подарки“ и дань. Аткаминеры. Джигиты. Уртаки — кабальные земледельцы. Алайская царица. Киргизский феодализм.

Если свести все упомянутые выше сведения о манапах и зависящих от них киргизах, то получается, примерно, такая картина. Манап — не просто богат, а человек, имеющий власть над другими людьми. Власть эта переходит от манапа-отца к манапу-сыну, передается потомству, не может отчуждаться или дариться. Сделаться в настоящее время манапом очень трудно — для этого недостаточно задобрить окружающих богатей подарками, но необходимо и добиться признания со стороны других манапов. Таким образом, манапы являются особым *сословием*, обладающим определенными привилегиями, и всячески охраняют свой манапский круг от вхождения посторонних, хотя бы и богатых людей. Среди киргизов есть люди богаче многих манапов, но ни один из этих богатей не имеет десятой доли манапской власти, и, наоборот, — некоторые обедневшие манапы, несмотря на свою бедность, держат в подчинении многих богатей. Такое положение объясняется громадным значением традиций в киргизском быту — подчинение же манапам в течение нескольких сот лет их существования успело превратиться в традицию.

Летние кочевья киргизов поделены между манапами, а не между аулами, в то время как зимовки принадлежат аулам. Над распределением пахотной земли манапы не имеют власти — земля делится „аксакалами“ — старшинами, представителями мелких родовых групп; не ведают манапы и распределением воды — для этого существуют выборные старшины, носящие арабское название „мирабов“. Конечно, богатые семьи имеют много льгот и при распределении земли, и при пользовании поливкой, но это достигается нелегальными путями, взяткой, личным давлением и проч., но не по обычаю.

Я объясняю отсутствие власти манапов над зимовками тем, что манапы, как люди, богатые скотом, не были заинтересованы непосредственно в обработке земли — при помощи уртачества они могли получать необходимый для себя хлеб в достаточном количестве, да и меновые сношения с Ферганой, в которых манапы выступали, по всей вероятности, наиболее активно, давали им воз-

возможность иметь зерно и муку в потребном количестве. Совсем иначе должны были маналы относиться к летним пастбищам. Для маналских стад требовались большие „джейлау“, которые находились далеко от зимовок — это были горные пастбища, сохранявшие сочную траву в течение всего лета. Захватив джейлау по праву силы, т.-е. просто оккупировав их, маналы принуждены были однако допустить на эти пастбища наиболее богатых сородичей, с которыми ссориться было невыгодно.

Что же касается бедноты, то она и не претендовала на отдаленные джейлау, так как не имела необходимого скота и не могла удалиться на долгое время от своих пашен. В распоряжение киргизов, имевших малое количество скота, были предоставлены ближайшие к зимовкам пастбища и право кочевать вслед за богачами по вытравленным пастбищам. Дележка пастбищ с богачами привела к тому, что маналы не могли взимать с них никаких сборов за пользование джейлау; более того, даже те поборы, которые манал брал с членов других родов, допущенных на маналское джейлау, стали распределяться между всеми именитыми киргизами. Вылилось это в угощение, делаемое маналом — соиш, т.-е. резание баранов и других животных для гостей, небольшие подарки тем лицам, которые чувствовали себя чем-либо обиженными, и проч. Тем не менее маналы не оставались в накладе, так как оставляли себе от поборов львиную часть, да и одаренные ими богачи, чтобы не ударить лицом в грязь, отдаривали маналов довольно щедро.

✓ Захватив джейлау, маналы взяли на себя охрану границ летних кочевий от вторжения посторонних родов и групп. Делали они это в своих собственных интересах: в интересах фиска и охраны своих стад. Но, одновременно, маналы обеспечивали некоторую безопасность и для всех тех стад, которые находились на их территориях. Отсюда появились новые функции маналов — защита скота людей, которые кочевали на джейлау. ✓

В древности маналы были людьми воинственными (предания рисуют их даже разбойниками); в те времена, вероятно, они занимались не только разбоем, но и охраной подчинившихся им родов от других маналов (см. предание рода Сарыбагыш). В настоящее время разбойничать маналам не нужно — киргизы сжились с ними, подчиняются безрекословно, охранять же скот от других родов приходится. Маналы выполняют, таким образом, в этом отношении социально-полезные функции. Можно сослаться на часто практикующееся ныне приглашение казаками, кочующими в горах, обедневших маналов в свои аулы для охраны людей и скота. Такой манал приезжает с почетом, ему отводят лучшую юрту, дают скот, ежедневно приносят кумыс, всячески дают понять ему, что он дорогой гость. А между тем у манала, за исключением одного-двух джигитов, нет никакой вооруженной охраны: неужели таких „вооруженных сил“ оказывается достаточным, чтобы испугать воров и грабителей? Опыт показывает, что этого бывает достаточно... Объяснить такое явление можно лишь тем, что родовые традиции

у киргизов еще сильны: баранта (грабеж скота) считается не простым воровством, а поводом к родовой расправе, оскорблением всему роду. Для воров вовсе не безразлично, будет ли им за баранту мстить обиженный казакский род, или на стороне этого рода окажется и весь род призванного для охраны манапа. Что то вроде круговой поруки связывает в таких случаях манапов (в этом проявляется сословное чувство); за обиду одному манапу будут мстить не только близкие ему по крови манапы, но даже манапы из чужих родов.

Выше было указано, что манапы всячески поддерживают в своих сородичах убеждение в том, что они одни охраняют чистоту родовых отношений. В случае спора по поводу таких отношений стороны обращаются всегда за советом к манапу. Манап вмешивается и в чисто семейные дела, например, в ссору отца с сыном, брата с братом и т. д. Он всячески старается помирить стороны, и часто для устранения обиды дает обиженному лично от себя какой-либо подарок.

Однако, манап выступает не только третейским судьей — вернее, вовсе не третейским судьей — он обладает некоторой властью, используя для своего влияния толкование обычаев, ссылки на предания и проч. Если обращение к традициям не оказывает влияния на заинтересованную сторону, манап прибегает к угрозам. В прежнее время, по преданиям, манапы арестовывали, наказывали, казнили своих подданных. Теперь такой власти у манапов нет, и, поэтому, чаще манапы прибегают к другим мерам воздействия — экономическим: отказывают в ссуде, лишают своей поддержки, устраняют от участия в своих угощениях и разделе подарков. Там где манап силен, он использует против ослушника аппарат советской власти — делает через своих приближенных на ослушника доносы, через председателя волостного комитета увеличивает оценку имущества (для исчисления налогов), делает ослушника объектом взяток и часто доводит до полного разорения.

Суд манапа — самый распространенный и наиболее привычный суд в горной Киргизии. Судебные функции приносят манапам большие доходы. Кроме того, большие доходы дают постоянные подарки, делаемые и подданными (так, „на всякий случай“), и ближайшими соседями. Во время семейных праздников, когда манапы устраивают народные гулянья, подарки свозятся со всех концов Киргизии всеми родами (не состоящими с данным манапом во враждебных отношениях) и даже казаками, которым приходится с манапом сталкиваться. Сотни овец и баранов, десятки коз, десятки коров, волов, лошадей, верблюды, нагруженные кошмами, коврами и мелкими подарками — вот что такое „подарок“ известному манапу. Часть подарков идет на угощение гостей, часть дарится победителям во время состязаний (на скачках, кокбар, и проч.), а остальное — больше половины подаренного — идет в личную собственность манапа. В таком широком и обильном дарении нельзя видеть только пережиток родовых отношений — рядовому киргизу

никто ничего не дарит — а скорее всего пережиток (очень живучий) *дани, феодальных, разбойничьих поборов*. В преданиях об этом много говорится, и так оно, вероятно, и было.

Вокруг манапа всегда есть несколько именитых, богатых киргизов. Все они имеют приличную родословную, соответствующее родословной имущество. Прямой зависимости от манапа эти именитые люди не имеют, но так как они кочуют на территории манапа и пользуются его охраной, то все же чувствуют себя связанными с манапом какими то обязательствами. Манап выделяет их из среды остальных киргизов, чаще дает им подарки, чаще приглашает к себе в гости. И они с пустыми руками к манапу не

Рис. 16. Богач Игамбек (из рода мачак).

едут. Именитые люди (называют их также „атка-минеры“ — едzące на лошади) по преданиям принадлежали раньше к дружине манапов, а потом выбились в люди. Возможно, что это были *перые вассалы манапа*, связанные с ним договорными отношениями и союзом. Название „атка-минеры“ заставляет искать аналогий с русскими „лошадниками“, германскими „риттерами“, французскими „шевалье“ — правильная ли эта аналогия, которая сводится все к той же конной феодальной службе вассалов — судить пока трудно. Необходимы дополнительные изыскания и проверка.

У манапа и именитых людей есть одна общая черта, отличающая их от остальных киргизов: все они имеют джигитов и уртаков. Средне-зажиточный киргиз джигита имеет редко — у него можно найти малчѐ, джалчѐ, койчѐ, джилкачѐ — но уртаков и джигитов у него, как правило, нет. Он сам или его старшие сыновья ходят за лошадьми. *Джигит* даже в современных условиях, вовсе не простой работник — конюх. Правда, он чистит лошадей, кормит их, седлает, но на пастбище за ними смотрит джилкачѐ. Поручения мелкого характера, поездки вместо хозяина по делам, месть врагу хозяина, барантование — все выполняют джигиты. По преданиям джигиты ходили вместе с хозяевами на войну и участвовали в дележке захваченной добычи. Когда джигит проживет несколько лет у кого-либо, и тот захочет вознаградить джигита за службу — он

дарит джигиту немного скота, юрту, и бывший джигит становится сам „хозяином“. Старых джигитов почти не приходилось встречать; вероятно, существует какой-то установленный обычай срок, после которого хозяин обязан вознаградить джигита.

Такое положение джигита, выделяющее его из остальной челяди богатого человека, заставляет предположить, что в лице джигитов мы имеем перед собою пережиток *младших дружинников* прежней эпохи.

✓ „Уртак“ значит, собственно—дольщик, пайщик. Но под этим названием скрывается вовсе не пайщик, а половник, издольщик, т. е. зависимый земледелец, работающий на условии сдачи кому-то части своего урожая. Существует два вида издольщиков. Первый вид—уртаки, работающие на своей земле и отдающие часть урожая с этой земли тем, кто им ссужает на время обработки полей рабочий или молочный скот. Второй вид издольщиков—люди, работающие на чужой земле, прилагающие к земле только свой личный труд (рабочий скот, зерно для посева дает землевладелец), за что получают ту или иную долю урожая. Между этими двумя типами издольщиков находится промежуточный тип, который составляют земледельцы, работающие одновременно и на своем участке земли и на чужой земле и отчисляющие с обоих участков „хозяину“ (собственнику рабочего скота и второго участка земли) долю урожая. Хотя все типы издольщины наблюдаются в настоящее время одновременно, но по времени первый тип, вероятно, исторически предшествовал второму типу. ✓ Не говоря уже о том, что издольщина (половинничество) наблюдалась во всех земледельческих странах в раннюю фазу феодализма, невольно напрашивается сравнение второго типа издольщиков с теми „рабами“ древних германцев, о которых писал Тацит в „Германии“ (ст. 25) 1).

Такими уртакми (обоих типов) обладают все именитые люди у киргизов, в том числе и маналы. Следует оговориться, что некоторые маналы предпочитают не возиться с издольщиной, а непосредственно закупать хлеб на рынке—в прежнее же время и они имели издольщиков уртаков.

Тому, кто ведет сам земледельческое хозяйство, нет смысла иметь уртаков—скорее всего богатый землевладелец станет пользоваться наемной рабочей силой—*малаями*. Существование же такого архаического способа землепользования, как уртачество, показывает, как мало внимания землевладелец отводит земледелию, как таковому. И в действительности, все киргизы, имеющие уртаков, вовсе не интересуются земледелием, а получают основной и достаточно устойчивый доход от скотоводства. Для них поэтому безразлично, как обрабатывает уртак землю, удобряет ли он ее,

1) „Других рабов они не употребляют для служб, правильно распределенных между слугами, на наш манер: всякий сам ведет свое хозяйство, управляет своим домом. Господин налагает на раба, как на арендатора, известную плату хлебом, или скотом, или одеждой, и этим ограничивается повиновение раба; другие домашние обязанности исполняют жена и дети“...

или не удобряет, правильно ли ведет севооборот. Иногда уртак вовсе ничего не может выделить своему „хозяину“, так как урожай оказывается ничтожным и, вместо отчисления хозяину зерна, уртак принужден сам просить о ссуде. Ссуда дается, а вместе с ней растет и зависимость уртака от заимодавца. Все уртаки держатся с своими „хозяевами“ заискивающе, подобострастно, выполняют безпрекословно (и безвозмездно) различные работы (заготовку сена, сбор дров, укладку вещей и навьючивание их при перекочевках), отбывают за них общественные повинности. *Уртак и бедняк* — синонимы. *Но уртак одновременно и зависимый человек, полусвободный, несмотря на полные права гражданства в СССР.* Происхождение уртачества уходит в глубь времен; так как земледелие, связанное с поливным орошением, в Киргизии укоренилось лишь в эпоху распространения ислама (по крайней мере водораспределители носят арабское название „мирабов“), а к этому же времени относится и возникновение манапства, то можно высказать предположение, что уртаки появились вместе с манапством.

В свете этих фактов манапство приобретает иное освещение. Произведенный манапами переворот был облегчен экономическим закабалением основной массы киргизов — земледельцев. Джигиты являлись военной силой, помогавшей утвердить военную диктатуру и уничтожить родовые советы, расслоение же общества и закабаление бедноты придало новой власти известную крепость, устойчивость. Впоследствии манапы сумели заинтересовать в новом управлении богачей, наделив их подарками, или привлекая в круг своих приближенных старших дружинников.

Манапы не имеют непосредственной связи друг с другом, никому не подчиняются, однако это явление существовало не всегда и не везде. Кокандские ханы сумели добиться того, что некоторое количество манапов признали себя их вассалами, стали посылать подарки. Когда появились русские, вассалитет естественно отмер (легально), но фактически стремление манапов к объединению создало внутри Российского государства нелегальное „Алайское царство“, просуществовавшее до 1922 года, т. е. и после Октябрьской революции. „Царство“ прекратило свое существование со смертью Алайской „царицы“, которой подчинялось много манапов далеко за пределами Алайской долины, где проживала „царица“. *Сведения о социальном строе этого „царства“ весьма смутны, а между тем представляют громадный интерес для науки — следовало бы, пока еще среди населения Алайской долины не стерлась память о порядках Алайского царства, снарядить туда экспедицию и все тщательно записать. В результате этой экспедиции можно было бы окончательно решить вопрос о киргизском феодализме.*

В том виде, как это наблюдалось в феодальную эпоху в Западной Европе, крупного землевладения в Киргизии не существовало — не было ничего похожего на поместное хозяйство. Я думаю,

что поливная система орошения, связанная с мелким землевладением, вряд ли способствовала созданию крупных землевладельческих единиц, тем более что земельные участки в горах очень малы и разбросаны. Но вообще-то *крупное землевладение существовало — только не на пахотную землю, а на пастбища*. Остатком такого владения пастбищами являются современные права манапов на джейлау. Не существовало в Киргизии и *оброка* в чистом виде — его заменяет *дань* (подарки) и *отчисления уртаков*; не было и барщины, но существовали *отработки*. Так как все эти формы отнятия у земледельцев их прибавочного (и части основного) продукта существовали в Западной Европе в раннюю эпоху феодализма, то можно предположить, что *манапство есть ничто иное, как недоразвитая, зачаточная форма феодализма у киргизов*, не успевшая развиться вследствие подчинения Киргизии более хозяйственно развитым соседям.

Было бы интересно в таком случае сравнить манапство с ранним феодализмом у тех европейских народов, которые самостоятельно дошли до него в процессе естественного роста, а не путем распада более высоких ступеней хозяйственного развития. Поэтому, избегая сравнений с Меровингской или Каролингской эпохой Западной Европы, уместно было бы провести аналогию с социальным строем древних греков (Гомеровской эпохи), древних германцев I—IV столетий нашей эры, и древних ирландцев. В виду того, что тема эта выходит за пределы моей настоящей работы я не буду на ней дольше останавливаться.

16. Во что превращает манапство советскую систему.

*„Болош“. Финансовый агент. На-
столицкий „тюря“. „Ты арестован“.
Прокурорский надзор на кочевьях.
Взяточничество. Налоги. Народное
образование. Зорвоохранение. Ги-
гиена и санитария в киргизском
быту. Богачи в советском аппарате.*

Было бы ошибочно думать, будто манапство в горной Киргизии может существовать, совершенно не отражаясь на нормальном функционировании советского аппарата. Достаточно только понаблюдать действительные общественные отношения в Таласском (или Нарынском) районе, чтобы понять, как сильно манапство искажает советскую систему.

В горных районах, как и в остальной Киргизии, существуют советы, как органы власти и управления. Снизу до верху построена советская система в самом строгом согласии с конституцией. В горных районах существуют волостные исполнительные комитеты, районные и окружные—но соответствует ли форма содержанию? Что скрывается под советскими вывесками? Об этом недвумысленно говорят горцы, да и при самом поверхностном наблюдении на местах видно, как функционирует в горах советский аппарат.

Собрания волостных исполкомов бывают только зимой, летом председатель волостного исполкома, „болош“, действует единолично. В чем же проявляется его деятельность? Главная обязанность „болоша“—сбор налогов, да и не столько самый сбор, сколько помощь при заполнении опросных и окладных листов. Болош сопровождает финансового агента в качестве „эксперта“ и дает сведения о налогоплательщиках.

Сведения эти редко бывают правильными—почти всегда они преуменьшены, хотя бывает и обратное. Причиной преувеличенной оценки хозяйства бывает, обыкновенно, обида болоша на какого-либо налогоплательщика, причем, так как в волости наряду с сородичами болоша есть и чужеродцы, обида чаще изливается на чужеродцев. Проверить действительное положение налогоплательщика почти невозможно, так как легче поверить в преуменьшение оценки, чем в преувеличение.

По отношению к своим сородичам болош считает себя как бы их заступником—он всеми мерами уменьшает количество скота, пашни. Для укрытия количества скота прибегают к следующему

фокусу: если финансовый агент установил действительное количество скота богача (что бывает не так уж часто), болош объявляет часть этого скота собственностью какого-либо бедняка. Тот, в расчете на „благодарность“ богача и из чисто „родственных“ побуждений, всегда это будет подтверждать. Скот записывается за бедняком, а когда осенью приходит время платить налог, то оказывается, что у бедняка вовсе никакого скота нет и взять с него нечего...

Беднота называет болоша „волостным баев“, т.-е. старшиной богачей. В таком положении защитника богачей оказывается всякий болош, хотя бы он сам и принадлежал к беднякам: *род* — прежде всего.

Болош властью себя не считает, не считает его властью и население. Финансовый агент гоняет его на побегушках, богачи садят у порога, милиционер ему приказывает, член районного исполкома его *смещает и назначает* до новых выборов другого болоша.

Всякое смещение сопровождается при этом арестом и отсылкой в район. Болош сидит три-четыре дня, неделю — без предъявления конкретного обвинения, а потом отпускается. Так кончается карьера каждого болоша.

Неудивительно, что в болоши киргизы идут неохотно и смотрят на выборы, как на тяжелую обязанность.

Кроме болоша с населением чаще всего сталкивается *финансовый агент*. Он не только время от времени приезжает на кочевья, но и живет по неделям, чтобы получить необходимые сведения. Если „болош“ считается ходатаем за население, то финансовый агент оценивается, как представитель „начальства“, от которого всячески необходимо утаивать действительное положение вещей, которому можно беззастенчиво врать, потому что это вранье бывает всегда в интересах „рода“. Такое вранье не считается зазорным. Горец врет в присутствии свидетелей-сородичей, несколько не беспокоясь, что его кто-либо может разоблачить. И, в действительности, почти не бывает случаев, чтобы кто-либо вступился за правду, хотя бы это и было в интересах отдельных лиц — например, в интересах бедноты, чтобы налогоплательственность богачей не преуменьшалась, но бедняки никогда не станут поправлять богача, утверждающего, будто у него лишь 10 баранов, в то время, как их у него 300—400...

С финансовым агентом спорят, ему часто противоречат, с ним торгуются. В представлении горцев-киргизов финансовый агент является лично заинтересованным в получении того или иного размера налога, с ним можно поторговаться, так как он всегда назначает налог с запросом...

Совершенно иное отношение к *милиции*. Настоящий „тюря“ (начальник) — именно милиционер, а начальник районной милиции или его помощник считаются уже очень большими начальниками. Милиционер приезжает на кочевья всегда с безапелляционными

требованиями—с повесткой, которую необходимо вручить, с приказанием об аресте, которое он не может не выполнить и т. д. Его нельзя склонить к „уступкам“, просто потому, что ни одно из постановлений от него не зависит. Но киргизы оценивают это иначе: милиционер поступает так именно потому, что он настоящий начальник, к тому же у него есть и атрибуты власти — оружие.

Приезжая на кочевья или зимовки милиционер и держится подобающим образом—гоняет с поручениями болоша, требует себе бесплатно продовольствие. „Подарки“ он берет охотно, а иногда и просто их требует. Кроме того, милиционер держится независимо по отношению к богачам. Он первый подает им руку. Он не ждет приглашения, а сам присаживается к очагу. Когда подают мясо, он уверенно, одним из первых, опускает в блюдо свою руку... Нечего и говорить, что все это поведение в еще большей мере присуще командному составу милиции. Но с этими главными начальниками можно „договориться“, так как в их власти кое-какие распоряжения отменить.

В горной Киргизии необычайно популярной мерой, к которой прибегает каждое „начальство“, считается *арест*. Поводов для ареста много, их и искать не приходится: противоречие „начальству“, отказ в „подарке“, неявка по вызову, оговор врага-чужеродца — все кончается арестом. Еще чаще арест применяется, как средство вымогательства. Аресты производятся без всяких ордеров, без постановления суда — просто, скажет „начальник“—„ты арестован“, и этого достаточно. Арестованного везут за 70—100—200 верст в ближайший район милиции; здесь „сдают“. Если арестованный или его родственники съезжают „договориться“ с „начальством“—арестованного освобождают, в противном случае держат неопределенно долгое время. Потом отпускают, не передавая дело в суд.

Арестовывает не только милиция. Все, кто имеет оружие, считают себя в праве эти аресты производить. Обычно, наличие оружия совпадает с некоторыми „начальственными“ правами, но бы-

Рис. 17. Следователь К. Раев (из рода мачак).

вает и не так: в горной Киргизии аресты производят, например, члены Комсомола. Ни арестованным, ни присутствующим при аресте зрителям в голову не приходит усомниться в праве таких „начальников“ ограничивать свободу граждан. Многие даже содействуют аресту.

Прокурорский надзор довольно активно ведет себя в горной Киргизии. Однако, это не увеличивает законности. Прокуроры и их помощники живут в городах, вдали от зимовок и кочевий. Выезжают они в горы в случаях жалобы на кого-либо из горцев; наезды делаются на несколько часов, прокурор куда-то всегда спешит, разговаривать с населением ему некогда. Приехал, арестовал и снова уехал—вот обычная история всех выездов. Никаких жалоб на администрацию киргизы прокурору не подают, потому что сам прокурор (или его помощники) ведут себя в обычном „начальственном“ стиле. Если милиционер требует маленький подарок, то прокурор велит принести большой... Для милиционера—барашек, для прокурора—лошадь, жеребец, да еще определенной масти.

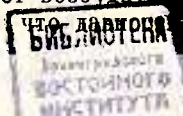
На кочевьях кое-где живут *следователи*. К ним горцы чаще обращаются, но тоже лишь в крайних случаях. Большинство дел, которыми завалены следователи, это—конокрадство, избиения и дела о возврате калыма. Все остальные дела разрешаются проще—через манана. Если подсчитать число обращений к суду и обращений к манану, то окажется, что девять десятых недоразумений разрешаются мананом и только одна десятая—судом.

Когда следствие бывает закончено (предварительное следствие тянется обыкновенно долго) суд или вызывает стороны в районный центр, где находится районный народный суд, или устраивает выездную сессию. Особой популярностью выездные сессии не пользуются, да и бывают они редко. Большое количество судебных дел о возврате калыма объясняется проведением закона об *отмене калыма*.

Такой закон существует года два¹⁾, но почти никто не отдает своих дочерей без калыма—в этом отношении закон оказывается бессильным. Но если по каким-либо причинам калым подлежит возврату (смерть жениха, уход жены от мужа и пр.), то получившие калым вспоминают советский закон об отмене калыма, и на этом основании отказываются его возвращать... Обиженная сторона тогда обращается в суд. О результатах этого обращения киргизы разного мнения—из их ответов можно вывести заключение, что судебная практика в этих делах еще не вполне установилась. Однако, некоторые разговоры и расспросы, связанные с делами о калыме, заставляют обратить внимание на то, все ли в порядке в местных судебных учреждениях.

Богатый старик Игамберде, *сорок лет тому назад* уплативший за свою жену большой калым, хочет возбудить в суде дело о возврате ему калыма... На указание, что *калым* уже давно

1) Писано в 1925 г.

прошла, Игамберде отвечает: „Большие судебные начальники сами советуют мне начать дело и обещают, что я его выиграю“. О том, какими способами эти „начальники“ будут вести его дело, Игамберде осведомлен хорошо: „взятку получить хотят“, но он не уверен в том, будет ли эта взятка окуплена потом возвратом калыма. Неудивительно, что тот же старик задает такой вопрос: „Скажите, есть ли у вас, хотя бы в Москве, какой-либо начальник, который бы не брал взятки? У нас (в Киргизии) все берут“.

Утверждение старика не голословно. *Взятки* берет и финансовый агент — берет за понижение налога; берет взятки и милиционер — просто, как „подарки“, хотя он сам по себе ничего сделать не может. Берет взятки, конечно, начальник районной милиции, берут его помощники. Кто берет баранами, кто деньгами, кто только лошадьми. Берет взятки следователь, берет и помощник прокурора. Чем выше начальство, тем больше размер взятки. Инспектор труда берет взятки, и лесной объездчик, и жена лесного объездчика... ✓

Проще, поэтому, поставить вопрос, как его ставит Игамберде, — кто не берет взятки?

Взятничество настолько распространено и совершается так открыто, что назвать это явление исключением, местным злоупотреблением властью никак нельзя. *Взятничество в горной Киргизии — бытовое явление.*

Весь уклад жизни облегчает и, в некоторой части, провоцирует взятничество. Начать с того, что „подарки“ даются всем, кто приезжает на кочевье или зимовку и чье внимание, почему либо, киргизы хотели бы обратить на себя. Почетного гостя (а начальник — всегда почетный гость) всячески угощают, дают лошадей для проезда, провизию на дорогу — и все бесплатно, в силу гостеприимства. Взять деньги с гостя считается позором. Разъезжая по всей горной стране, „начальник“ ничего нигде не платит: бесплатно ест, пьет, берет с собой в дорогу провизию в живом виде, т.-е. баранов. Если бы он даже хотел платить, то ему не всегда бы это было возможно — обычных *цен* не существует. По какой расценке платить? Купить пару фунтов мяса для себя лично „начальник“ не может — ни у кого таких кусочков мяса нет. Чтобы поесть мяса, необходимо специально зарезать барана, причем этого барана будет есть не один начальник, а и сами хозяева, и гости. За съеденные фунт-два платить неудобно, за всего барана — слишком накладно. В результате — „начальник“ не платит вовсе... А между тем, горцы вовсе не так безкорыстны, как это кажется, и все ставят в счет. Слава о „начальнике“, который ел, пил, но ничего не заплатил — пойдет по всей Киргизии и сразу создаст ему репутацию взяточника. Принять „соиш“ и не отдарить за него — равносильно взятке.

Возить с собой подарки — ситец, чай, сахар и пр. — „начальник“ во время своих поездок, конечно, не может. Отсюда и дурная слава.

Кочевья посещаются не только милицией, но и различными инструкторами; все эти посещения ложатся бременем на киргиз-

ский бюджет. Неудивительно поэтому, что горцы на вопрос, изменилась ли их жизнь после революции, отвечают:

— Начальства больше стало.

Начальников в горной Киргизии много. Не только милиционер — начальство. И секретарь комсомольской ячейки — начальство, и секретарь партийной ячейки — начальство, и любой инструктор — начальство, и следователь, и судья, и лесообъездчик. Всем надо делать „соиш“, всех надо угощать и одаривать. В конце концов, самый „соиш“ превращается в особый вид налога, который население платит хаотично, в силу различных случайностей.

Этот вид налога очень тяжел и, вполне справедливо, оценивается горцами, как взятка. Так как от бесплатного „соиш“ никто не отказывается, то представление о том, будто взятки берут все, имеет солидное основание.

✓ *Налогов горцы-киргиз платит много.* Все киргизы платят единый сельскохозяйственный налог. Однако, кроме этого „единого“ налога существует масса других налогов. Если киргиз кочует вне пределов своей родовой территории (или даже в пределах этой территории, но в районе чужой волости), то он платит „туяк-пулз“ — местное обложение за пользование пастбищами. За пользование топливом — лесом, кустарником, вереском — киргиз платит „утын-пулз“ — лесной налог. Этот налог взимается и в тех местах, где никакой древесной растительности вовсе нет.

Школьный налог — „махтап-пулз“ — берется с каждого очага (тутуна), хотя бы в хозяйстве и не было детей школьного возраста. Самым же разорительным и неурегулированным налогом является „улау“ — подводная повинность. ✓ Собственно говоря, называть ее „подводной“ нельзя, потому что в горной Киргизии никаких подвод нет; состоит эта повинность в том, что население обязано давать представителям власти, разъезжающим по кочевьям по делам службы, необходимые перевозочные средства, главным образом — верховых лошадей. Эта повинность выполняется совершенно бесплатно, выполняется беспорядочно, без всяких норм и очередей. Каждый представитель власти берет себе лошадей там, где ему удобнее, где подвернутся лошади. Бывали случаи, что лошадь бралась из под седока, прямо из табуна и т. д. Очень часто „начальство“ берет для своих поездок табунных жеребцов. Пользование табунными жеребцами для „улау“ — самое вредное явление, отражающееся на скотоводстве губительным образом. Дело в том, что табунный жеребец не только производитель, он также и охранитель табуна. Горные местности Киргизии изобилуют волками; летом волки то и дело нападают на табуны, охотясь на жеребят. Если в табуне есть жеребец, он без труда отбивает нападение волков, при нем и кобылицы чувствуют себя увереннее — сгрудившись кольцом вокруг своих жеребят, кобылицы отбивают волков задними копытами, а жеребец бегаёт вокруг табуна, кусая нападающих волков своими мощными зубами. Если же нападение волков производится на табун, лишенный жеребца, то один-два жеребенка всегда попадут в зубы хищников, так как перепуган-

ные кобылицы мечутся из стороны в сторону и, тем самым, открывают волкам путь к своим детенышам.

Взять из табуна последнего жеребца—равносильно отдаче на растерзание волкам нескольких жеребят. Затем, кобылицы перестают поддерживать между собою табунную связь, разбредаются по соседним табунам.

Знают ли все это берущие из табуна жеребцов для служебных поездок?—Конечно, знают. И все-таки берут.

„Улау“ вызывает наибольшее негодование горцев, так как на почве этой повинности происходит множество беззаконий. Бывает и так, что лошадь во время поездки загонят, а то и просто не возвратят обратно владельцу.

Из мелких „добровольных“ сборов необходимо отметить сборы на Доброхим и Доброфлот (ныне Авиохим); сборы эти проводятся почти принудительным порядком, но так как население вовсе не знает назначения сборов, оно зовет их „худан-пулз“—„божьи деньги“...

Таковы официальные налоги в горной Киргизии. Кроме них существуют полуофициальные налоги—„чехэм“, взимаемые на нужды делегатов, едущих куда-либо, на помощь сородичам, подарки манатам. В среднем—за год горец середняк платит не менее 10 руб. таких „чехэм“. Это равносильно второму „единому“ сельскохозяйственному налогу.

Если присоединить к указанным налогам еще „отмай“ и „чокмай“—сборы в пользу маната, когда горец выпасает скот на пастбищах чужого маната, то общее количество налоговых взысканий с киргиза раза в три-четыре превысит основную ставку сельскохозяйственного налога.

Существует, наконец, еще один весьма разорительный налог—мостовой сбор. Примитивные мосты, проложенные через горные реки и потоки, сносятся каждую весну; восстановление их обходится дорого, поэтому с прогоняемого через мосты скота взимается особый сбор (в среднем—1 бзран с каждых 300 голов), идущий на расходы по сооружению мостов. Против такого сбора, может быть, киргизы и не возражали бы, если бы он хоть в малой мере соответствовал стоимости сооружений; в действительности налог в 10—20 раз превышает расходы по постройке мостов. Некоторые мосты построены частными лицами, получившими за это право брать в свою пользу мостовой сбор; так например, мост у Мерке выстроен каким-то богачем, затратившим на постройку 200—300 рублей и выручившим за лето около 4000 руб. от его эксплуатации. Горцы всячески избегают пользоваться мостами, но на том же Таласе, у наиболее посещаемых бродов, стоят милиционеры и специальная стража откупщика, запрещающие гнать стадо в брод...

Таков перечень налогов, которые платит горец из года в год. О „совш“ для начальства и различных подарках мы уже говорили... Есть и еще кое-какие повинности—„бийлык“ манату за обращение к его суду, и подарки „бахши“¹⁾ за его „медицинские“ советы.

1) Знахарь.

Обложение горцев налогами, таким образом, велико.

Что же получает горец-киргиз от местной власти, взамен этих налогов?

✓Существование манапства упраздняет в горном районе значение и советского суда, и советской администрации. Кроме того, уродливая деятельность многих местных органов власти вызывает отрицательное отношение горцев ко всем административно-финансовым функциям советского государства. Но существует, однако, такая функция власти, к которой даже самый темный киргиз относится с полной симпатией. Это — *народное образование*. Всюду на кочевьях приходилось слышать сетования на то, что школ слишком мало. Нигде не приходилось встречать отрицательного отношения к школам. Киргиз тянется к знанию. Детей посылают в школы охотно и взрослые сами с большим удовольствием приходят на беседы, могущие дать им какие-либо знания. ✓

На каждую волость в горном районе приходится только *одна* школа первой ступени, могущая обучать одновременно 30—40 человек. Так как школа приходится на 1500 юрт, расположенных в округе, радиусом до 100 верст, то, понятно, она не может обучать приходящих детей, а должна иметь при себе интернат. Это значительно удорожает расходы по содержанию школ, да и задерживает развитие народного образования. В каждой волости числится не менее 3000 детей школьного возраста, от 8 до 16 лет. Обучается же в школах только 30—40 детей, т. е. не более 1—2%.

Переход от интернатов к открытым школам необходим, но для этого необходимо увеличить раз в 10 школьную сеть, для чего нет достаточного наличия педагогов. Об увеличении количества педагогов следует подумать серьезно.

Вторая область, которая также пользуется большими симпатиями горцев — это *медицина*. Несмотря на эти симпатии, общественная медицина в горной Киргизии совершенно отсутствует. В отдельных русских поселках (Дмитриевском, Кетментюбе) существуют фельдшерские пункты, в городах — Мерке, Пешпеке — врачи, но поблизости от зимовок и кочевий нет ни фельдшеров, ни врачей. Даже ветеринарные пункты в Киргизии очень редки — это в скотоводческом районе!

В горах можно найти больных самыми разнообразными болезнями, вплоть до ишиаса и сплина. Но самой распространенной болезнью приходится считать *сифилис*. На всем пути от Аулие-ата до Арсланбала не было ни одного аула, в котором не встретилось бы людей с провалившимися носами и страшными язвами на лице. Сифилис в некоторых аулах охватил больше половины взрослого населения; по некоторым признакам, он очень быстро разносится все дальше и дальше. Кроме сифилиса в аулах находятся множество больных другими венерическими болезнями, в особенности гонорреей. *В связи с распространением венерических заболеваний наблюдается все увеличивающееся бесплодие женщин.*

Горскому населению грозит полное вырождение.

О *тишене* горцы-киргизы, конечно, не слыхали. Да и о какой гигиене можно говорить, если у богача в год на душу семьи выходит $\frac{1}{2}$ клм. мыла, у середняка—200 грамм, а бедняки и вовсе не употребляют мыла. Грязь на теле, грязь в жилище—все облегчает заболевания. Одежда моется в щелочной воде (кипятят золу с водой) раз в два-три месяца; в горячей воде киргизы, вообще, не моются, а купаются в горных реках, при температуре в 4—6 градусов даже летом, охотников находится мало. Если бы не ислам, заставляющий делать обрядовые омовения, то горцы вероятно и вовсе не мылись бы. В юртах кошмы являются рассадниками паразитов—блох, вшей; кладутся они прямо на землю, загрязненную пометом скота; при перекочевках кошмы снимаются и на новом месте кладутся не всегда одной и той же стороной—грязь, навоз часто оказываются на „лицевой“ стороне кошмы. Посуда у всех общая, едят с одного блюда руками, пьют из одной п्याлы по очереди—сколько удобных путей для распространения заразных заболеваний. Венерические же болезни, кроме такого внеполового пути, распространяются и половым путем по всему аулу, так как, несмотря на многоженство, половое общение в ауле носит, безусловно, беспорядочный характер. Если бы не чудесный климат, горный воздух, яркое солнце, отсутствие на кочевьях мух, да хорошая питьевая вода—киргизы вымерли бы в течение нескольких десятилетий.

Редкий киргиз не имеет кожных болезней—язвы, лишай, чесотка также распространены здесь, как насморк осенью в Ленинграде. У многих болят глаза (у некоторых явные признаки трахомы). Все это переносится из юрты в юрту, из аула в аул.

Поражает также детская смертность, которую киргизы приписывают глазу. Зимой дети мрут массами от простуды, летом—от желудочных заболеваний. Чаще всего желудочные болезни поражают детей в возрасте от 2—3 лет, т.-е. в то время, когда их начинают переводить на обычную пищу взрослых.

В общем, население горных районов в борьбе с болезнями предоставлено самим себе—нет ни врачей, ни медикаментов.

Устройство фельдшерских пунктов на больших зимовках будет только началом санитарных мероприятий. Необходимо также немедленное открытие передвижных амбулаторий (снабженных медикаментами) на всех больших джейлау (летних кочевьях) и высылка на кочевья специальных отрядов по борьбе с венерическими болезнями. А наряду с этим киргизы нуждаются в *широком санитарном просвещении*, которое совершенно отсутствует.

Подводя итоги, приходится сказать, что *подлинной советской власти в горной Киргизии пока еще нет*¹⁾. Старый обществен-

1) Через год после поездки (в 1926 г.) мне пришлось познакомиться с официальными материалами—отчетами Киргизского Облисполкома, которые подтвердили нарисованную здесь картину положения советского строительства в 1925 г. Объяснялось это тем, что областные центры в 1925 году еще не были налажены и поэтому никакого контроля за деятельностью низового аппарата не было.

ный уклад, основанный на натуральном хозяйстве, закабалении бедняков богачами (уртачество) и пережитках родового строя, еще очень живуч. Манал — не музейный экспонат, а властный распорядитель в киргизской жизни. Он владеет родовыми территориями, судит и правит. Он, собирает палог, он распределяет кочевья, он разбирает недоразумения, он наказывает виновных. На ряду с манапством в горной Киргизии существуют и формы советского управления, совершенно извращенные, вследствие неглубокого, поверхностного применения их к местному социальному быту. Большинство горцев совершенно не имеет представления о том, что такое советская власть. Тенина горцы представляют в виде необычайно богатого манапа („всю Россию кормил“)... Зависимость низшей администрации от выборных советских органов никем не разъяснена, поэтому в представлении горцев „сильнее кошки зверя нет“ — сам „болош“ трепещет перед милиционером и ходит у него на побегушках.

Поголовная безграмотность дает возможность отдельным грамотным лицам из родственников богачей и манапов проникать в советский аппарат, совершенно извращая его деятельность. Среди горцев очень распространено мнение, будто бедняку трудно попасть в коммунисты („Мы бедняки, — говорили действительные бедняки на кочевье Кукенджар, — нам трудно попасть в коммунисты“), и что каждый манап имеет „своих“ коммунистов.

Что в соваппарате богачи занимают очень значительное место, пришлось лично убедиться на кочевье Сусамыр, где оба представителя народного суда — следователь и секретарь суда — были богачами.

Однако, не только богачи, попадающие в советский аппарат, извращают функции советской власти; одинаково скверно осуществляют свои обязанности и должностные лица, происхождение которых из бедняцких слоев не оставляет никакого сомнения. Род и родовые интересы отодвигают на задний план общественность советского типа. Подлинные бедняки превращаются в послушное орудие богачей во всех тех случаях, когда такой бедняк выступает в защиту своего рода, как социального целого. Для горцев-бедняков богат из своего рода все еще ближе, чем бедняк из чужого рода.

Судные операции скотом, постоянное подкармливание богачами своей аульной бедноты, судебные функции манапа, распределение среди своих „букара“ подарков (взятых от них же!) и, наконец, представительство манапов перед „начальством“ в защиту рода в целом или отдельного аула — все это укрепляет у бедняка представление о манапах, как о благодетелях и защитниках. Родового строя в горной Киргизии больше нет, но *родовые отношения*, как весьма сильный пережиток этого строя, еще сохранились: вот эти то отношения и не дают возможности бедняку понять в настоящем свете социальную роль манапов; эти же родовые отношения скрывают от глаз бедноты и сущность советской власти.

17. Не приспособление, а уничтожение.

Можно ли манапство „приспособить“. Характеристика советского аппарата. Как бороться с манапством. Взяточники рассказывают про коммунизм. Союз „Кошчи“. „Кедей партия“. Кооперация. Кто должен прийти на помощь.

Л Три года тому назад среди туркестанских ответственных работников было немало людей, которые считали ненужным ломать социальный быт отсталых народов, которые пытались „приспособить“ манапство и пережитки родовых отношений к советской системе. „В родовом быту—говорили они—есть много хорошего: это коллективизм быта. Не нужно уничтожать коллективных навыков горцев, а направить их по другому руслу. Можно даже создать специально родовые советы, превратив тем самым род в зародыш коммунистической ячейки“. Теперь, когда ход событий стер все следы подобных рассуждений, не приходится полемизировать, обвинять в „народничестве“. Все это в прошлом. Но все же важно указать, что местные работники не отдавали себе отчета, чем в настоящее время является киргизский род. Нельзя феодальный уклад — а манапство это именно феодальный уклад, не успевший еще окончательно оформиться — „приспосабливать“ к советскому строю. Феодальные формы должны быть изжиты, должны быть уничтожены, как должны быть уничтожены и пережитки родовой системы. На базе полуродовых — полуфеодальных отношений не может развиваться коммунистическое общество.

На чем держится экономически манапство?— На слабом развитии товарного хозяйства среди горцев, на слабом развитии денежных отношений, на отсутствии государственного кредита бедноте для закупки сельскохозяйственного инвентаря и скота, на отсутствии государственных семенных баз, и т. д. В силу чего сохранились еще в горах родовые отношения?— Вследствие примитивности сельскохозяйственной техники, неудобства путей сообщения, слабого развития торговли, натурального характера большинства хозяйств, низкого уровня общественных потребностей. Разве на всех этих „китах“ можно строить социализм? Глупое заблуждение, вредное заблуждение, приведшее к тому, что не советский строй „приспособил“ манапство, а, наоборот, манапство приспособило к себе советскую систему. При перевыборах советов в 1925 г.

„батрачество находилось под влиянием манапов и в выборах поддерживало их ставленников. Если некоторыми уполномоченными в докладах и письмах и отмечалась активность в перевыборной кампании части населения, то это явление мы должны рассматривать не как здоровую общественность, а как обостренную борьбу родов и групп за кандидатуру в председатели совета, хотя бы и из числа бедняков и батраков, но являвшихся ставленниками одного из баев-манапов“¹⁾ — так охарактеризовал киргизский областной исполнительный комитет советов результатов „мирного“ сожительства манапства с советами.

В аулах и на кочевьях манапы сохранили судебные функции. Что же получилось от сочетания манапского суда с советским?

„В отношении преступности Киргизия представляет из себя безотрадную картину. Проходящие через прокуратуру уголовные дела почти исключительно относятся к деяниям, совершенным в областном и окружных центрах и в близлежащих местностях. Если должностные преступления (т.-е. превышение власти, взяточничество, дискредитирование власти и пр. П. К.) в Киргизии занимает 50—60% всех дел, то среди этих дел совершенно нет подсудимых ниже окружного центра“ — сказано в цитированном нами выше отчете. В чем же дело, почему нет судимости работников районных и волостных организаций — потому ли, что они не совершали преступлений? Ничего подобного — просто потому, что их судить было некому. „По сведениям исправдома области о срочно-заключенных по нарсудам за 1925 г. и по статистическим данным облсуда выяснилось, что на местах народных судов фактически нет“... И доказательство того, что преступления действительно совершались, но оставались безнаказанными, мы найдем в следующем сообщении: „Нераскрытие преступлений по области составляет 42%, из коих большинство дел падает на сельские местности — по причине отсутствия живой связи с местами. Типичными для сельских местностей преступлениями являются: конокрадство, бытовые и должностные преступления, взяточничество, вымогательство и превышение власти“... Если же принять во внимание, что $\frac{9}{10}$ подобных преступлений вообще не могли попасть ни в какую официальную статистику, потому что на взяточников и вымогателей в горных районах жалобы подавались редко, то можно себе представить, каково было состояние революционной законности в Киргизии там, где сохранилась власть манапов!

Я не буду цитировать других мест из этого официального отчета, не буду приводить и данных из информационных сообщений Обкома о состоянии соваппарата и партаппарата в Киргизии в 1925 и 1926 годах. Манапы вели себя вовсе не по советски, но на местах никто не решался их одернуть. Об открытой борьбе с ними никто не заикался.

¹⁾ „Краткий обзор советского строительства и народного хозяйства Киргизии (материалы к 3 сессии ВЦИК XII созыва).“

В предыдущих главах я показал, что уродливые формы советского строительства, которые наблюдались в Киргизии три-четыре года тому назад, зависели не столько от личного состава администрации или слабости карательной политики, сколько от наличия манапства. На областных партийных и советских съездах принимались не раз резолюции о борьбе с баями и манапами, но проводить эти резолюции поручали ставленникам тех же баев и манапов на местах... Не помогала и частая смена личного состава совнаппарата, потому что это нисколько не подрывало экономического и политического могущества киргизских феодалов. В их руках попрежнему находились все летние кочевья, они продолжали ссужать бедноте скот, представлять от имени населения.

Организация ярмарок, государственных ларьков, государственная или кооперативная закупка осенью скота у киргизов, ввоз новых предметов потребления, организация общественного кредита бедноте для приобретения ею рабочего скота, постройка колесных дорог и передел пастбищ—вот те основные мероприятия, которые могли бы выбить из под ног манапов твердую почву. В то время ничего этого не делалось, а между тем такой путь был единственно правильным.

Вполне понятно, что у манапа должны быть отняты и все административные функции. Только таким путем можно уничтожить манапство, а уничтожить его нужно во что бы то ни стало.

Экономические и административные мероприятия не исключают, а наоборот, *требуют особого внимания культуры и политико-просветительной работе*. Без отчетливого представления граждан о сущности советской системы невозможно создать нормально действующий советский аппарат—мысль такая простая, но вместе с тем вовсе не применявшаяся в полит-просветительной работе среди горцев. Политико-просветительная работа должна быть *повседневной*. Это значит, что освещаться должны, прежде всего, злободневные вопросы текущей внутренней советской политики, должны даваться основные сведения о задачах советского строительства. Тогда не будет таких случаев, как на кочевье Сусамыр во время праздника у манапа Керим-бая. Услышав, как приезжий товарищ-коммунист рассказывал горцам о функциях нормально построенного советского аппарата и борьбе со взяточничеством, местные „большие начальники“ неодобрительно покачали головой:

— Зачем вы все про нехорошее говорите? Лучше бы им про социализм, да коммунизм рассказали...

Если взяточники рассказывают населению про коммунизм, они делают гораздо больше вреда, чем если бы, вообще, молчали.

Для успеха борьбы с манапством и пережитками родовых отношений нужно разбудить волю к борьбе среди тех социальных групп, которые сами подвергаются манапской эксплуатации. До 1926 года не было сделано никаких попыток классовой организации уртаков. В союзе „Кошчи“ (что то среднее между профессиональным союзом рабочих земли и леса и крестьянским союзом)

в 1925 году было так много баев и мананов, что его пришлось распустить. Но и после реорганизации (в марте 1926 г.) положение мало изменилось к лучшему: в союзе было 56.773 члена, из которых 25% батраков, 30% бедняков, 25% середняков и 20% „примазавшихся“, т.-е. баев и мананов... Конечно, никакой борьбы с мананами такой союз вести не мог. В настоящее время союз снова реорганизован.

Беднота и, в особенности, урки тянутся в союз, ждут от него улучшения своей жизни, надеются через союз получить кредиты на укрепление хозяйства. Эта форма организации имеет громадное значение, тем более что из среды киргизской бедноты тех родов, в которых власть мананов слаба или ее вовсе не существует (напр., в роде колпош), выделились особые группы, называющие себя „кедей партия“ (партия бедняков)—активные, рвущиеся к бою ячейки. Без надлежащего руководства „кедей партии“ могут натворить немало глупостей и дискредитировать себя в глазах горской массы, но их могла бы взять под свое начало коммунистическая партия и на них опереться в борьбе со старым бытом.

Партийные и комсомольские ячейки, существующие в горных районах, не всегда правильно проводят партийные директивы центральных организаций, в большинстве своем коммунисты-горцы малосознательны, некультурны, как некультурна и окружающая их народная масса: но в процессе борьбы с баями и мананами они обретают свое настоящее лицо. Это подлинные пионеры нового общественного строя, и мананы, поэтому, относятся к ним с открытой ненавистью. Партийная прослойка среди киргизов-горцев пока что незначительна, но быстро растет.

Кооперация развивается главным образом в городах Киргизии, да в крупных селах. В горных аулах потребительской кооперации нет. До 1926 года попытки организовать в горных районах кооперативы кончились неудачей—то товары сразу разбазарят, а денег за них не соберут; то все средства растратят. Вообще, растраты были в то время весьма часты не только в кооперации: про союз „кошчи“, например, одно официальное учреждение отозвалось так — „союз занимается лишь собиранием членских взносов и их растратой“... Слишком низок уровень горцев, и сильны традиции родственного замазывания обнаружившихся не порядков, чтобы можно было сразу добиться сознательного отношения к расходованию общественных средств. Для развития кооперации придется еще много поработать.

О сельскохозяйственной кооперации и кредитной сведений у меня нет—возможно, что в последние годы она и сделала какие-либо успехи.

Было бы неправдой сказать, что все горцы одинаково терпимо относятся к мананскому владычеству. Я упоминал уже о „кедей партиях“, о комсомольцах, о партийцах, о кооператорах—среди них много самоотверженных, преданных делу борцов за новый

строй. На одном из кочевьев пришлось видеть бывшего сельского учителя,—ныне кооператора—ведшего исподволь большую культурную работу среди горцев. Среди женской молодежи существует большая тяга к комсомолу. Нет только умения организовать—некультурность в том и проявляется, что пока кто-либо со стороны не расшевелит, до тех пор никто не принимается за работу. Нужно постоянное давление извне, подбадривание, моральная поддержка—а окружные и областные (ныне республиканские) организации не всегда это учитывают и не всегда приходят на помощь. Горный район, вероятно, еще долго не в состоянии будет обходиться только своими силами; в интересах республики бросить туда теперь побольше энергичных людей, чтобы поскорее ликвидировать все медвежьи углы.

Манаство нужно уничтожить—это единственный способ вывести советское строительство горной Киргизии с узких и путаных горных троп на широкую „колесную“ дорогу к социализму.

„Той“ у Керим-бая.

(Бытовые наброски).

„Кто хоть раз побывал на Таласе, у того вечно сердце будет рваться к нему. Время согнет человеку спину, сединой покроет голову и потушит пламя его очей—а память о Таласе останется неизменной в его сердце“.

„Пойте о Таласе, вспоминайте этот зеленый край, когда горе злым псом вьется в вашу жизнь,—и у вас легче будет на душе“.

„Нет другой страны, равной по красоте Таласу. Не забыть Таласа тому, кто хоть раз его видал“.

(*Киргизская песня*).

I.

Начните с Таласа свой путь, потому что красив действительно Талас. Но за Таласом горы еще лучше, и когда вы будете отдыхать на зеленом ковре берегов реки Чат или спастись от зноя в тени мохнатых елей ущелья Усчат, песня о Таласе покажется вам жалким хвастовством таласского патриота. О Таласе поются песни—об ущелье Усчат киргизы не упоминают. Потому что на Таласе хорошо скоту, а в ущелье его едят мухи. Но человеку—без скота—за Таласом еще лучше и еще привольнее.

Зимой Таласский край весь скрыт под снежным халатом. А весной, когда зазеленеют склоны гор и долины, внизу—у самого подножья—с зимовок начнут передвигаться вверх серые груды баранов. Резвые табуны кобылиц заскачут по отлогим берегам вздувшихся речек и с каждым днем они будут забираться все выше в горы.

В жаркое лето не видно внизу ни людей, ни скота: перекочевали они к снежным вершинам, где прохладно в самые знойные дни и где трава ярка и свежа в течение лета.

Иногда хмурится Талас. Седой туман выползает из расщелин каменных утесов и заполняет горные долины. Дни и ночи стоит он, не колеблясь, над посеревшими пастбищами. Мелкий дождь идет не переставая, холод приносят несмелые порывы горного ветра. Удастся ли солнцу прорваться сквозь серую мглу тумана

и нависших облаков?.. Но, вот, ночью появятся на небе звезды, под утро пройдет могучий ливень и осмелевший ветер набросится сбоку на тучи. Закрутит их, разбросает по горным вершинам, а потом начнет скатывать в клубы туман, как домовитая хозяйка закатывает коврик, прежде чем подмести комнату. Из-за гор, сквозь голубоватую влажную дымку предутренника глянет яркий луч, и солнце день за днем будет светить и греть долины Таласа.

Но чтобы прожить все лето на Таласе, нужно быть киргизом. Чужеземец не усидит на пустынных склонах и одной недели. Его потянет дальше по горной тропе, что вьется все выше по берегу шумливой речки. Он сильно утомит свою лошадь подъемами по крутизне и, наконец, придет к тому месту, где тропинка уходит прямо в небо. Белая шапка Колбы так близка, что через нее, кажется, можно перебросить снежок. Снег синее, хрустит, холодом сжимает колени. Легче дышать, но какая то тревога сжимает сердце. Лошадь дышит с хрипом; еще одно усилие — она взбирается на вершину. На самом перевале крутит выюга. Назад — пройденный подъем, окаймленный суровыми каменными громадами, а впереди, сквозь легкое кружево белых пушинок, видна синяя даль Итагарской долины. Весь мир внизу. Только свинцовые тучи слева свисают над головою, а справа синее, синее небо и яркое солнце на нем.

Лошадь отдохнула, можно спускаться. Почти на круне сползает она с перевала по глубокому снегу. Два—три часа скользит она вниз, зигзагами удлиняет путь, но спуск по прямой линии слишком крут. Вот, снег начинает подтаивать, ноги лошади достигают каменного грунта горы, все чаще звякает подкова. Снег кончается, но дорога все также крута. Земля осыпается и, пока найдена тропинка, целый поток желтых камней с глухим рокотом катится вниз из под ног лошадей.

II.

Вот он Итагар, пустынный, раскинулся по обеим сторонам горной речушки. С двух сторон крутые отвесы гор. На многие десятки верст тянется зеленое устье, но нет в нем признаков людского обитания. Устали люди, утомились лошади, пока нашли 7 юрт на ровном зелено-желтом откосе. Долина раздалась немного в сторону. На пять — шесть верст раскинулся суховатый луг, к реке спускается заброшенная канава, и у этой канавы сидят люди. Скот начисто обьел траву — скоро придется людям складывать свои юрты и выючить их на мычащих быков.

Нас четверо, приехавших с Колбы в эту долину, и мы жадно слушаем, что говорят про нас горцы.

— Платят они за все, что берут у киргизов — рассказывает тихонько про нас проводник.

— Что ж, торговцы?

— Нет, говорят все, а потом пишут. Четвертый — самый молодой — тоже пишет, но так, что потом все на бумаге видно: ло-

шадь пищет—выходит лошадь с гривой и хвостом, и головой, и четырьмя ногами. Человека пищет—весь человек выходит, даже можно сказать, какой человек: Джангибай, Куль-Назар или Игам-берде.

На Итагаре стали мы отдыхать. Сняли тюк, поставили палатку. Пошли с киргизами чай пить. Принесли конфет, сахару. Роздали киргизским детям. Хозяину чай дали, хозяйкам—ситцу. „Конечно, торговцы“—решили горцы. Приготовились киргизы скот продавать. Пришли со всего аула.

— Кормы хорошие в этом году—говорят.—Баран жирный ходит, жирный и дорогой. Теперь за 10 рублей нельзя барана купить, и барашек рублей 8 стоит.

— Хороший скот—говорят.

— Что ж, одного барана продайте: все равно есть надо—отвечаем.

Только одного барана? Удивились, думают—„хитрят русские“... Ладно, тащут самого жирного.

— Пусть будет соиш.

На глазах у гостей делают соиш. Кровь спустили в деревянное блюдо, сдирают шкуру.

Жарят каурдак, варят барана в котле.

— Куда путь держите?—спрашивают.

— На Сусамыр, потом в Фергану.

— Зачем же в Фергану через Сусамыр? С Итагара прямой путь есть.

— Посмотреть хотим, как киргизы живут.

Качают головами, недоверчиво улыбаются и на баранов разговор переводят.

— Ты только посмотри какой баран, жирный, большой!

— А нам все равно, какой баран.

Решили угостить кумысом. Принесли, наливают.

Крепкий итагарский кумыс. Шьем, радуемся. Выплеснул кто-то остатки из п्याлы на землю. Хозяин нахмурился—разве можно кумыс на землю лить?—несчастье будет...

Подоспел каурдак. Едим по киргизски. Один из нас ложку принес, ложкой ест. Хлеба попросил. Какой хлеб? Разве каурдак с хлебом едят? Принесли баурсак, однако. Стал с баурсаком есть. Возьмет кусок, жир с ложки сольет, кусок сухой в рот положит. Смотрел, смотрел хозяин, видно совсем нехорошо ему стало.

— Не цените вы баранов, жира не любите; совсем дешево хотите баранов купить!

— У вас есть здесь мананы?—спрашиваем.

— Нет—отвечает сердито—у нас манапов. На Сусамыре встретите... Керим-бай как раз праздник делает, той.

Как услышали о Керим-бае, оживились мы.

— Керим-бай разве еще на Сусамыре? Когда же у него той начнется?

— Через два дня. Много народа будет, большой той.

— Хотим к Керим-баю ехать.

Отговаривает хозяин.

— Праздник у Керим-бая, много баранов для народа нужно: совсем дорогие бараны станут.

Смеемся мы.

— Ну, что-ж поезжайте на Сусамыр, покупайте дорогих керимбаевских баранов, если вам дешевые итагарские не нравятся... Совсем скучный стал хозяин.

Под утро свернули мы палатку, заседлали лошадей.

— Ну,—спрашивает хозяин—и по 10 рублей не хотите баранов? Можем по 8 рублей отдать?

— Нет, мы баранов не покупаем. За соиш благодарим, вот тебе подарок. А баранов нам не нужно.

— Разве вы не купцы? Чем же вы торгуете, если не баранами?

— Вовсе не торгуем. Ездим по кочевьям и смотрим, как киргизы живут. Потом пишем об этом.

„Догадался“ хозяин.

— „Тюря“, вы, наверное? налоги собираете?... Совсем, совсем мало баранов осталось: зимой подошли и волк поел. Скоро придется джалче сделаться у какого-нибудь бая...

Подарки взял, а от денег сначала отказался—разве можно от „тюря“ деньги брать? а потом взял и деньги, как подарок...

Долго вслед смотрели киргизы, как уезжали мы к Сусамыру. Смотрели и думали, вероятно,—„хитрые тюря стали, совсем трудно жить бедному киргизу“.

III.

Сусамыр не таким представлялся. „Зеленый ковер, усеянный цветами“—писал Семенов-Тяньшаньский. Но он был здесь весною. А летом Сусамыр—унылая и пустая зеленая долина. Пусть к Сусамыру тянутся мечтами все киргизы,—для тех, кто не сроднился со скотом, Сусамыр лишь пастбище, хотя и большое. А человеку на нем не так то уж весело.

В течение целого года Керим-бай подготовлял праздник обрезания двоих сыновей. Заготовлялась мука, рис, чай, сушеный урюк. К лету 1925 года Керим-бай согнал на Сусамыр весь скот и, вопреки обыкновению, оставил за собой джейлау на правом берегу р. Сусамыра. Джейлау этот Керим-бай несколько лет сряду сдавал в аренду киргизам из рода кошчи, получая определенное количество баранов. Но на этот год джейлау нужно было ему самому. Не то, чтобы здесь корм для скота был лучше других мест—для Керим-бая нужен был не корм: ему необходимо было большое и ровное место, на котором можно было бы устроить праздник и „байгу“ (скачки).

Из за этой долины праздник чуть было не сорвался: род кошчи обиделся, что у него отняли джейлау, и решил отомстить.

В начале лета по всем кочевьям и зимовкам киргизов горного района стало известно, что той начнется 15 июля и продолжится 10 дней. На той приглашались все желающие. К празднику стали готовиться. Копили во всех аулах кумыс, приготавливали подарки. Когда стало известно, что Керимбай решил порадовать всех своей щедростью и выписывает из Мерке труппу акробатов—нетерпение охватило зажиточных киргизов, у которых было на чем поехать на той; женщины надоели мужьям просьбами, чтобы и их взяли на праздник. Некоторые мужья так и сделали; взяли своих молодых жен с собою, оставив байбиче хозяйничать в юртах. Но кое-кто поступил иначе—на праздник решил поехать

Рис. 18. Празднества на Сусамыре.

с мужчинами, а женам предоставил право ехать вместе с другими женщинами из аула, отдельно от мужчин. Из больших аулов выехали две группы—мужчин и женщин отдельно.

Акробаты из Мерке, составили целый поезд на быках. Десять мужчин—узбеков, навьюченные трубами, барабанами, флейтами, потопяли быков, везших длинные бревна и связки канатов. Приехав на Сусамыр, акробаты из бревен и палок стали сооружать странную постройку: не юрту, не русский дом, а что то вроде громадных ворот, на которые натянули канат. Большая мачта из двух жолов высоко поднялась к небу; на этой мачте наверху прикрепили перекладину и повесили трапецию и кольца. От верхушки мачты опустили канат, который под углом в 45 градусов спу-

скался на землю. Чтобы по середине канат не прогибался, его подперли крестовиной из двух высоких палок.

На этом приготовлении акробатов закончились. Мачта интриговала, канат („какой толстый аркан!“) щупался, но никто не знал толком, для чего нужны такие странные приборы.

VI.

За несколько дней до праздника число юрт возле становища Керим-бая стало заметно увеличиваться. Приезжали близкие родственники—братья, сестры, старшие сыновья—все кочевали с юртами, только скота не гнали. Керим-бай поставил с десяток пустых небольших юрт для гостей, разбил свой бухарский шатер; народу ожидалось много—на всякий случай невдалеке от шатра натянул и еще одну большую белую палатку. Для приема гостей все было готово. Одежда, ковры и кошмы расположены были в юртах и палатках, подушки лежали в почетных углах.

Накануне 15 июля прибыло сразу большое количество гостей. Все помещения оказались занятыми. Сородичи Керим-бая из рода саяков и его друзья из рода мачак подтянулись со своими юртами поближе, расположившись в полуверсте. Кто из гостей не поместился в юртах Керим-бая, останавливался поблизости у его родственников и, просто, у соседей. Так поступили и мы.

Всюду резали баранов на соиш гостям, жарили каурдак, варили шурпу. Кумыс наливался в большие п्याлы, ходил в круговую непрерывно. От него веселили гости, сидели довольные, красные, отяжелевшие. Новостей, новостей свезли они со всех концов Киргизии! Из юрты в юрту переходили, всюду их ожидали с смешанным чувством радости и боязни. Потому, что каждому хотелось узнать новости из первых уст, видеть у себя почетных гостей, но не каждому улыбалось резание баранов и истребление такого редкого в семье киргиза угощения, как баурсак и сушеный урюк. Но гости ходили, бараны жалобно блеяли перед соиш, а хозяева, примиренные с неизбежностью расходов, сидели удовлетворенные беседой с „большим“ человеком.

V.

• 15 июля, Керимбай совершил „той“ над обоими сыновьями. Сигнал к празднеству был дан, затрубили фанфары музыкантов-узбеков; народ, которого съехалось уже свыше 1500 человек, приготовился к зрелищам. Но... зрелища не начинались.

Род кошчи не медлил. Среди его „больших“ людей был „сам“ заместитель председателя областного исполнительного комитета. Бумага из Пишпека в Желалабад, из Желалабада—в Кетмень-тубе, из Кетмень-тубе—на Сусамыр. Старший милиционер прискакал с запиской, написанной наснех карандашем, без печати, без номера. „Так как праздник, устраиваемый Керим-баем без соответствующего разрешения властей, грозит неисчислимыми бедствиями беднейшему киргизскому населению, режущему для уго-

щения гостей баранов и отвлекаемому от хозяйственной жизни, то таковой праздник запретить, а сборище людей распуснуть". Начальник районной милиции, имя рек.

Бумага пришла не одна. В тот же день приехал помощник прокурора Джелалабадского округа, Мамашев, со своим секретарем: „на предмет производства дознания и, если это будет нужно, ареста зачинщиков“. Помощник прокурора принял угощение, потолковал, что-то получил и через несколько часов уехал на лучшем сером жеребце Керим-бая, а его секретарь на веселой гнедой кобыле (тоже керимбаевской). Старший милиционер, однако, не уезжал, угощаться не хотел; но так как он один „распуснуть“ сборище людей никак не мог, то ограничился тем, что разрешив музыкантам играть, запрещал акробатам показывать свое искусство.

Ждали день и другой. Милиционер был неумолим.

Тогда Керим-бай послал парламентаров в род кошчи. Их выслушали, благо зампредоблисполкома как раз приехал на кочевье в отпуск (о, только, как частное лицо!), обещали дать ответ на другой день.

Музыканты надрывались на правом берегу Сусамыра, трубя в фанфары; а род кошчи собирал вечером на левом берегу реки свой „маслагат“. Совещались, подсчитывали. На другое утро кошчи решили идти на мировую, и весь род прибыл на праздник Керим-бая в полном составе. Встречены были торжественно; подсчеты предоставили своим вождям. Так и помирились. Ар-баев (только, как частное лицо, но и, между прочим, как зампредоблисполкома...) взял на свою ответственность продолжение праздника. Милиционер усакал в Кетмень-тюбе. Еще два дня—из Кетмень-тюбе—сам начальник милиции с помощником. Необходимые совещания с Керим-баем, рукопожатие с Ар-баевым, темный жеребец из табуна Керим-бая под начальником милиции (чтобы только доехать до следующего пункта)—и начальства больше нет.

VI.

В это время празднество шло своим чередом. На другой день после тоя младший мальчик (3 лет) был посажен впервые отцом на коня. Клятвы отца закончились горячим пожеланием сыну „бороться за советскую власть“, как это делал сам Керим-бай; „быть коммунистом“...

Объехав всех близких родственников, мальчик получил в подарок жеребят, телят, верблюжат, барашков—целое хозяйство. Довольный, с разгоревшимися глазенками сидел он на лошади, привязанный к седлу со всех сторон. Кокбар? он едет на кокбар. Байга?—не прочь и на байгу, чтобы принять самое деятельное участие. Но лошадь стоит растопырив ноги... Ее никак нельзя продвинуть вперед, не то, чтобы скакать. Нет, такая лошадь ему не нравится. Он сердится, хнычет, его снимают с седла; через минуту, герой с перемазанной каур-аком рожицей выглядывает из за спины сестренки, удивляясь нашему одеянию.

Гости все прибывали, на третий день их было больше 2000 человек. Приехали не только сородичи Керим-бая—из всех родов киргизов есть представители. Даже казаки (киргизы-казаки) прибыли большими группами, в стройных колоннах верховых фигур. Мужчины в темных халатах едут джургой, подхлестывая время от времени своих лошадок. За ними три верблюда, завьюченных коврами, кошмами, хозяйственной утварью, пестро разукрашенные выступают на коротком поводу. Здесь подарки Керим-баю. Лошади без седоков, но оседланные или в пополах, жеребята, барашки—все идет в дар устроителю тол. За подарками—конная колонна женщин. Синие пятна платьев, белые высокие головные уборы и ярко разукрашенные седла. Навстречу гостям несутся молодые саяки. „Рче“ гнусаво поет приветствие, которого никто не слушает; поворачивает свою лошадь и, встав во главе колонны гостей, провожает их к палатке Керим-бая. Гости слезли с седел. Им не надо заботиться о лошадях: услужливые руки джигитов и, просто, бедняков из родственников Керим-бая уже вяжут коновязи. Мужчины здороваются с хозяином, женщины проходят к хозяйке. Кумыс разливают в пьялы, гостей рассаживают на кошме подле Керим-бая, а кто не поместился, тех уводят в палатку и шатер; на глазах у всех торжественно режут барана. Все без обмана, по обычаю.

— Эй, угостите там гостей получше, да так, чтобы они помнили Керим-бая!—хвастливо кричит богач.

Подносы с баурсаком и сушеным уроком стоят перед гостями. Даже кусковой сахар наколот мелкими кусками и лежит подле. Осторожно каждый берет щепотку, сосет, запивая чаем. Угощение необычайно щедрое, но дальше—еще лучше. За каурдаком, сделанным на скорую руку, опять кумыс, который пьют медленно и бережно, чтобы не пролить ни капли.

VII.

Беседа тянется медленно, без лишних слов. Говорят старшие и богатые. Остальным хорошо и послушать. Только на вопросы знати отвечают они; скажут, что необходимо, и замолчат. Керим-бай—туша, пудов в 10 весом, жарится на солнце в теплом халате и резиновых галошах на ногах. Ему трудно встать. Лицо, почернело от загара и прилива крови. Но хитрые маленькие глаза, цвета которых никак не определишь—только начинаешь смотреть, а они уже скрылись в жирных веках—испытующе просматривают гостей, одного за другим. Вот заерзал, пробует привстать. Повернулся, насколько мог, к кому хотел, и начинает кричать. Дело разбирает. Ругается, стыдит, отвернется на минуту—совсем уж замолчал, нет, опять убеждает криком. Гость терпит, молчит. А когда не в моготу, подбирает свою камчу (нагайку).

— Хорошо—говорит—Керим-бай! Сделаю.

Суд кончен. Так, между делом, судит Керим-бай, ожидая пока сварится баранина для гостей. Одни гости и после суда терпеливо

ждут баранины, а другие встают и смущенно уезжают. Удерживать гостя не нужно—значит дело есть; без дела разве кто от угощения уедет? -

Мясо сварили, несут. На деревянных блюдах подают гостям. Джалчэ несет узкогорлый медный кувшин с водою, чтобы омыть гостям руки. Льют по капелькам, вытирают о скатерть. Самый знатный запускает первым руку в блюдо и вслед за ним торопливо лезут руки остальных. Когда более важные гости поели, блюда переходят поближе ко входу в палатку, где сидят люди победнее. Они доедают остатки. За вареным мясом—шурпа. Большая пьяла переходит из рук в руки. Ее пригубливают, пока не осушат: каждый по одному глотку. Жирные руки вытирают о жидкие киргизские бородки, потом о голенища сапог. Угощение кончено. Гости прощаются с хозяином. А на смену им прибывают новые.

Кто думает, что принимать гостей в течение 10 дней непрерывно, вплоть до захода солнца, приятное дело, тот жестоко ошибается. Но у бедняков сиденье Керим-бая вызывало зависть.

— Десять дней сидит, может все время пить кумыс, есть мясо. Совсем, как в раю!...

VIII.

19 июля акробаты стали „работать“. Акробатов то, в действительности, оказалось не так много: один, а остальные—музыканты и конферансье. Кольцо всадников охватило место, где работают акробаты. Поближе к мачте пешие расположились на земле, поджав ноги и полулежа, а у самой мачты, окропленной кровью жертвенного барана,—группы женщин в белых навитых клубках.

С раскрытыми ртами ждут зрелища. Акробат взял в руки длинный шест, выверяет на руке его середину—у зрителей ропот одобрения. Но это еще не самое главное. Акробат становится на нижний край каната, бросает на землю шест и быстро подтягивается на руках до верха крестовины. Зрители замерли. На крестовине поднялся во весь рост, требует с земли шест. Слегка нагнулся, уравновесил шест (как балансир), тронулся по канату. Зрители довольны. Руками показывают соседям на акробата.

Они думают, что акробат будет непрерывно восходить по канату—нет, он уже остановился, покачивается, отступает. Зрители взволнованы: что с ним?

Хорошо, что есть „конферансье“. Упитанный узбек воющим голосом поясняет, что акробатика—не ремесло, созданное человеком, а дар свыше. Акробат свое искусство „получил непосредственно от мученика, зятя Магомета, Гали, чьей кровью забрызган столб у мачты...“ Это святое искусство и, потому, без помощи бога акробату трудно работать.

— Что с тобой?—спрашивает конферансье.

— Дует ветер. Помолитесь, чтобы перестал!

Можно ли отказать в таком благочестивом предложении? Конферансье громко читает молитву и просит зрителей его поддержать.

— Белль! (аминь)—кричит акробат.

Вот он снова двинулся, пошел. Но через два, три шага ветер, очевидно, задул с новой силой. Акробат отступил.

Внизу нет ни малейшего дуновения, жарко. Но кто знает, что делается там, наверху? Очевидно, там дует страшный ветер, иначе не призывали бы зрителей молиться во второй раз. Все снова молится.

— Ах! — догадывается конферансье — одна молитва не поможет. Нужны жертвы. Не забудьте, что все, что вы пожертвуете, идет непосредственно на святое дело. Кто из вас, женщины, хочет иметь детей, избавиться от болезни, получить хорошего мужа — жертвуйте на святое дело, в память нашего мученика, Гали. Ничто не проходит даром: кто жертвует, тот и получает.

Несколько женщин, одна за другой, подходят к конферансье. У одной халат, у другой — большой платок, у третьей — мужская теплая шапка. Несут и деньги. Все принимает конферансье, складывает в кучу.

— Вот эта женщина — указывает на принесшую халат — сделала великое дело. Она хочет ребенка, он у нее будет!...

Женщина плачет от радости. ✓

Когда жертв больше никто не несет, акробат пробует двинуться вперед. Ветер, вероятно, прекратился: успешно идет „артист“ все выше и выше, пока не доходит до перекладкины. Там он садится отдыхать.

И зрители отдыхают. Их немного утомило это головокружительное восхождение. Обсуждается изумительная работа акробата. Стараются догадаться, что будет дальше.

После многих помех, во время которых приходится читать снова молитвы, а женщинам приносить скромные жертвы (мужчины даже торопят их криком, если они долго мешкают), акробат делает два вольта на трапении, поднимается, опускается на руках и громко кричит: „белль!“ (аминь).

Представление кончено.

На восхождение по канату и два номера на трапении ушло полностью все отведенное акробатами время — от 8 часов утра до 3 часов дня...

— Вот это работа! — говорят горцы.

Кто еще не видал, тот хочет посмотреть, потому что не верит, как можно делать такие штуки.

Оркестр играет персидский марш, трубит узбекский свадебный туш, потом — самую патетическую пьесу: „Ах, зачем эта ночь так была хороша“. Весь репертуар сыгран. Если нужно, он повторяется сначала.

Когда к „ветру“ зрители немного успели привыкнуть, артисты выпустили (на третий или четвертый день) „Петрушку“, особого узбекского, целью которого было такое же наивное и откровенное вымогательство подарков и денег.

IX.

Узбекские „артисты“ не одиноки. Праздник привлек и других охотников использовать религиозное чувство. Дервиши¹⁾—закаленные по отношению к зною и холоду, уже воткнули свои посохи недалеко от центральной палатки. Они никого не призывают, как будто даже и не замечают. По места их остановок всегда на проезжей дороге, на самом виду. Заглядишься в сторону—того и гляди об них споткнешься. Правильные черты лица, темные глаза, сосредоточенно смотрящие куда то внутрь себя, небольшое стройное тело и убогая одежда—вот облик дервиша. Он—воплощенная скромность.

За небольшую „жертву“ дервиш готов сходить—в ад и в рай (по вашему желанию) и подробно узнать там обо всем, что вас может интересовать. Для нас он готов был все это проделать полностью—за 30 копеек. Не успел дервиш хорошенько расположиться, как вокруг образовалась живая цепь из пеших и конных киргизов, всем хотелось посмотреть бесплатное зрелище—ведь за него уж уплачено другими. Стало душно. Круг все сближался, лошади насккивали сзади на сидящих внутри; в ход изредка, но совершенно добродушно пустились нагайки. Дервиш уселся на скрещенные ноги. Тело его раскачивалось мерно справа налево, руки, согнутые в локтях, двигались в такт, голова дергалась.

— Ах!.. и ях!.. ах!.. и ях!.. ах!.. и ях!.. ну! ну!..

Он вздыхал, истерично икал, вскрикивал. Дергался все быстрее, глаза совсем закатились, из уст вырывались вскрики, перемешанные с предсказаниями и курьезными описаниямирая. По внешности—дервиш был в полном иступлении. Не случись небольшого события, мы ушли бы с такой уверенностью.

Внезапно, одна из лошадей позади дервиша вдвинулась в круг. Ее осадил нагайкой—но дервиш уже был на ногах. Он с испу-

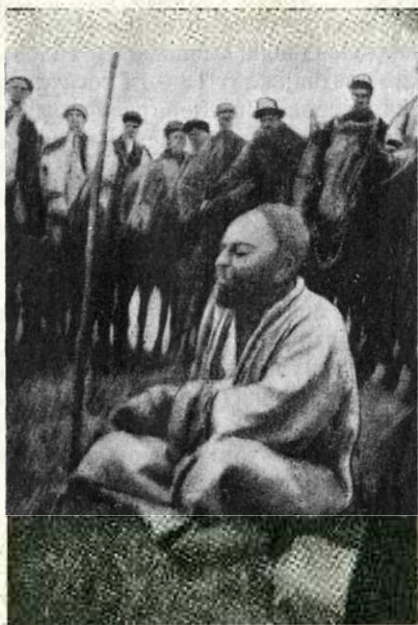

Рис. 19. Дервиш.

¹⁾ Бродячие монахи, подвижники.

гом оглядывал стоящих, боясь что другая лошадь наскочит на него. Убедившись, что „инцидент исчерпан“, дервиш сел и „впал в транс“... Но зрители не могли успокоиться. Хохот затихал и снова усиливался—„исступление“ дервиша больше никого не трогало. Подергавшись еще несколько минут, дервиш затих. Лицо не выражало ничего, кроме уверенности в том, что его упрекнуть не за что. Он честно отработал полученные деньги.

X.

Праздник проходил без всякого разнообразия. Ежедневно с утра „работали“ акробаты, потом проходила байга и до позднего вечера шел кокбар. В первой байге молодые лошадки — почти жеребята—бойко скакали на протяжении трех верст.

Сначала поднялось вдали небольшое облако пыли, потом совсем близко завиднелись лошадиные головы, напряженно вытянутые. Мальчики-наездники лет 13—14 согнулись к самым шеям лошадей. Громадная толпа зрителей, расположившаяся на конях по обеим сторонам дороги, заволновалась. Кто выскакивал на дорогу, того нагайки и палки людей, смотревших за порядком, возвращали на прежнее место. Когда наездники совсем приблизились, напор толпы сломил цепь охранявших порядок. Щель между обеими шеренгами конных зрителей сделалась такой узкой, что через нее могло скакать одновременно не больше одной, двух лошадей. С свистом и гомоном из толпы зрителей выскочили родственники наездников, большую частью подростки (были и взрослые), и окружив тех, кому хотели помочь, тянули скакавших лошадей за хвосты и гривы, били их, понукали... Лошадки делали последние усилия. Скачка стала бесптолковой: издали казалось, что наездники скачут не на лошадях, а на телятах—такие утомительные и неуклюжие прыжки делали измученные животные.

Громкий общий крик показал, что скачка закончилась, хотя все еще продолжали скакать, разбредаясь по полю. Победителя окружила плотная толпа зрителей—каждый хотел его посмотреть. Лошадей покрывали попонами, водили под узцы. Потом медленно народ стал разъезжаться—кто куда. Дым вился из всех отдушин юрт—гостей ждали с обедом. Поле пустело часа на два.

XI.

...Трапеза всюду закончилась, когда около юрты Керим-бая собрались новые группы. Все кричали разом, толкались на лошадях, разъезжались и снова съезжались. Требовали козла.

Зарезали козла. Гомон смолк. Участники кокбара поскакали на открытое место. „Дерущие козла“ делятся на две партии—на этом празднестве партии образовались сами собою: род саяков на одной стороне, род кошчи—на другой. Кто отнимет козла, тот будет победителем. Призами были бараны, телята, а в последние дни праздника—и лошади, и верблюды. Призы давал Керим-бай. Приз шел не победителю, а его роду в целом. Поэтому выигреш

расценивался, как победа или поражение всего рода. Никто не хотел дать свой род в обиду—даже отдельные коммунисты из этих родов; о возрасте же участников и говорить не приходилось—каждый, у кого лошадь могла выдерживать непрерывную скачку и потасовку в течение нескольких часов, принимал участие в игре. Только бедняки, с слабосильными лошадьми-жеребятами, держались в стороне.

Зарезанный козел переходил от всадника к всаднику на всем скаку: его вырывали, били, мяли. Нередко козел падал на землю, под ноги лошадей. Конные игроки не жалели ни себя, ни лошадей. Сгрудившись, они отчаянно боролись, вырывая козла у противников. Потом конная толпа сразу металась в сторону, неслась, скакала через ямы и неровности. Где-нибудь около горного ручья части противников удавалось обскákat наперерез своих „врагов“, захвативших козла. Минутная заминка, борьба; толпа подтягивалась, сбивалась в кучу, входила в ручей и здесь, по колено в воде, лошади оттесняли друг друга, а всадники изо всех сил тянули несчастного козла. Козел вырван. Новая скачка, новая схватка. Так до позднего вечера. Победителем считался тот род, которому удалось бы довести козла до своего становища или доскакать до Керим-бая и бросить козла к его ногам. Козел к концу состязания вздувается, чернеет, от частых падений у него ломаются все кости—словом, вместо козла у победителя в руках зловонный куль. Это не мешает тому, что козла после состязания кладут в котел, вокруг которого собирается молодежь, рассказывающая в ожидании мяса по очереди друг другу страшные сказки.

Ежедневно, часов с 4—5 вечера до поздней ночи, а в лунные ночи и до захода луны, продолжается кокбар. С каждым днем число участников кокбара увеличивается, потому что призы делаются крупнее. Последний кокбар так и не закончился—победителей не оказалось и приз был поделен пополам.

XII.

20 июля в праздник внесли небольшое разнообразие певцы-„рчи“. Их собралось около полудесятка—и все известные, „все-киргизские“ знаменитости. Несмотря на „известность“ певцы держатся заискивающе, подхалимски. По сравнению с дервишем, который спокойно сидит у дороги, делая вид, что не интересуется совершенно окружающим, рчи производят впечатление попрошаек. Они угодливо хихикают, трутся около богатых, подобострастны, льстивы.

Собрав вокруг себя большую толпу конных зрителей, один из таких певцов верхом подъезжает к ковру, на котором сидит Керим-бай. В руках у певца „чертмек“ (род домры, с тремя струнами, на которой играют, как на балалайке). Высоким голосом певец поет словословие Керим-баю; после каждого куплета—то-ропливое подыгрывание на чертмеке.

— „Среди высоких гор и зеленых долин живет один богач.

О, Керим-бай!

Имя его известно по всей Киргизии.

О, Керим-бай!

Он устроил той для своих сыновей.

О, Керим-бай!

На тот той пригласил гостей со всех концов.

О, Керим-бай!

Съехались гости со всех концов.

О, Керим-бай!

С Таласа и Нарына. Из Пишпека и Ферганы.

О, Керим-бай!

Приехали казаки из степей, приехали тюря из городов.

О, Керим-бай!

Приехали акробаты из Мер-
ке.

О, Керим-бай!

Заплатил Керимбай акроба-
там 400 рублей.

О, Керим-бай!

Зарезал для гостей он 100
баранов.

О, Керим-бай!

Славословие продолжа-
лось в том же духе более
получаса. Певец, подобо-
страстно изогнувшись на
лошади, все хвалил и хвалил
Керим-бая, а тот сонно смо-
трел на лошадей и певца.
Песне не было конца.

Внезапно, послышался
гнусавый голос другого пев-
ца. Это был еще более из-
вестный „рче“. Правильные
рифмы так и чеканились,
сменялись, чередовались. Пе-
вец был, поистине, масте-
ром своего дела. А пел он

Рис. 20. Певец „Манаса“ (на лошади).

о том же: о баранах, о щедрости, о богатстве... Оба певца пели
одновременно. Первый не хотел сдаваться и хрипел, второй нето-
ропливо, но уверенно гнусавил. Наконец, первый певец сдался.
Поле состязания осталось не за ним. Второй певец продолжал
рифмовать, но вскоре тоже устал и замолк.

Киргизы ждали продолжения состязания. С лошади слез чело-
век, при виде которого среди зрителей пронесся шопот—„певец
Манаса“ („Манас“ поэма, в которой описана природа и быто-
вая жизнь киргизов). Ждали что певец запоет, но он молчал.

Этот дороже ценил свой труд—он пел только по приглашению и за плату.

Толпа начала понемногу редеть. Керим-бай сказал несколько слов приближенным. Первый певец сошел с лошади, вынул из за пазухи „кыяк“ (своеобразную скрипку, похожую на небольшое корытце). Звук был хороший, чистый. Не было только вибрации, а то можно было бы сравнить его с настоящей скрипкой. Музыкант проиграл несколько кашгарских песенок. Очень мелодичны были эти песенки—отголосок далеких горных долин. Каждая песенка была своеобразна, хотя все построены в виде куплетов. От кашгарских песенок музыкант перешел к имитации различных звуков: вою коров, детскому лепету, крикливой ссоре двух жен-

Рис. 21. Рчѐ играет на кыяке.

щин, женскому плачу. Публика воспринимала имитацию, как чудо. Ей казалось, что скрипка, как уверял музыкант „говорит“. Певец добился своего—соперников у него больше не было, никто не хотел состязаться с ним в игре на инструментах. Наградой победителю была большая пьяла... кумыса.

XIII.

Звук фанфар отвлек зрителей от музыканта. Началось снова представление акробатов. Но акробатам не надолго удалось привлечь внимание к своей „работе“. Какой то пожилой киргиз, про-

скавав возле толпы, перекувыркнулся на седле. Стал на седло, вверх ногами и, держась за луку, пустил лошадь вскачь. Следом за ловкачем помчались зрители. Они гикали, били нагайками его лошадь, попадало и ему самому. Громадная толпа неслась вокруг и вслед; поднялась сутолка и давка такая, что джигитовка сама собой прекратилась. Опять заработали нагайки. Толпа расступилась, но как только ловкач сделал на своей лошади несколько скачков, давка увеличилась. Людская каша мешала какой бы то ни было программе. Все сбились, кричало, упрекало друг друга.

Акробаты остались одни, даже женщины побежали посмотреть, что делается на поле. Люди беспорядочно толкались туда и сюда — ничего не ладилось.

В стороне, над группой человек в 20, поднялись в воздухе нагайки. Зрители бросились туда. Вокруг дерущихся образовалась плотная стена. Никто не вмешивался, все глазели. Посреди кучки всадников извивался, закрывая халатом свою голову, пеший человек. Его били по чем попало.

— Что такое? Кого бьют?

— За калым избивают. Обманул, не внес...

— Нет! жену отобрал...

— Не он, а у него жену отобрали...

Вмешались комсомольцы. Нагайкой по одной голове, нагайкой по лицу, по чьей то руке. Стало тише. Все хотят поскорее выехать из круга.

— Стой! Арестован. Эй, ты, в синем халате, слезай с лошади!

Уселись в кружок, разбирают. Нашли виновного.

— Подожди, в тюрьме будешь. Идем к палаткам!

Ведут мимо Керим-бая арестованных. Неприятно Керим-баю — на его празднике и арестованные. Дознается, в чем дело.

Просит дать ему на поруки. Комсомольцы спорят — только до субботы. Как праздник кончится, так увезут в Джелалабад. Соглашается Керим-бай. Ах, неприятно богачу. На его празднике и арестованные.

Кричит, ругает человека в синем халате.

— Зачем жену отобрал? Зачем бить стал? Отдай ему жену или калым!

Не хочет тот, противится.

— Последний ты киргиз! Обычаев не признаешь, манапов не уважаешь...

Ругается Керим-бай последними словами, срамит при всем народе. Стыдно стало.

— Хорошо. Калым отдам.

Избитый, у которого жену отняли и побили за то, что богачу падодал, сидит на уголке керимбаева ковра, слушает. „Куда как умнее Керим-бай большевиков. Пристыдил богача, калым отдаст. Как пастух, манап при стаде людей — разве можно без него народу?“

Комсомол хмурится. Но Керим-бай что то пишет, что то приказывает. Лица яснее. Уходят.

XIV.

И на другой день, 21 июля, все то же. Акробаты, байга (только лошади постарше), кокбар до ночи. А в перерывах—угощение.

Ест народ, пьет кумыс, смотрит на зрелища. Керим-бай устал сидеть.

— Дайте лошадей!

Разве есть лошадь, которая поднимет Керим-бая? Весной двум лошадям спинной хребет сломал. Ведут, однако, лошадь. Осторожно двое подсаживают. Лошадь гнется, пятится. Тронул. В одной руке камча, в другой торба с махоркой. Керим-бай сам будет махорку народу раздавать. Шагом объезжает народ, сыплет в ладони махорку. Щедрый хозяин, богатый хозяин,—о, Керим-бай!

Устал и лошадь еле идет. Снимают, снова сядят на ковер.

С поля несутся конные толпы—что случилось?

— Лошадей давай, верблюда давай!

За призом пришли саяки—победители.

Два рода боролись сегодня; „палванов“¹⁾ выставили самых лучших, чтобы на конях померяться силами. Сцепились борцы. Лошади кружатся. Богатыри дают друг друга тесными объятиями—как бы другого с седла стащить. Крепко держатся оба. Раз сошлись. Один потащил посильнее—лошадь дернулась вперед, за собой увлекла противника. Тащит его богатырь через все поле, а с седла стащить не может. Разошлись. Второй раз сошлись. Столкнулись, потоптались, один упал.

Весь род с места снялся. Понеслись к победителю. Везут его к Керим-баю.

— Давай лошадь, давай верблюда!

Керимбай доволен—его род победил. Снова угощение, кумыс, баранина.

Медленно тянется беседа. Степенно задают вопросы богачи, остальные отвечают. Потом старики обсуждают новости: зачем приехали новые „тюря“?

Это о нас.

— Да, странные „тюря“. По празднику пешком ходят. Седла у них из кожи, а сапоги из маты.

XV.

Еще два дня тянется праздник, такой же, как в прежние дни. С утра приезжают гости к палаткам, с утра до поздней ночи мучат лошадей. Неприлично пешком ходить—всюду верхом (хотя бы и езды было несколько минут). Приехали койчэ на праздник

¹⁾ Богатырей, молодцов.

на волах и коровах верхом. У кого оседланы, стремена висят; у кого и без седел. По вечерам малаи и джалче везут на верблюдах и волах кустарник для очагов. Тянутся животные по дорогам, ветви скребут землю. Люди с завистью смотрят на скачущих гостей, дымки под казанами. Мачты акробатов вызывают удивление. Вот, посмотреть бы!

23-го июля акробаты дали последнее представление. Началось опять с восхождения по канату. Молились, собирали жертвы. В перерыв выпустили „петрушку“. Все идет вяло—утомился народ. Часа в 2 дня закричал узбек громко, чтобы молились все за акробата, так как тот сделает самое большое чудо.

На перекладине наверху мачты акробат подвизал трапецию—убрал. Сел на перекладину, в руки кольца взял. Стал одно кольцо к ноге привязывать. Внизу все молились.

С полчаса привязывал—крепко, накрепко. Крикнул „белль“ и кинулся вниз головою. Не дал погибнуть Аллах правоверному—удержал за привязанную ногу: так и повис...

Киргизы не могли притти на себя от изумления.

— Повис! Ах, хорошо, ах, хорошо...

Такого чуда не было еще на Сусамыре.

Акробат подтянулся к шесту и освободив ногу спустился вниз. Представление кончилось. Внизу „конференсье“ озлобленно говорил, что киргизы жадны и не поддерживали святого дела, что их халаты и шапки гроша ломаного не стоят. Народ спешил разойтись.

Через час на поле боролись женщины—на конях. Потом двое паршивых (с обнаженными головами, изъеденными паршами) избивали друг друга кровавыми бараными легкими. Легкие разодрались в клочки, измазали лица и жалкую одежду бедняков-борцов, но оба остались на ногах. Так и поделили приз между обоими.

Съехались двое палванов, закутанные с головой в войлок и халаты; у каждого в правой руке было по тупому копыю. Сшиблись на всем скаку—один из седла вылетел. Остался его противник победителем. Потом—байга с наездниками-женщинами. Затем кокбар, ожесточеннее прежнего—последний кокбар.

24 июля праздник подошел к концу. С раннего утра началась самая большая байга—на 30 верст. Измучились лошади, измучились мальчуганы-наездники. Остался приз за родственником Керим-бая.

XVI.

Днем мы устроили митинг. Тов. Файзи влез на лошадь и говорил про советскую власть. Помогает она крестьянам, дехканам, беднякам и середнякам киргизам. Налог берет с каждого по его имуществу—кто богаче, тот больше и платит. А деньги с налогов расходует на школы, устройство дорог, лечение населения. Говорят, что советская власть—сам народ, что другого начальства нет,

кроме того, который народ выбирает. Говорил, что взятки не только нельзя брать, но и давать не следует, что суд должен все делать бесплатно.

— Те, кто с вас берет взятки, кто требует соиш, не платит за постой и еду—все это грабители. На них надо жаловаться, их надо предавать суду!

Зампредоблисполкома, слушая, неодобрительно головой качал. А начальник милиции, тот прямо сказал:

— Зачем про нехорошее говорить? Вы бы им лучше про социализм, да коммунизм рассказали...

Смутились киргизы. Хорошо было бы, если бы „тюря“ правду говорил.

— Ты приезжай к нам, посмотри, что у нас на Нарыне делается—говорил один.—Мы тебя и кормить, и поить будем, только приезжай. Здесь—хорошо, у нас хуже.

Обступили оратора, каждый свое передать хочет. Но большие люди уже ушли. Ах, не лучше ли и другим киргизам будет уйти... Все в стороны поехали. К вечеру пусто стало на кочевье—киргизы потянулись домой. Ехали через аулы и зимовки—езде рассказывали про той у Керим-бая. 100 баранов сам зарезал. 10 кобылиц, 10 коров. В воздухе человек ходил, головой падал—не дал Аллах погибнуть правоверному—удержал за ногу. Приехали „тюря“ из Москвы. Седла и сумки кожаные, а сапоги из маты. Говорят, что милиционер не начальство, что взятки не то, чтобы брать—давать нельзя. За все, что „тюря“ съедают, должны деньги платить. Суд должен судить без баранов. Так говорили „тюря“ из Москвы. Говорили и уехали в горы. Седла у них кожаные, а сапоги из маты.

Керим-бай подсчитал свои убытки—много стоил ему той. Для киргизского народа он готов и на большие жертвы.

100 баранов зарезал Керим-бай, 10 кобылиц, 10 коров, 15 больших призов дал победителям и 20 малых. Давал не одними барашками, но и „тройками“ (баран, коза, жеребенок), и „пятерками“ (баран, коза, барашек, козленок, корова) и „девятками“ (верблюд, лошадь, корова, коза, верблюжонок, жеребенок, теленок, козленок и одна кобылица). Большие убытки. Из 500 подарков, привезенных гостями, мало что осталось. Но миловал, все таки, бог Керим-бая—по проверке скота на другой день после окончания праздников оказалось, что в стаде его прибавилось, по сравнению с прежним, 100 баранов, а в косяках—50 лошадей.

Уезжая с той мы встретили старшего милиционера, сидевшего на красивой вороной лошади.

— Не моя лошадь—конфузливо сказал милиционер.—Это Керим-бай комсомолу подарил. Не хотел тот сам ехать, приказал мне в Джелалабад довести.

Не часто бывают такие празднества, как керимбаевское. Последнее было семь лет тому назад.

Снова горы и перевалы. Тенистые ущелья, зеленые равнины,— все успело надоесть. Усталость сковывает тело; бросишься вечером на землю и хочется спать, спать. А утром сердито смотришь на проводника: не успел заснуть, а уж будят... Кочевьев нет вплоть до Кен-кула. В последний раз посмотрели у перевала на стройные ели—дальше их уже не будет. Яблони покрывают горы. Сквозь изъеденные временем утесы прорвалась река Гавасай в долину—вот поля, засеянные джугарой; роща грецких орехов. Горы позади. И вдруг забылась тяжелая езда, горная болезнь, голодовки, скучная жизнь киргизов—тянет снова в горы. Зовут назад чуть видные вдаль синие-белые вершины, а впереди—пыль, вздымаемая ногами лошадей, и растрескавшаяся от зноя серая земля.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр</i>
Предисловие	3
1. Пути сообщения в горном районе	7
Наш маршрут—7. Перевал Колба—8. Долина Итагара. Су-самыр—10. Река Нарын—12. Перевалы Тохталык и Кенкул—12. Долина реки Га-васай—13. Общие замечания о путях сообщения в районе—14. Безлюдье вдоль троп—15. Как составлена карта района—15.	
2. Хозяйственный аул.	16
Зимовки—16. Величина аулов—17. Родственный состав населения аулов—17. Переход на летовья (джейлау)—18. Юрта—19. Летние становища—20.	
3. Земледелие	21
Поливные и богарные (неполивные) земли—21. Посевная площадь аулов и ее распределение по хозяйствам—22. Агркультура—23. Охрана посевов—24. Земледельческие орудия—24.	
4. Скотоводство.	25
Виды скота—25. Подвожный корм—26. Овцеводство—27. Лошади—27. Крупный рогатый рабочий скот—28. Продукты животноводства—28. Молочное хозяйство—29. „Мало корма, много мух“—30.	
5. Сбор орехов, охота и другие промыслы	31
Сбор грецких орехов—31. Дикие фрукты—31. Отсутствие птицеводства—32. Охота, рыболовство—32.	
6. Пища	33
Молочная пища—33. Мучные продукты и способы их употребления в пищу—34. Мясная пища—35. Недостаток растительной пищи—36.	
7. Ремесла	37
Приготовление кошмы—37. Ткацкий станок—38. Ситец вытесняет мату—39. Исчезновение ремесленников в горных аулах—40.	

8. Бюджеты

Не обследование, а разведка—41. Группировка хозяйства—42. Бюджеты аула № 3—43. Типовые бюджеты—43. Количество рабочей силы—44. Количество скота—45. Данные о питании—46. Соотношение между денежной и натуральной частью расходного бюджета—47. Приходная часть бюджета—48. Хозяйства богачей-манапов—49.

Приложения: 1) Описание типичных хозяйств горного района—50. 2) Таблица расходной части киргизского годового бюджета—56.

9. Обмен и торговля 59

Базары горного района—59. Связь горцев с рынком—59. Отсутствие торговли на кочевьях—60. Торговые операции богачей-манапов—60. Необходимость дорог—61.

10. Классовое расслоение. 62

Скот, как средство производства—62. Уртачество—63. Распространенность его—63. Самообслуживание и наемная рабочая сила в хозяйствах разных типов—64. Подкармливание богачами бедняков—65. Отхожие промыслы—66. Основные классы киргизского общества в горных районах—66.

11. Семья и брак 68

Состав семьи—68. Кто распоряжается семейным имуществом—68. Калым и положение женщины—69. Байбиче—69. Дети—72. Развод, возврат калыма—71. Цель брака—72. До-брачная и внебрачная половая жизнь—73. Тамр—73. Разговоры о половых отношениях—74. Киргизская романтика—75.

Приложение: 1) Брак малолетнего—75. 2) Как уплачивается калым у богачей—75.

12. Остатки родовых отношений 77

Происхождение родов—77. Роды и волостное деление—79. Пережитки выкупа за кровь—79. Интересы рода—80.

13. Происхождение манапства 81

Первые исторические сведения о манапах—81. Поэма „Манас“—82. О чем говорят предания—83.

Приложения: 1) Предание о происхождении манапов (рода сарыбагыш)—85. 2) Второе предание (рода мачак)—86. 3) Предание о происхождении родов саяк—87.

14. Современное манапство в горном районе 88
 Распоряжение летними кочевьями—88. Манапский суд—
 88. Роды, не имеющие манапов—89. Эксплуатация родичей—90.
15. В чем же сущность манапства 91
 Манапы как сословие—91. Захват манапами джейлау—
 92. Охрана границ летних кочевий—92. Власть манапов—
 93. „Подарки“ и дань—93. Аткаминеры—94. Джигиты—
 94. Уртаки—кабальные землевладельцы—95. Алайская цари-
 ца—96. Киргизский феодализм—97.
16. Во что превращает манапство советскую систему. 98
 „Болош“—98. Финансовый агент—99. Настоящий „тю-
 ря“—99. „Ты арестован“—100. Прокурорский надзор на ко-
 чевьях—101. Взяточничество—102. Налоги—103. Народное
 образование—105. Здравоохранение—105. Гигиена и санитария
 в киргизском быту—106. Богачи в советском аппарате—107.
17. Не приспособление, а уничтожение 108
 Можно ли манапство „приспособить“—108. Характе-
 ристика советского аппарата—109. Как бороться с манапством—
 100. Взяточники рассказывают про коммунизм—110. Союз
 „Кошчи“—111. „Кедей партия“—111. Кооперация—111. Кто
 должен прийти на помощь—112.

Приложение:

- „Той у Керимбая“ (бытовые наброски) 113

